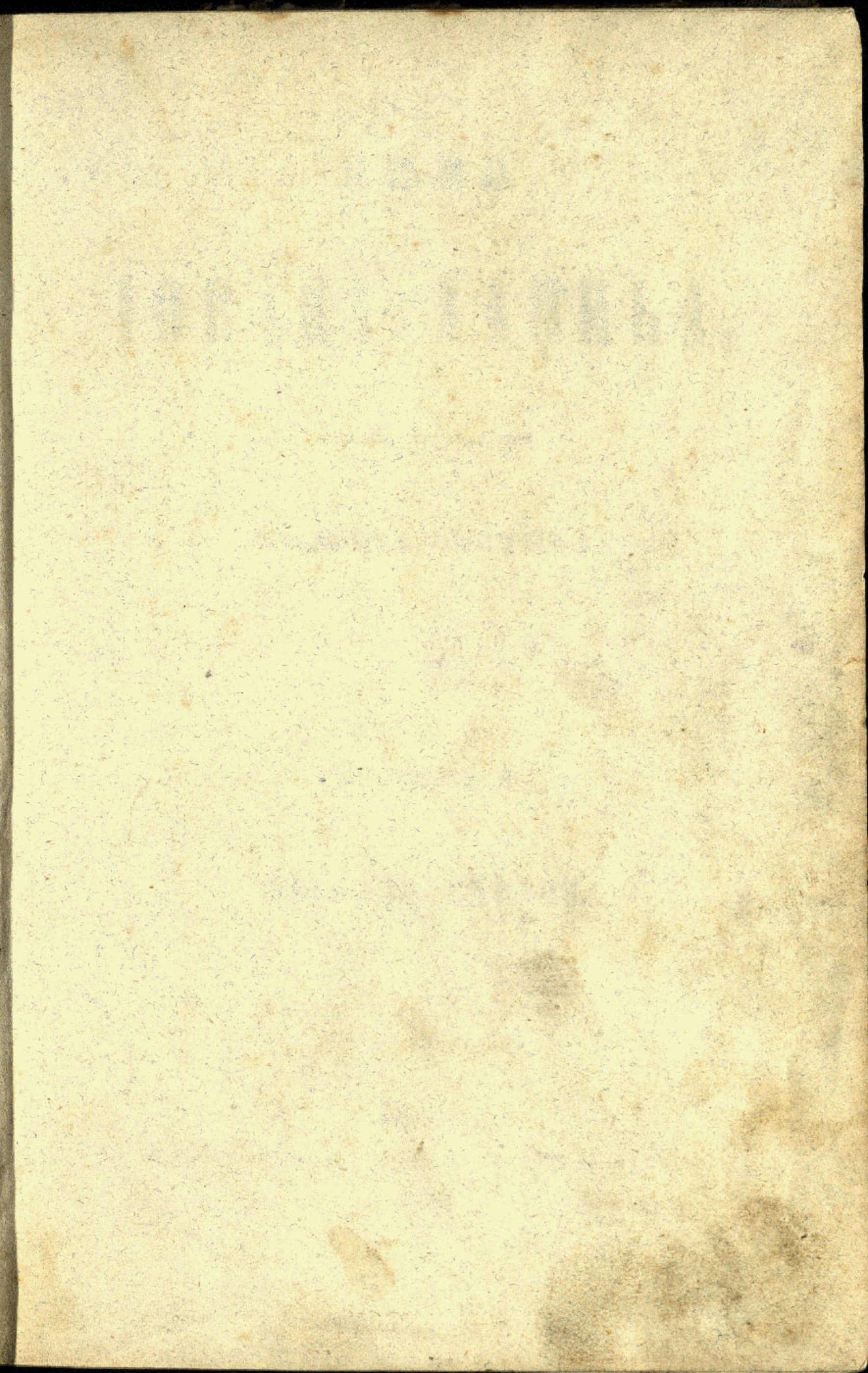

P₁₉ Cp III 229/2.1

~~M III 160~~
2

М III 160
Р 19 Ср III 225/2.1

ДЪЛА

ІОВАННА ХАЦИЋА,

у књижеству названого

МИЛОША СВЕТИЋА.

КЊИГА II.

ПРЕВОДИ СПЪВНИ.

У КАРЛОВЦИ'.

У Митрополитско-гимназіялној Типографіи.

1858.

1858

FORBANA KAPITULA

LIB. C. 71986

LIBRERIA CRISTINA

LIBRERIA CRISTINA

LIBRERIA CRISTINA

LIBRERIA CRISTINA

LIBRERIA CRISTINA

1858

ПРЕДГОВОРЪ.

Преводѣ мое изъ првоврстныхъ пѣсника, кои су раз-
сути по разнымъ повременнымъ листовима были, или
у рукопису кодъ мене наши се, садъ у скупу предаемъ
читательима моимъ. Я самъ ны поайвише у младо доба
мое радио онда, кадъ самъ се учио, и кадъ самъ силе
мое душевне о полеть и вѣштину првыхъ пѣсника огледао
и ныховымъ се духомъ крѣпио. Тако су чинили пѣсници
осталыхъ народа, будѣи у своме роду волю и ревность
къ красотама и савршенству древности класичне. Ни мы
нефемо и неможемо другимъ путемъ проѣи. Лѣпо є
наше народно пѣснопѣвство : оно є огледало наше при-
роде, краснозвучный одѣкъ душе и сердца нашего, оно
насъ подиже и освѣтлява, и дає намъ силу и важность,
коє се многи народи лишаваю. Али крайня бы нераз-
боритость была, казати, да мы поредъ такове народне
поезіє нетребамо и припознатомъ древномъ вѣштиномъ
да се занимамо, нити да ту усвоявамо и на наше полѣ

пресађуемо. Та мы нити живимо нити ћемо живити оддѣлѣни одъ осталого свѣта, и да бы се башъ хинезскимъ зидомъ оградили.

Нѣмци, Французи, и Енглези имаю доста собствене снаге, изображеня, вѣштине, науке и савршенства умнога; али нити су они то приобрѣли безъ древне вѣштине, нити престаю и данъ данашній ону усвојавати и на свое полѣ пресађивати. Хердертъ, онай великій духъ, дика и поносъ нѣмачкога књижества и народа, поредъ свое огромне умне раднѣ ниє за маловажно држао, понѣшто и изъ Хорацієвых Ода' и писама, и остальх првоврстных древных пѣсника' на нѣмачки преводити, и тимъ єзыка свога снагу и лѣпоту подизати, и у снародницима своима волю и наклоность къ вѣштини древной будити. И Нѣмци су у томе заиста неутрудими: гдѣгодъ што лѣпо на'бу, они то примаю, на свой єзыкъ преводе и усвојаваю. Нѣихови пѣсници првога реда сви су се огледали у преводима класичных лѣпотных дѣла'. Преводио є Гете, преводио Шиллеръ, преводио Виландъ понѣшто, да о Фоссу и неспомынѣмъ, кои є све скоро пѣснике класичне грчке и латинске на нѣмачкій єзыкъ превео и пресадио. И Нѣмци непрестаю преводе такове све то къ већемъ савршенству дотеривати, єдно и исто дѣло

и по десетъ пута' разнымъ начиномъ и другимъ духомъ на свой языкъ переводеѣи.

Па и осимъ древности класичне опи ништа непро-
пуштаю на свой языкъ преводити, чимъ бы књижество
свое украсити, и страннымъ лѣпотами обогатити могли.
Аппендиній, Италянъ, наиѣ на Србску народну
пѣсму ону: „Шта се бѣли у гори зеленой? —
Ил' є снѣгъ, ил' су лабудови?“ па нашавши у
ной лѣпа створа, преведе є на языкъ италіянскій, и
будуѣи да є кодъ Морлака (Моревлаха') наѣ, каза да
є превео съ языка морлачкога; па овай италіянскій пре-
водъ наиѣ Гете, па преведе на нѣмачки опеть изъ
морлачкога; па Гетеовъ преводъ наиѣ маѣарскій пѣсникъ
Казинцій, па преведе на маѣарски. Ови незнадоше ни
какавъ є тай морлачкій языкъ, и опеть пѣсму ону на
свой языкъ преводише и ню усвоише. Кадъ самъ се я
1820. године съ Казинциємъ састао и познао, я
самъ га запытао: Зна ли онъ, какавъ є то языкъ мор-
лачкій, съ кога є она пѣспа по казиваню Аппендиніеву
узета, кою є онъ изъ Гетеа па маѣарски превео? А
онъ ми є одговорио, да незна. И онда му я казах,
да є то Србскій языкъ, т. є. мой и нѣговога врстнога
приятеля Витковиѣа матерній языкъ. И онъ се зачуди,

па зажели, да му рѣчи оригинала кажемъ и протолкуемъ, па и строй пѣсме покажемъ. И кадъ му почетакъ те пѣсме тако изяснимъ, и строй нѣнъ, размѣръ и одморъ покажемъ, онда му и друге пѣсме Србске народне и нѣихове лѣпоте напоменемъ и наведемъ. А онъ саслушавши рече ми : Заиста тай народъ, у коме такове пѣсме постаю, докъ се сынови нѣгови изобразе, изуче, и са класичнымъ древнымъ лѣпотнымъ производима упознаду, кадаръ ће бити чудеса у пѣснопѣвству чинити. Ето како люди одъ науке о странныма, па и древнымъ лѣпотнымъ производима мысле и суде. Пазаръ ћемо мы према таковима хладни и нечувствительни остати? Заръ у ову умну борбу са другима нећемо пристати? —

Кадъ самъ я 1827. године мой преводъ писма Хораціева къ Пизонима, о стихотворству, цензури у Бечу предао ; онда цензоръ примивши одъ мене и видивши тай преводъ као зачуђенъ рече ми : Заръ є Србскій єзыкъ до тога савршенства доведенъ, да се на нѣму таково дѣло, као што є писмо Хораціево о стихотворству, па іошть и оригинальнымъ размѣромъ превести може? А кадъ овай преводъ исте године на свѣтъ изиђе, онда изиђе и извѣстіє о томъ у књижев-

нымъ листовима нѣмачкимъ „Blätter für literarische Unterhaltung Nr. 116. 18. Mai 1827.“ гдѣ измежу осталого ове рѣчи стаяше : „Man kann einer Literatur Glück wünschen, wenn sie in ihrem Beginn ein Werk, wie die *Arts poetica* des Horaz, und zwar im Versmaß des Originals sich aneignen kann. Wie viele Sprachen, mit einer sehr alten Literatur haben es nicht bis zu dieser Bildsamkeit gebracht?“ — и т. д. Ето какову важность учени люди ѣзыку ономъ даю, коимъ се такова дѣла превести могу, како о књижеству, гдѣ се таковых превода? налази, суде, и како одликую и на высокій степень то подижу. А заиста важность ова, коя се тимъ ѣзыку и књижеству дае, пада и на народъ, кои тимъ ѣзыкомъ говори. Па заръ мы те важности да непожелимо, и да е свима силама за родъ нашъ прибавити непотрудимо се? —

Я самъ быо ученикъ у Карловачкой Гимназiи, кадъ се првый переводъ у Додатку Давидовићевыхъ Новина у Бечу изъ Хорація на нашемъ ѣзыку появио. А то е было писмо 8. кнъ. I. Целзу Албинованцу одъ 17 врстiй у хексаметри одъ Лукіана Мушицкогъ; и Ода 12. кнъ. I. одъ Павла Берића; па се я и данасъ живо опоминѣмъ, каква су мене чувства обузимала, кадъ самъ я Хораціеве врсте првый путъ нашимъ ѣзыкомъ изражене читао.

Како самъ ихъ я прегледао, пречитавао, са оригиналомъ
сравњавао, и онымъ размѣреннымъ и удешенымъ сло-
вима чудно се, то се тако лако изказати не да. Доста,
да самъ и самъ доцнѣ исто чинити покушавао, и ѣзыкъ
Србскій и силе моѣ о Хорація и друге првоврстне
пѣснике древности огледао, и нѣхове лѣпотне створове
на полѣ наше пренети старао се. Па како є мени онда
мило было, оно мало изъ Хорація преведено видити;
тако се надамъ, да ће и младежи Србской мило и по-
лезно бити, покушенія моя изъ разныхъ првоврстныхъ
пѣсника' видити, те ће оно, што я овдѣ као у поку-
шеніяма и уломцима даємъ, они обылно у цѣлости потом-
ству предавати, и како ѣзыку важность подизати, тако
и кнѣжество богатити, те и тимъ роду своме образъ
предъ свѣтомъ освѣтлати.

С А Д Р Ж А Й

кнѣиге друге.

I. Изъ Хомера. — Иліяда :

	Страна.
1. Пѣсна прва	1.
2. Пѣсна четрнайста	41.

II. Изъ Виргилія :

Почетакъ Енеиде	76.
---------------------------	-----

III. Изъ Хорація Флакка :

1. Писмо о Пѣснотворствѣ	
а) Предговоръ	82.
б) Писмо у гексаметри'	94.
в) Писмо размѣромъ десетосложнымъ	109.
г) Примѣтбе на Писмо	140.
2. Писмо 10. кнѣ. I. Фуску Аристію	148.
3. Ода 4. кнѣ. I. Секстію	150.
4. Ода 23. кнѣ. I. Хлои	151.
5. Ода 24. кнѣ. I. Виргилію Марону	152.
6. Ода 26. кнѣ. I. Музи	153.
7. Ода 31. кнѣ. I. Аполлону	154.
8. Ода 3. кнѣ. II. Деллию	155.
9. Ода 11. кнѣ. II. Квинтію Хирпину	157.
10. Ода 17. кнѣ. II. Болестномъ Мецену	158.
11. Ода 18. кнѣ. II. Болестномъ Мецену	159.
12. Ода 19. кнѣ. II. На Баха	161.

	Страна.
13. Ода 20. кнѣ. II. Мецену	162.
14. Ода 2. кнѣ. III. Мецену	164.
15. Ода 3. кнѣ. III. На Августа Цесара	165.
16. Ода 4. кнѣ. III. Каллиопи	169.
17. Ода 1. кнѣ. IV. Венери	172.
18. Ода 2. кнѣ. IV. Антонію Іулу	174.
19. Ода 3. кнѣ. IV. Мелпомени	177.
20. Ода 4. кнѣ. IV. Хвала Друзова	179.
21. Ода 7. кнѣ. IV. Торквату	182.
22. Ода 8. кнѣ. IV. Цензорину	184.
23. Ода 7. кнѣ. V. Епод. Народу римскому	186.
24. Ода 16. кнѣ. V. Епод. На народъ римскій	187.

IV. Изъ Марциала :

Надписи	190.
-------------------	------

V. Изъ Хердера :

1. Сидъ прашта се са женомъ	193.
2. Сидъ одговара на опаданя	196.
3. Загонетка Саффина	198.
4. Съде власи	199.

VI. Изъ Гетеа :

1. У полю ружица	200.
2. Нетражено нађено	201.

VII. Изъ Шиллера :

1. Цвѣће	203.
2. Надписи	204.

VIII. Изъ Полиціана :

Пастырка дѣвойка	206.
----------------------------	------

IX. Изъ Клопштока :

Одломакъ изъ Месіаде	208.
--------------------------------	------

X. Изъ Шекспира :

а) Одломакъ изъ Макбета	210.
б) Одломакъ изъ Хенрика V.	211.

XI. Пѣсна (Слово) о полку Игоревомъ . . . . .

а) Примѣтбе по Ник. Гербелю	238.
б) Извѣстіе по Н. Гербелю	239.
в) Мое мнѣніе о овой пѣсни	241.

**XII. Преводи нѣколико Ода' Славенскихъ
изъ Лукіана Мушицкогъ :**

1. Павлу Іосифу Шаффарику	247.
2. Петру Петровићу, Митрополиту Црногорскомъ	250.
3. Къ самомъ себи	253.
4. Еклога на смрътѣ Василя Петровића	255.
5. Чувствованя єдногъ одъ бродара'	258.
6. Подизанѣ Сиона	261.

XIII. Опеть изъ Хердера :

1. Ружа	262.
2. Свѣтлость и любовь	263.
3. Авраамово дѣтинство	264.
4. Соломонъ у младости	267.
5. Соломонъ у своіой старости	268.
6. Смрътѣ Мойсеева	270.
7. Престолъ велелѣпія	272.
8. Ружа у бодляма	273.
9. Рана смрътѣ	274.
10. Рѣчи закона	275.
11. Небесный пастырѣ	277.

XIV. Изъ Круммахера :

1. Ружа	279.
2. Руже земне	280.
3. Ружа и кринъ	281.
4. Любичица	282.

XV. Изъ Геснера — Идилле :

1. Дафни	284.
2. Идасъ и Миконъ	285.
3. Миртилъ и Дафна	287.
4. Палемонъ	289.
5. Миртилъ	291.
6. Титиръ и Меналкасъ	293.
7. Дафнисъ и Хлоя	296.
8. Милонъ	299.
9. Дафна и Хлоя	300.
10. Миконъ	304.
11. Еритія	309.
12. Нофъ	312.

XIII. Овцы въ Золотой

1. Румя	282.
2. Евстахъ и любовь	283.
3. Арпагово дѣланіе	284.
4. Коломъ и мѣдъ	287.
5. Коломъ и своей старости	288.
6. Египъ Иосифъ	270.
7. Пасторъ и овцы	272.
8. Румя и овцы	273.
9. Румя и овцы	274.
10. Румя и овцы	275.
11. Иосифъ и овцы	277.

XIV. Овцы въ Золотой

1. Румя	278.
2. Румя и овцы	280.
3. Румя и овцы	281.
4. Иосифъ	282.

I.

ИЗЪ ХОМЕРА.

ИЛАДА.

1. Пѣсна прва.

Ярость пѣвай, Богиньо, Ахилла,
Ей' Ахилла сына Пелеева,
Коино се люто разсердио,
Чинеѣ' Гркомъ яде нечувене,
И юначке многе храбре душе
Шилюѣ' тамо у адову бездну,
А лешеве псима и птицама
Оставляюѣ' онымъ грабљивыма.
Те се Зевса испунила воля :
10 Та одь оногъ дана несреѣнога,
Кадь се горка распра заподѣла
Меѣу сыномъ онымъ Атреевымъ,
Владателѣмъ одь народа грчкогъ,
И Ахилломъ онымъ племенитымъ.
Ко' то тако Богове разсерди,
Да се они к'о душмани дижу?

Сынъ то бѣше Летинъ а и Зевсовъ.
Ерѣ онъ како с' на краля налюти,
Тако посла тежке болештине,
20 Те помори ону силну войску;
И народи многи попадаше,
Што в нѣму Хриса свештеника
Увредио Атревый сыне;
Овай бѣше къ лаѣам' долазио,
Да одкупи свою милу ѣрку,
Донесеѣи благо неброено,
Па и жезалъ одъ сухога злата,
Око' нѣга вѣнаць одъ лавора
Дичногъ Феба Бога Аполлона;
30 Изъ гласа е онъ молио Грке,
А найвише оне Атрейѣе,
Два войводе одъ народа грчкогъ :
Ой сынови, оба Атрееви,
И сви други Грци блистаюѣи,
Богови су вама подарили,
Становници гора' Олимпійски',
Да вы Трою града разорите,
И здраво се куѣам' повратите,
Али мени вы кѣерь мою дайте,
40 А узмите одкупъ многоцѣнный,
Поштуюѣи Бога Аполлона,
Зевсовога сына гаѣаюѣа.
Сва се войска на то приклонила,
Да поштуе овогъ свештеника,
И да прійми одкупъ многоцѣнный.

Агамемнонъ тако немислио,
Но е нѣга срамно оправно,
И претеѣи 'вако говорио :

Да се ниси овдѣ наш'о старче
50 Кодъ пространны' овы' наши' лаѣа',
Нит' оклевай, нит' се икад' враѣай!
Ерѣ ти неѣе ни жезаль помоѣи,
Нити лаворѣ Бога великога.
Недамъ кѣери теби на одкупа,
Докъ кодъ мене она неостари,
Докъ у Аргу у моемъ двору,
Удалѣна одѣ свогѣ завичая
Она мене вѣрно непослужи,
Платно ткаюѣ', са мномя ложе дѣлеѣ'!

60 Веѣъ се теѣи, нити мене дражи;
Ако желишь да кожу изнесешь,
И читавѣ се ты натрагѣ повратишь.

Текъ што оваѣ рѣчи изговори,
А Хризесѣ се одмах' поплашио,
Нѣговымѣ се рѣчма покорио;
Па онѣ мукомѣ бѣше умукнуо,
И обаломѣ морскомѣ одлазио.
Како иде тако с' старацѣ моли
Аполлону, сыну власне Лете :
70 Чуй ты мене о Боже Сминтее,
Што сѣ сребрнымѣ ты се шеташѣ лукомѣ
Там' по Хриси, скупа сѣ Килломѣ светомѣ,
У Тенеду кои снажно владашѣ!
Ако самѣ ти храма кадгодѣ я красно,

Ил' ако самъ одъ избрана юнца
Ил' одъ коза' дебеле череге
Као жертву я теби спальвив'о;
Садъ ты прійми ову мою молбу :
Да осветишь мое тужне сузе
80 Ты Грцима са стрѣлама твоим'!

Тако се онъ молио плачући;
А Фебъ нѣга есте саслушао;
Па съ Олимпа брзо силазио,
И лютито бѣше похитио,
О рамену лука обѣсио,
И узъ нѣга тула затворена.
Како с' бѣше яко налютио,
И силено брзо похитао,
Тако стрѣле шумне даю гласе;
90 Мрштеѣъ бѣше ка'но ноѣна тама;
А кадъ веѣе близу лаѣа' доѣе,
Онѣъ стаде, па он стрѣлу пушта;
Звукъ се страшный тада разлегаше
Одъ онога лука сребрнога.
Найпре само мазге убіяше,
Найпре мазге и окретне вашке :
За тимъ на нѣи стрѣле управляше,
Управляюѣ' добро погаѣаше;
Веѣе гору ватре за мртваце,
100 Гору ватре силне безъ престанка.
Деветъ дана' стрѣле пролеташе,
Божѣ стрѣле крозъ ту Грчку войску.
Кадъ десетый данъ е освануо,

А Ахиллесъ скупштину сазива,
На што га е Хера упутила,
Бѣлорука богиня преславна,
Кояно се бѣше разжалила,
Гледеѣ' Грке многе умируѣе,
Те се за нѣи она побринула.

110 Кады скупштина бѣше с' искупила,
И задоста веѣе с' накупила;
Онда Ахиллъ изиѣе на среду,
Па онъ бодрый овако говори :

Сады я мыслимъ, Атреевый сыне,
Да ѣемо се куѣам' повратити,
Повратити првомъ странпутицомъ,
Ак' одъ смрти мы се избавимо;
Ерѣ Ахейце рать и куга мори.
Но пытайте кога жертвочинца,

120 Ил' пророка или сна толмача;
Ерѣ и снови долазе одъ Зевса;
Да намъ како онъ истину каже,
Што с' налюти тако Фебъ Аполлонъ;
Да л' мы нѣму жертве неприне'смо,
Неприне'смо стотину волова :
Ил' онъ иште жертве одъ ягнядѣи,
Ил' козлиѣа' лѣпы' подебелы',
Да насъ овы' ослободи мука',

Тако рече, па се онъ посади.

130 За нѣимъ уста Калхасъ Тесториде,
Наивѣштѣи птица' испытатель,
Кои знаде шта е преѣе было,

Шта ће бити, и шта саде бива;
Коино е са пророчства духомъ
Лађе грчке къ Трои пропратио,
Коимъ га е Фебусъ обдарио :
Предъ скупштиномъ мудро бесѣдио :

Божественый Пелеевый сыне!

Ты одъ мене иштешъ да толмачимъ
140 Овогъ гнѣва Феба Аполлона,
Што владаюћ' далеко погаѣа.
Я ћу радо теби изказати,
Ал' се морашъ найпре завѣрити,
И заклетвомъ добро утврдити,
Да ћешъ мени у помоћи бити,
У помоћи рѣчма и рукама.

Еръ се лако разлютити може
Онай човекъ, кой народма влада,
Власть и силу у рукама има,
150 Когъ слушаю Аргосъ и Ахивци.
Я самъ маленъ, а якій е кралю;
Лако може гнѣвомъ наудити.
Ако на часъ ярость и устегне,
Ал' потайна мрзость у прсима
Непрестано ради и жари се,
Докъ найпослѣ огнѣмъ несгоре се,
Несгоре се, и неразлади се.
Зато кажи, хоћешъ ли ме бранит'?

Ахиллъ нѣму на то одговара :

160 Немай бриге, но истину кажи,
И толмачи ты волю Богова,

Све онако како ты дознаешъ,
Єръ тако ми Феба Аполлона,
Зевсоваго напрсна любимца,
Коме ѣшь се найпре помолити,
Па Грцима Божю волю казат':
Нико тебе додирнути неѣ,
Скверномъ рукою кодъ пространы' лаѣа';
Докъ є мене овдѣ у животу,
170 Докъ ми сунце свѣтли на земљици.
Нико, велимъ, одъ сви' Ахеяца',
Па ни самый онай Агамемнонъ,
Найсилнии у народу свему.

На то с' пророкъ светый ослободи,
Па овако одмах проговара:
Аполлонъ се ние разлютио,
Што мы жертве нѣму непринесмо,
Непринесмо стотину волова;
Но с' Аполлонъ зато разлютио,
180 Агамемнонъ што є увредио,
Свештеника нѣму срамотио,
Берку нѣму ние повратио,
Нит' одъ нѣга онъ одкупа уз'о:
Зато сильный на насъ яде пусти,
И іошть ѣе их више напуштати.
Нит' ѣе с' страшный приє оканути,
Нит' престати одъ наше пропасти,
Докъ дѣвойку милога погледа,
Невратимо мы тужноме отцу
190 Безъ одкупа и са светомъ жертвомъ,

У слободи да у Хрису иде.

Те тимъ бы се онда измирили.

Тако рече, па на мѣсто сѣде.

А диже се юнакъ Атреєвићъ

Агамемнонъ главаръ одъ народа’.

Одъ яда се бѣше налютио ;

Душа му се жучю обливала,

И црномъ се тамомъ нанунила ;

Ватра нѣму изъ очію сѣвну,

200 Страшный погледъ баца на Калхаса,

Па овако за тимъ проговара :

Юштъ одъ тебе добре рѣчи нечухъ,

Злослутниче, све на зло мислећи,

Нити добра кадгодъ проричући,

Нит’ икада добра свршуюћи.

Па и сада ты Грцима являшь,

Одъ Богова мысао нѣма кажешь,

Да Аполлонъ зло на народъ пушта,

Што за ћерку я Хрисову нисамъ

210 Уз’о онай одкупъ драгоцѣнный,

Но самъ вол’о ню задржат’ за се ;

Што ми она милия бияше

Та одъ оне саме Клитемнестре,

Одъ младости мое вѣрне любе ;

Єрѣ одъ ове ничимъ лошя ние ;

Лѣпа струка,, духа изврстнога,

И на послу одвећъ вѣштакиня.

Но готовъ самъ я ню повратити,

Ако стои, да ће болѣ быти.

220 Ёрь я волимь народъ избавити,
Него гледат' да пропада ружно.
Само мени дара преправляйте,
Даръ спремите, поштенъ ми дайте,
Да я еданъ непроѣмь безъ чести;
Кое небы никак' лѣпо было.
Сви вы ово и сами видите,
Да ми дара мога узимате.

На то с' диже онай Ахилль бодрый,
Па овако нѣму одговара :

230 О ты сыне славный Атревый,
Лакомии ты одъ свию Грка',
Каква дара ты одъ Грка' иштешь,
Одъ народа овогъ племенитогъ?
За обштинство мы ништа немамо,
Нит' смо гдѣгодъ штогодъ оставили :
Ёрь што годъ смо гдѣгодъ задобыли,
Меѣу собомъ то смо подѣлили;
А за народъ небы лѣпо было,
Кадъ бы редомъ опеть све купили.

240 Но дѣвойку ты садъ Богу подай;
А мы други хоѣмо Ахейци
Ню трипута четыр' накнадити;
Када нама Богъ и среѣа даде,
Да мы Трою града разоримо,
Разоримо и сву опустимо.

Агамемнонъ, главаръ одъ народа'
Нѣму на то 'вако одговара :
Ты с' преваре про'ѣи Ахиллессу,

Ерѣ кол'ко си храбарѣ, Богу раванѣ,
250 Опетѣ неѣшь мене преварити,
Нити ѣшь ме на то приволѣти.
Зарѣ ты хоѣшь, да я заманѣ сѣдимѣ,
Лишенѣ сасвимѣ я моего дара,
А ты твога лѣно да уживашѣ?
И ты иштешѣ, да дѣвойку пустимѣ.
Я немаримѣ, ню ѣу отпустити,
Ако ѣе ми Грци накнадити,
И по желѣи другу равну дати.
Ако ли пакѣ Грци ненакнаде,
260 Ето мене теби у походе,
Па ѣу твога я узети дара,
Аяксова или Улиссова.
Коме тако у походе доѣемѣ,
Томѣ нимало мило быти неѣе.
Но доста смо о томѣ говорили,
И после ѣе за то време быти.
Садѣ на ноге, па вы похитайте,
Црну лаѣу на море пуштайте,
И веслара' доста накупите;
270 За Аполла жертве донесите,
Па Хрисову вы румену ѣерку
У ту лаѣу одмах уведите.
Еданѣ кралю некѣ управля лаѣомѣ :
Аяксѣ или юнакѣ Идоменей,
Ил' Одиссей, ил' ма и ты самѣ башѣ
Пелеиѣу, страховитый мужу!
Да ты нама Аполла ублажишѣ,

Свештене му жертве приносеѣи.
Мрко гледи Ахиллъ Пелеиѣу,
280 Мрко гледи, овако бесѣди:
О лукавый еданъ безсрамниче,
Како све ты о корысти мыслишь!
Та я незнамъ, како с' еданъ на'ѣе
У свой овой Ахивляна' войсци,
Да послушно теби с' покорава,
Къ теби иде, съ душманы се бие.
Та Троянци нису мени криви,
Да я због ных до'ѣемъ и биемъ се.
Нису они мое конѣ крали,
290 Нити конѣ, нит' говеда моя;
Нит' потрице чинили у Фтии
На усѣви' они' мои' красни';
Насъ простори многи разставляю,
Многе шуме, велике планине,
Па и струе широкаго мора.
Но за тобомъ овамо смо дошли,
Ты безочный да радость имадешъ;
Менелая да мы осветимо,
Па и тебе, што с' несѣхашъ чести,
300 Удараюѣ' на Троянце дальне.
Ал' ты за то ништа и немаришь,
Нит' о томе какве бриге носишь.
Юшть и мога за честь даногъ дара,
Ты ми претишь, да ѣешь одузети,
Я кога самъ зноемъ задобию,
И Грци ми за честь поклонили!

Я недобих нигда такогъ дара,
Каква дара ты добіяшь свагда,
Кадъ освое Грци кога града
310 Троянскога, те га опустоше;
Но найтеже на мени е бreme,
Кое носимъ на десници руци,
Кадъ се бацамъ у жестока боя:
А кадъ до'ђе до деобе плъна,
Ты тадъ приймашь найвећега дара;
А я съ малымъ задовольит' с' морамъ,
Па уморомъ одъ боя савладанъ
Тако с' враћамъ на море на лађе.
Ал' я више овдѣ остат' нећу,

320 Идемъ натрагъ у Фтію пловећи!
Та болъ е кући вратити се,
Него с' овдѣ дати срамотити,
Но ни теби неће добро быти,
Нит' ћешъ блага себи сабирати.

Агамемнонъ, главаръ одъ народа,
На то нѣму 'вако одговара:
Иди, бѣжи, кадъ ти срдце иште!
Та я тебе никад' молит' нећу,
Да збогъ мене ты останешъ овдѣ!
330 Еръ я имамъ и други' юнака',
Кои ће ми славу задобити;
А найвише Зевса састаранъ!
Већъ я тебе немогу да гледамъ,
Сви главари милии су мени!
Та ты свуда само кавге тражишь,

Текъ да с' бієшь, у боеве летишь!
Ако више ты храбрости имашь,
Од Бога си вышнѣга добио.
Ты одлази са твоима кући,
340 Па спокойно Мирмидонцим' владай!
Єрь я тебе ни зашто недржимь,
Нити маримь за хвалѣнѣ твоє!
Но ти кажемь са окорномь претнѣомь :
Кадъ узима мени Фебъ Аполлонъ
Кѣерь Хрисову, мога лѣпа дара,
Я ѣу послат' ню са моіомь лаѣомь,
Съ моіомь лаѣомь и съ мои другары.
Ал' тако ми мое вѣре тврде,
Я ѣу поѣи до шатора твога,
350 Па ѣу узет' я Бризову кѣрку,
Кѣерь румену, твогъ честитогъ дара :
Да ты познашь, ко самъ и како самъ,
И одтуда и другій с' научи,
Да нетреба са мномя мѣрити се,
Нити мени икадъ противит' се.

Агамемнонъ истомь изговори,
А Пелеевъ сынъ се распалио,
Срдце силно у прсима біє,
Па се ломи, шта ќе да започне :
360 Да потегне мача одъ бедрице,
И удара оногъ Атрейѣа;
Ил' утиша ярость свою люту,
Па заузда нагинюѣу душу.
Кадъ се тако онъ борио душомь,

Незнаюћи куд' ђе с' да окрене,
И већь скоро мача потежући,
Яви му се съ небеса Паллада,
Кою посла бѣлорука Хера,
Што се была яко забринула

370 Любећ' оба и срдцемъ и душомъ.

Иза нѣга она с' показала,
За власи га смеђе ухватила,
И само се нѣму видит' дала;
Другій нико ню видио ние.

Юнакъ трже с' на то заплахиренъ,
Окрену се, познаде Палладу,
Сѣвнуше му очи страховито;
И онъ нѣойзи 'вако говорио :

Што си дошла, о Зевсова кѣри?

380 Вальда желишь видит' невалялство,
Што то чини Атреєвий сыне!
Но я теби садъ за свагда кажемъ,
А што кажемъ, то ђу учинити :
Та нѣгова гордость превелика
Хоће нѣму кадгодъ главе до'ћи.

А Паллада нѣму одговара,
Зевса Бога кѣрка плавоока :
Я самъ дошла съ високи' небеса',
Да ти ярость я твою утишамъ,

390 Ако кѣшь ме само послушати.

Мене посла Хера бѣлорука,
Што се есте яко забринула,
Любећ' оба и срдцемъ и душомъ,

Но проѣи се кавге и ината,
И остави твога оштра мача.
Рѣчма вређай кол'ко ти е драго,
Єрь упамти што љу теби казат',
А то ље се ямачно извршит':
Теби ље се трипут' накнадити,
400 За срамоту данасъ претрплѣну.
Зато буди ты само при себи,
Па ты слушай, што я теби кажемъ :

Али Ахиллѣ нѣойзи одговара :
Твое рѣчи, о Богиньо свѣтла,
Валя мени саде послушати,
Ма се како ердце разярило;
Єрь в болѣ тебе послушати.
Ко годъ слуша Божѣ заповѣсти,
Тогъ и Бози хоѣе уельшати.

410 Тако рече, па задржа руку,
Снажну руку на сребрномъ држку,
Врже мача натрагъ у корице,
Па онъ слуша заповѣсть Палладе.
А она се диже на Олимпа,
У двореве Зевса громовника,
Оде тамо къ Бозима остальмъ,
Ал' на ново Пелидѣ започинѣ
Горке рѣчи бацат' на Атрида;
Єрь одъ гнѣва іоште престао ние :
420 Пияницо пасія погледа,
А смѣлости ердца еленѣга!
Та ты немашь ердца слободнога,

Ты съ народомъ у бой иш'о ниси,
Нит' си кадгодъ съ племиѣи Ахейски
Съ леѣа' войску свою заштитио!
Страх самртный то теби задае!
Ал' е лакше дара узимати
Одъ онога у войсци Ахейской,
Кой противно теби одговара!
430 Ты народа губителю краю!
Кукавице слушале те одсадъ!
Та доста е веѣе твоих зала,
Зло данашнѣ некъ последнѣ буде!
А я теби ово саде кажемъ,
Пресветомъ се и заклинѣмъ клетвомъ :
Е! Тако ми овогъ скиптра сухогъ,
Кои нигда озеленит' неѣе,
Нит' избити гранчица' ни лишѣа,
Одкако се съ дебломъ разставио,
440 Разставио у гори зеленой;
Никадъ више потерати неѣе,
Ерѣ га ножемъ свега огулише,
И скидоше и кору и лишѣе;
Те сынови Грчки племенити
Носе нѣга у десници руци;
Зевсъ коима законъ повѣрио,
Да народу по закону суде :
Овако ти я се завѣравамъ!
Ты Ахилла одсадъ имат' неѣешь,
450 Ахивляни нѣга ѣ' пожелити,
И ты ѣешь га узалудъ потражит',

Када Хекторъ онай убоица
Стане брисат' Грке гомилама;
Дубоко ќе твою душу гризети
Тежка туга гнѣвомъ испунѣна,
Што најболѣгъ ты између Грка'
Ниси знао поштовати лѣпо.

Како Пелидъ ово изговори,
Баџи скиитаръ златомъ обточеный,
460 Баџи нѣга на землю изъ руке,
Па на мѣсто свое посади се.
А устаде Атридъ супротъ нѣму,
Па онъ бѣсени люто и помамно.
На то уста Несторъ съ сладким' рѣчма
Гласовитый витія Пилоскый,
Гласъ коега сласть меда быяше,
Коя нѣму съ езика капаше.
Два су вѣка нѣму већъ протекла
Два порода людій проживила,
470 Проживила па и преминула,
Преминула у свештеной Пили;
А надъ трећимъ онъ ев' сада влада.
Па онъ поче лѣпо разборито
Говорити предъ скупштиномъ цѣломъ :
Тежко нама! Какво зло се справля,
Зло велико за Ахейску землю!
Како ќе се Пріямъ радовати,
Радовати сыни Пріямови,
И веселит' савъ народъ Троянскый,
480 Када чую за ту вашу распру,

У какву се кавгу упустисте,
Вы кои сте први на совѣту,
Па и први есте на боишту.
Ал' вы мене сада послушайте!
Обоица млађи сте одъ мене!
Я се дружих кадгодъ са ячима,
Са ячима него што сте вы садъ;
Па ме нису нигда презирали!
Таквых людій никадъ вид'о нисамъ,
490 И тежко ъу кадгодъ их видити.
Какавъ нѣгда Пиритоосъ бѣше,
Какавъ Дріасъ, пастыръ одъ народа',
Па и Кеней, юнакъ Ексадіосъ,
Полифемосъ, ил' Егеевъ сыне,
Па и Тезей, онай Богу раванъ.
Та одъ овых ячих ние было
Међу живим' землѣ жителяма.
Сви су ови найснажнии были,
И борили с' противъ найснажнихъ,
500 Противъ оных горских Кентаура',
Біюћи се страшно до пропасти.
Съ овима самъ у дружеству се био;
Позвали су они мене сами
Чакъ изъ Пиле, изъ землѣ Апійске,
Те самъ и я мое учинио.
Нѣи надбити нико небы кадаръ,
Нико живый у людскоме роду.
Опетъ мога совѣта пріймаше,
И покорни рѣчма моимъ быше.

- 510 Па и вы ме сада послушайте.
Єрь совѣта послушат' болѣ е.
Па Атриде, колико си силанъ,
Немой узет' одъ нѣга дѣвойке.
Остави му, некъ нѣгова буде,
Што су на даръ нѣму Грци дали :
Али и ты Пелеиде храбрый,
Недижи се съ пркосомъ на краля.
Єрь честь веѣу валя кралю дати,
Зевсъ кога е скиптромъ прославио.
- 520 Ты ако си ячій одъ онога,
Сынъ матере пакъ и божествене,
Опетъ силу онъ веѣу имаде,
Пошто многим' народима влада.
Проѣи с' гнѣва Атревый сыне,
А Ахилла я ѣу самъ молити,
Да ублажи огань срдца свога,
Я ѣу, велимъ, молити Ахилла,
Коино е одбрана Ахейска
У овоме рату пагубноме.
- 530 Агамемнонъ, главаръ одъ народа'
Супротъ нѣму 'вако говорио :
Заиста си, о старино наша,
Лѣпе рѣчи овдѣ говорио.
Ал' е Ахиллъ человекъ югуница,
Надъ свакимъ бы онъ се растресао;
У войсци бы свакомъ заповѣд'о,
И надъ свакимъ господаромъ быо,
И свакомъ бы онъ законе дав'о,

Кое нико, мыслимъ, непризнае!

540 Ако су га Бози обдали,
И на кою вѣшта учинили;
Заръ же нѣму и слободно быти,
Да поруге на свакога баца?

У рѣчь нѣму Ахиллъ утицаше:
Та я бы самъ быо кукавица,
За човека и нитко и ништа,
Када бы се теби покорав'о,
И послушанъ на рѣчь твою быо!
Надъ другима можешъ се растресат',
550 Али мени немой заповѣдат';
Еръ я тебе богме слушат' небу!
А ово ти ево я садъ кажемъ,
Па запамти и у срдцу држи.
Нигда руке я дигнути небу,
Да се боримъ збогъ едне дѣвойке,
Нити съ тобомъ ни са другимъ киме;
Вы сте дали, па вы и узмите.
Ал' на лаѣ што я друго имамъ,
То неузми противъ волѣ мое.

560 Ил' покушай, па ѣшь видит' яда,
Како же ти црна крвца твоя
Да прокаплѣ съ острогъ копя мога.

Обоица тако с' завадише,
Еданъ другогъ рѣчма нападаше;
Па усташе, те се разстадоше,
Те и саборъ Грчкій распустише.
Сынъ Пелеевъ оде ко шатору,

Ко шатору и лађама кретнымъ.
А са њиме Менетіевъ сыне,
570 И остали нѣгови другари.

А Атридъ е лађу одпустио,
Лаку лађу на пучину морску;
Онъ узима двадесетъ веслара'
Све по изборъ болѣгъ одъ болѣга;
И жертвеникъ Бога Аполлона;
И румену къ томъ Хрисову ѣрку,
Па е води у ту спремну лађу;
И мудрога Одиссея међе,
Да управля на пучини лађомъ.
580 Тако они лѣпо уиђоше,
Струйне воде хитро пребродише.

Па Грцима Атридъ наложио,
Да с' очисте одъ грѣхова свои'.
И они се лѣпо очистише,
И сву нечисть у море бацише,
Па за тиме жертве принесоше
Аполлону жертве очишћеня
Одъ бикова оны' плаховиты',
И одъ коза' на обали мора;
590 Дымъ одъ жертве високо се диже,
И разсипа мирисъ къ небесима.

У войсци се све у послу нађе.
Агамемнонъ оногъ с' неоставля,
Што прећаше у свађи Ахиллу,
Већъ дозива брзо Талтибія,
И нѣгова друга Еврибата,

Кои су му вѣрне слуге были,
И кликачи они гласовити :
    Вы идите подь шаторъ Ахиллу :
600 Па узмите вы Бризову ѣрку,
    За руку е къ мени доведите.
Ако бы се Ахиллъ противио,
Ето мене самогъ по дѣвойку
Са дружиномъ мало и повеѣомъ ;
Па ѣе нѣму веѣегъ яда быти.
То онъ рече, па нѣи отпушташе,
Даюѣ' нѣима заповѣсти страшне.
То овыма ние мило было,
Ал' немаю ни камо ни куда,
610 Веѣъ одоше пустымъ мора брегомъ ;
    Кадъ до'ѣоше къ шатору и лаѣи,
    Ту на'ѣоше Ахилла сѣдеѣи ;
    Погледа е сѣтна невесела.
Одъ краля се они устыдише,
Нит' одъ срама штогодъ говорише ;
Нит' смѣдоше нѣму огласити,
Нити штогодъ нѣга упытати.
Ал' се Ахиллъ и самъ осѣтио,
Па е нѣима 'вако говорио :
620   Здраво да сте о вы огласници,
    Вы вѣстници людски и Зевсови !
Ход'те ближе, вы ми криви нисте ;
Агамемнонъ само есте кривацъ,
Кои васъ е оба амо посл'о,
Да водите вы Бризову ѣрку.

Друже драгій, о Патрокле вретный,
Дай изведи ты дѣвойку амо,
Нека узму, па нека е воде.
Но ме чуйте к'о свѣдоци сами
630 Предъ блаженим' ево Боговима,
И предъ свима людма самртнима,
И зликовцемъ опымъ тамо кралѣмъ :
Я небыях више у помоѣи,
Нит' одбіях яде одъ народа . . . !
Ха како му срдце с' раздражило,
И мысли му блуде губительне,
И душа му са свимъ заслѣпила,
Ништ' невиди ни напредъ ни натрагъ,
Да заштити онъ войску кодъ лаѣа'.
640 Истомъ Ахиллъ рѣчи изговори,
А Патроклосъ готовъ послушати,
Послушати мила приятеля,
Одмах оде подъ шатора спретна,
Те изведе онъ Бризову ѣерку,
И предае онымъ гласницима;
А они се съ ньоме повратише,
Повратише къ лаѣама Ахейскимъ.
Дѣвойка е невесело ишла;
Єръ волѣла остат' кодъ Ахилла.
650 А Ахиллесъ сузе проливаше;
Све другове онъ е оставио,
На обалу мора одлазио,
И у воду очи упирао,
Онъ е свое разширио руке,

Милой майци молбе управно.

Мати мила, послушай ми гласа,
Кадъ си мене таквога родила,
Да за мало я овдѣ поживимъ,
Зашто да ми Зевсе громовниче
660 Неподари сада чести, славе?

Ал' онъ мене неће да прослави!
Ено онай Атреевый сыне,
Агамемнонъ главаръ одъ народа',
Мене яко саде осрамоти,
Одузевши за се мога дара.

То говори, а сузе пролива;
Вретна мати нѣга саслушала,
На дну сѣдеѣ' мора дубокога,
Поредъ сѣдогъ оногъ родителя.

670 Па похити изъ дубльине мрачне,
Кано магла горе виюѣи се;
Поредъ нѣга она с' посадила,
А онъ рони сузе низъ образе;
Рукомъ га е лѣпо погладила,
И овако нѣму бесѣдила :

Мило дѣте, што ми тако плачешь?
Шта ли ти е душу узмутило?
Кажи мени, ништа неутай;
Да обое знамо, гдѣ те тишти.

680 Ахиллъ на то горко уздахнуо,
Па овако нѣойзи говорио :
Мати моя, све ты добро знадешь;
Шта ѣу да ти и я іоште причамъ?

Мы смо Тебу были обсе́днули,
И сву широмъ есмо оплѣнили;
И плѣна смо лѣпо подѣлили
Меѣу храбримъ сыновъма Ахейскимъ.
Атридъ доби кѣерь Хрисову руйну.
Али Хризесъ отаць и свештеникъ
690 Врстна Бога Феба Аполлона
Доѣе къ нашимъ лаѣама опре́мнымъ,
Гдѣ станую Грци оклопници,
Да одкупи свою милу кѣрку;
Силно благо за одкупъ донесе,
Съ скиптромъ златнымъ у десници руди,
Накиѣенымъ лавромъ Аполлона.
У гласъ моли све онъ Грке редомъ,
А найвише оба Атрейѣа,
Надъ народы што су поглавари.
700 Сва се войска на то приклонила,
Да поштуе тога свештеника,
И да прійми одкупъ многоцѣнный.
Агамемнонъ на то с' несклонио,
Но е нѣга срамно оправно,
И претеѣе рѣчи изтурио.
Кадъ е стараць рѣчи саслушао,
Са гнѣвомъ се натрагъ повратио.
Молио се Фебу Аполлону,
И Аполлонъ нѣга саслушао,
710 Ёръ му яко угоданъ быяше.
Па онъ стрѣле самртне пушташе,
Те падаше народи Ахейски

Гомилама у смрти челюсти;
Єръ Божіе стрѣле пролеташе
По войскама великимъ Данайскимъ.
Ту намъ єданъ одвеѣ въштый пророкъ
Пророкова совѣтъ Аполлона.
И я самъ самъ брзо савѣтов'о,
Да мы Бога одмах ублажимо.
720 Ал' се Атридъ на то налютио,
Па претеѣе рѣчи говорио,
Коєно се саде испунише.
Кѣерь Хрисову лаѣомъ однесоше,
Однесоше сынови Ахейски,
У Хрису є патрагъ повратише,
И владару даре понесоше.
Ал' и мени ево одузеше,
Изъ шатора мога одведоше
Огласници кѣерь Бризову красну,
730 Коя ми є у даръ допаднала
Чести ради одъ убойны' Грка'.
Ако ти є икако могуѣе,
Ты помози храбромъ сыну своме!
Ты узлази тамо на Олимпа,
Моли Зевса, Бога великога,
Ако си га икадъ веселила,
И милиномъ срдце испунила,
Ил' са рѣчма или дѣломъ самымъ,
Я самъ и самъ много пута' слуш'о
740 У дворови' отца великога
Похвалама тебе узносити,

Како си ты една одъ Богова
Опростила Кроніона мрачногъ,
Опростила одъ срамоте тежке,
Кадъ сви други Бози Олимпійски
Свезати га силно навалише;
Па уза нѣи и Богиня Хера,
Позидаонъ и Палласъ Атена.
Ал' ты до'ђе о Богиньо дивна,
750 И одрѣши нѣга изъ узлова,
Гласъ пуштаюћ' къ високомъ Олимпу,
Дозиваюћ' сторукога цина,
Когъ небесни Бріяреомъ зову,
А родъ людскій зове Егеономъ.
Єръ онъ снагу велику имаде,
Ячій есте и одъ отца самогъ.
Па онъ до'ђе Зевсу громовнику,
Узъ нѣга се бѣше посадио
И на браникъ весео поставио.
760 А Бози се одмах поплашише,
И везати Зевса несмѣдоше.
Къ нѣму иди, и то му спомени,
Грли нѣму ты колѣна снажна,
Па га моли, да се онъ приклони,
И Троянце узме у заштиту,
А Ахейце узбіе ко стану,
И одбіе на море на лађе,
Па да гину, люто пропадаю,
Докъ владара свога с' ненасите,
770 Па и Атридъ, главаръ одъ народа'

Докъ кривицу самъ непризна свою,
Што найболѣгъ међу Данайцима
Како треба онъ поштов'о ние.

На то Тетисъ нѣму одговара,
Одговара, а сузе пролива:
Тежко мени, што те родих сына,
Што те родих и одраних тужна!
Камо среѣа, да кодъ лаѣа' сѣдишь
Безъ тегобе неронеѣи суза';
780 Када ти е судба одредила
Да за мало ты потраешъ овдѣ.
Па када ѣеш скоро преминути,
Зашто да си найлошѣе среѣе?
На тугу те я у двору родих!
А я идемъ на Олимпа снѣжна,
Све да кажемъ Зевсу громовнику,
Небы ли онъ мене саслушао,
Ты међу тимъ ту на мору сѣди
На лаѣама брзопловеѣима;
790 Срдеѣи се на Данайскѣй народъ,
Ты престани одъ свакога боя.
Зевсъ е юче отиш'о у госте
Етиоп'ма на часть невинныма
Кодъ велики' вода' Океана,
Сви небесни нѣга одпратише.
Гоститѣе се онъ еданаѣстъ дана',
Дванаѣстый ѣе куѣи с' повратити,
И до'ѣи ѣе на снѣжна Олимпа.
Я ѣу овда тамо се попети

800 Къ тучномъ двору Бога Кроніона,
Колѣна ѣу нѣму обгрлити;
И уздамъ се, да ѣу га склонити.

То изрече, па брже отиде.

А онъ оста съ пуномъ душомъ гнѣва,
Све мыслеѣи па ону дѣвойку,
На дѣвойку лѣпо опасану,
Кою су му силомъ преотели.
А Одиссей веѣъ у Хрису доѣе,
И донесе жертве покаянн.

810 Па када су у станишту были
И у заливъ меѣъ обале ушли,
Тадъ спустише надувана едра,
И у црну лаѣу положише;
Па катарку на наслонъ нагнуше,
На едеци' доле спутивши ю,
Па веслама лаѣу потискоше,
Потискоше тамо на обалу;
И на полъ котву избацисше,
На обали уже утврдише.

820 Они сами за тимъ изиѣоше
На обалу воде плюскаюѣе,
Па и жертву они изнесоше
Врстномъ Богу фебу Аполлону;
Тадъ изиѣе и Христова ѣерка
Изъ те лаѣе моремъ допловивше.
Ню намъ води мудрый Одиссее,
Па доводи къ светомъ жертвенику.
Нѣномъ отцу ню у руке дае,

Па овако нѣму говорио :

830 Агамемнонъ, главаръ одъ народа',
Посла мене къ теби о Хрисесу,
Да ти предамъ твою милу ћерку,
И принесемъ жертву Аполлону,
И гнѣва му спрамъ Грка' ублажимъ
Коиъ многе онъ зададе яде,
Многе яде народу Аргивскомъ.

Тако рече, па дѣвойку давъ;
Онъ радостанъ милу ћерку прійма.
Па стадоше нареѣиват' жертве,
840 Жертве Богу око жертвеника,
Жертвеника лѣпо украшена;
После перу они свое руке,
Па узимлю онай ечамъ светый.
Хрисесъ руке къ небу подигнуо,
И изъ гласа Богу с' помолио.

Чуй ты мене о великій Боже!
Кои Хрису обилазишь съ лукомъ
Са сребрнымъ, скупа съ Килломъ светомъ
У Тенеди кои силно владашь!
850 Кои си ме веѣь саслуш'о онда,
Када самъ те быо умолио.
Те си мене лѣпо прославио,
И Ахейце страшно поразио;
Па ты мене и сада саслушай,
Да испунишь мою топлу желю:
Ой помози сада Данайцима,
Избави их одъ срамотныхъ мука'.

Тако е онъ молио изъ гласа;
И нѣга е Аполлъ саслушао.
860 Када су се Богу помолили,
Ечамъ светый іоште просипали;
Вратове су натрагъ савіяли,
И поклали жертве преправлѣне,
Па су коже са нѣх огулили,
И бутове одъ нѣх оддѣлили,
Съ марамицомъ двапутъ обавили,
Све су друго они изудили,
Изсѣченим' удов'ма покрыли.
Гомилама старацъ сапалио,
870 И црвенимъ виномъ преливао;
Млади момци нѣи су окружили,
Петорожацъ држећи у руци.
Кадъ бутове они сагорѣше
И утробе мало окусише;
Све на мала парчадъ изсѣкоше,
Па на ражнѣ они натакоше,
Према ватри лѣпо испекоше,
Па съ ражнѣва све то поскидаше.
А одъ посла како починуше,
880 И ужину тако сготовише,
Они е' онда добро почастише,
И у дружетву срдце веселише.
Па када се добро понapiше,
И ела се іоште наситише,
Онда момци суде напунише,
Напунише брзо руйнымъ виномъ,

На пово се десно окренуше,
Пуномъ купомъ свакогъ понудише.
Тако они васданъ пѣваюћи,
890 Лѣне пѣсне Пеану дижући,
Свиколики врстни Ахивляни
Трудише се Бога ублажити,
Силу гласно нѣгову славећи;
А то нѣму мило слушат' было.

А кадъ сунце на западу зађе,
И мракъ ноћный на небо узиђе;
Свиколики они полегаше,
Узъ едеке лађе починуше.

А кадъ сютра зора заплавилла,
900 Одъ истока она узлазила,
Узлазила са прстима руйним';
Тад' се они патрагъ повратише
Къ удалъной войсци Ахивляна'.
Згоданъ вѣтаръ нѣма послужио,
Кога посла Фебъ Аполлонъ врстный;
Па катарку они подигоше,
И трептеѣа едра разапеше.
Среду едра вѣтаръ напирио,
Чувъ с' плѣсакъ волна' плюскаюћихъ,

910 Што се био о пловећу лађу.
Брзо лађа воде препловила
И свегъ пута скоро преметнула.
Кадъ до'ѣоше къ войсци Ахивляна',
Црну лађу одмах извукоше
На обалу оне землѣ суве,

На песакъ в горе поставише,
Па и вальке подъ ню подваляше;
И текъ онда с' они разиѣоше
По околным' лаѣам' и шатори'.
920 Ахиллъ храбрый тамо сѣдио е,
Пелеевый божественый сыне,
Сѣдио е на мору на лаѣам';
И еднако люто срдно се :
Нит' веѣ иде кадгодъ у скупштине,
Кое людма славе прибавляю;
Нит' излази икадъ на боиште.
Одъ туге му срдце пропиштало,
Ал' се нѣму на ино неможе.
Онъ текъ жели, да се вика диже,
930 Вика диже, и оружѣ звечи.
Кадъ дванайста зора заплавила;
Вратише се Богови безсмртни,
И на Олимпъ они узиѣоше;
Све доведе Зевсе громовниче.
Што Тетиса сыну обеѣала,
То е свршит' одмах похитала.
Подигла се изъ таласа' морскихъ,
Па юштъ зоромъ къ небу узлазила,
Узлазила къ небу на Олимпа.
940 Ту е нашла Зевса свемоѣнога,
Гдѣ онъ сѣди одъ другихъ удалѣнъ,
Тамо горе на найвышемъ вршку
Олимпійске горе врховите.
Па када се нѣму приближила,

Предъ нѣмѣ се близу посадила,
Па колѣна нѣму обгрлила,
Обгрлила своіомъ лѣвомъ рукою,
И подбордакъ десномъ додирнула;
Па е Зевса моѣногъ владателя

950 Она топло овако молила :

Зевсе Боже, мой премилый отче!

Ако самъ ти икадъ меѣ' Боговы

Омилила рѣчма или дѣломъ,

Садъ ми ову ты испуни желю :

Прослави ми мога милогъ сына,

Штоно вене преѣе другихъ смртныхъ!

Агамемнонъ, главаръ одъ народа',

Нѣга ружно саде осрамоти,

Одузе му дара нѣговога,

960 Кога самъ онъ освоио бѣше.

Та освети нѣга Олимпійскій

Зевсе сильный, свѣта правителю!

Дай побѣде силу Троянцима,

Да пожелѣ Грци сына мога,

И богате чести му оддаду.

Зевсъ, дижуѣій црне облачине

Ништа нѣойзи на то неговори.

Задуго е ѣутио сѣдеѣи.

А Тетисъ се веѣма нагибаше

970 Къ обгрлѣнымъ нѣговымъ колѣнамъ,

Па стаде се на ново молити :

О говори, ил' ми обеѣавай,

И изкажи, да ѣешъ учинити,

Ил' ми кажи, да учинит' неѣшь!

(Стра' никаква ты и тако немашь)

Да баръ знадемъ, да самъ оставлѣна,

И найманъ есамъ поштована.

Ал' Зевсъ срдитъ изъ громка облака

'Вако нъойзи на то одговара :

980 Доста мени ты незгоде спремашь,

Што ме гонишь, да се съ Херомъ сваѣамъ,

Те ѣ мене дражити псуюѣи.

Доста ми е нѣне сваѣе было,

Гдѣ ме псуе меѣу Боговима,

Што помажемъ у бою Троянцим'.

Но ты глядай брже укланяй се,

Да те Хера овдѣ неопази;

А моя ѣ за то брига быти,

Како да ти по жельи учинимъ.

990 Па ево ти главомъ приникавамъ,

Да с' за цѣло можешъ поуздати.

Найсветіе то і' одъ мене еметво

Обеѣаня' моихъ кодъ Богова,

Кое нигда преварити неѣе,

Но оно я свагда извршавамъ,

Што годъ съ никомъ главе обеѣavamъ.

Како рече, тако и приниче,

Зевсъ приниче црным' обрвама.

Па витице власій амвросійскихъ

1000 Поклатише с' са безсмртне главе;

Высина се Олимпа потресе.

То свршише, па се разстадоше.

Богиня се вину са Олимпа,
Са Олимпа оногъ озареногъ,
Па силази у дубльине мора;
А Зевсъ оде у двореве свое.

Сви безсмртни одмах устадоше,
На ногама нѣга дочекаше,
И на сусреть нѣму изиђоше,
И ни еданъ натрагъ неостаде,
Но сви скупа преда-нъ изиђоше.

Како дође, онъ на престолъ сѣде.

Ал' е Хера была опазила,
Кадъ е она Тетисъ сребронога
Кѣи Нерей старца тамо была,
И съ нѣимъ сама тайно говорила.
Па се одтудъ нашла увређена,
И овако Зевсу говорила:

О лукава една подмуклицо,
1020 Ко се съ тобомъ опетъ договар'о?
То е твоя свагда радостъ была,
Текъ одъ мене само уклонит' се,
И имати тайне договоре.
Кадъ си мени сердце поклонило
И мысли ми твое саобштио?

На то отаць людій и Богова
Овако е нѣойзи говорио:
Немой мыслит' о Богиньо Херо,
Да ты свагда мое мысли знадешь;
1030 Ако моя и супруга еси,
Опет тежко і' погодит' ми мысли.

Што недржимь я за какву тайну,
То ѣшь прва ты дознати свагда,
Осимь свію смртных и безсмртных.
Ал' што небу да Бози сазнаду,
То се чувай, немой уходити,
Нит' се труди таково дознати.

На то Хера ока величава

Овако в нѣму говорила :

1040 Шта ты рече Зевсе страховитый!

Та я нигда нисамь уходила,

Нит' тражила дознати ти тайне;

Ты си мирно свагда одреѣв'о,

Како ти е кадь угодно было.

Али сада я у срдцу стрепимь,

Да те неѣ окренути Тетись,

Сребронога кѣи Нерей старца,

Єрѣ кодъ тебе она ютрось была,

И колѣна твоя обгрлила.

1050 И ты си іой главомь приникнуо,

Па я мыслимь да си с' завѣрио,

Да Ахилла хоѣшь прославити,

Многе Грке 'згубити кодъ лаѣа'.

Ал' Зевсѣ грмеѣ' у облаку црномь

'Вако нѣойзи на то одговара :

Ты си чудна о супруго Херо,

Све ты нѣшто тражишь и нагаѣашь!

Ал' е залудѣ све твое траженѣ;

Єрѣ се са тимь далѣ удалявашь,

1060 Одѣ срдца ми с' све веѣма одбіяшь.

А то за те быће све страшніе;
Да башъ тако све се и учини,
То ће моя тако воля быти.

Него сѣди мирно, па ты ћути;
И ты мое слушай заповѣсти!
Сви безсмртни они на Олимпу
Небы теби ништ' помоћи могли,
Ако те се я садъ попнемъ горе,
И рукама силныма измахнемъ.

1070   Како ово Зевсе изговори,

А Хера се яко поплашила;
Па остаде веѣь садъ ћутаюћи,
И свогъ срдца бурю устежући.
Наоколо божіи небесници
Служише се тужни у дворани.
Али Хефестъ, одъ вѣштине славный,
Садъ за свою заузе се майку,
Та за майку бѣлоруку Херу,
И овако стаде бесѣдити :

1080   Ако се вы тако раздвоите,

Око' смртныхъ тако с' завадите,
То ѣ' найпослѣ и пропасть донети,
Нити ће се веѣь моћи поднети.
На буну ће с' и небесни дићи.
Свако насъ е веѣь веселѣ прошло,
Нит' часть коме веѣь на память пада;
Ерѣ што дуже, све то горе быва!
А я велимъ моіой милой майци,
Ако и есть и сама разумна,

1090 Нека иде къ нашемъ отцу Зевсу,
И любезна нѣму се покаже,
Да с' нелюти, нити псуе Зевсе,
Нит' смуѣе насъ на части више.
Ерѣ онъ може, ако само хоѣе,
Богъ громовникъ овай на Олимпу
Насъ сакрушит' са престола' наших;
Ерѣ надъ свима онъ е найсилни.
Но ты сладким' умили му с' рѣчма;
Па ће опеть онъ се ублажити,
1100 Милость свою нама поклонити.

Како рече, а онъ се подиже,
Па двоструку пуну купу узе,
И пружа е матери у руку,
Па овако нѣойзи говорио :
Сноси само, моя мила майко,
И угуши тугу срдца твога!
Да я моим' очима невидимъ,
Мила майко, кадъ онъ тебе казни;
Ерѣ кол'ко бы мени тяжело было,
1110 Опеть теби я помог'о небы :
Ко ће нѣму на сусреть изићи?
Та знашь онда, како яданъ про'ѣох,
Кадъ самъ тебе одбранити хотѣо.
Како мене онъ за ногу счепа,
Па ме баци са свештена прага,
Да самъ тужанъ я летио васданъ,
Па на вече са заходомъ сунца
Полу мртавъ у Лемносъ самъ пао ;

И ту бы ми край животу быю,
1120 Да ме ние народъ Синтійскій
Приятельски одмах прихватию.

На те рѣчи любко с' осмѣхнула,
Осмѣхнула Хера бѣлорука,
Па смѣшећи с' купу прихватила,
Изъ сыновнѣ руке узимала.

Сынъ на десно садъ се окренуо,
И Бозима свима наслужио,
Сладкій нектаръ редомъ ливаюћи.

А Богови сви они блажени
1130 Грохотомъ се саде насмѣяше,
Гледаюћи Хефестову журбу,
Коіомъ бѣше хитро пролазио.

Тако они тай васцѣлый данакъ
До захода сунца частише се;
Ту веселя паде дружевнога,
Са сладостномъ лиромъ Аполлона
И са пѣсмомъ Муза' Олимпійскихъ,
Коіой сладки одзиваше с' гласи.

Ал' како се свѣтла луча спусти,
1140 Свѣтла луча оногъ яркогъ сунца,
Богови се онда разиђоше,
И одоше у ложнице свое,
Да почину у дворови' свои',
Коено имъ Хефестъ саградио,
Ромый Хефестъ даровита ума.
Зевсъ громовникъ онай Олимпійскій
И онъ оде у ложницу свою,

Гдѣ обычно бѣше одиочив'о,
Сладкій санакъ кадъ му с' приближио :
1150 Тамо сада оде починути,
И съ нѣимъ Хера одъ престола златна.

2. Пѣсна четрнайста.

Вино пие Несторъ подъ шаторомъ,
Вино пие, страшну вику чуе.
Окрену се Асклепѣвомъ сыну,
Па бесѣди крылатима рѣчма :
„Махаоне, племенитый мужу,
Шта ће быти одъ тих тужных дѣла' ?
Какву вику тамо на лаѣама
Дуже младежъ наша ратоборна!
Ту кодъ мене садъ остани друже,
10 И руйнымъ се ты подкрѣпи виномъ :
Хекамеда са кудравы власы
Меѣу тимъ ће воду угрѣяти,
Прах ће съ тѣла опрати крававый,
А я одох мало на брежулякъ,
Да погледамъ, шта се тамо ради.
То изрече, па онъ штита узе,
Штита красна, одъ сына оставшегъ,
Кои с' блиста савъ у чистой мѣди;
Нѣга витезъ бѣше Тразимедесъ
20 Оставио ондѣ подъ шаторомъ,

А отиш'о съ штитомъ отца свога.
И узима копѣ убоито,
Съ врхомъ оштрымъ одъ туча кованымъ;
Текъ предъ шаторъ што узис'о бѣше,
Одмахъ види позоріе срамно :
Бѣже Грци, вияю Троянци,
Па ихъ стижу и са плећа' бию ;
И тврдиня Грчка развалѣна.
Како види, онъ се упрепасти,
30 Стаде мыслит', на кою ће страну,
Ил' ће по'ћи међу Грке брзе,
Ил' къ Атриду, свима господару.
Тако стои, па се душомъ ломи ;
Башъ к'о море, када му се смрачи,
Те га смртна обузме тишина,
Даюћ' знаке страшногъ вѣтра бурногъ.
Мыслећ' стараць на добро смислио,
Онъ одлази къ сыну Атрееву. —
Бой жестокій еднако е трајо,
40 Еданъ другогъ клали, убияли.
Ужасна се звека простирала
Одъ оклопа' и штита' ратника'
Подъ ударцы копя' и мачева.
Ние дуго постояло време,
Ал' предъ старца цари изиђоше,
Све то сами Зевсови питомци,
Одъ лађа' су они долазили,
Сви у бою рана' допаднули,
Тидидъ храбрый, и съ ньиме Одиссей,

- 50 И државный Атридъ Агамемнонъ.
Далеко су лађе отиснули,
Одъ бойнога поля уклонили,
Све обаломъ оногъ ^{мора} ~~поля~~ синѣгъ.
Прве лађе на суво извукли,
И предъ нѣма бедене подигли.
Кол'ко была обала пространна,
Опетъ лађе смѣстити немогла,
Силне лађе съ крылма одъ весала :
Войске су имъ быле утѣснѣне.
- 60 Стубама су горе их извукли,
И обалу нѣма загушили
Дужь залива оногъ широкога.
Три войводе сада изиђоше
Разбоиште да виде жалостно ;
Съ копяма се они поштапаюћ'
Редомъ ишли, те су прогледали,
Съ пунымъ срдцемъ туге и жалости.
И нѣи срете Несторъ коняниче,
Те имъ с' душа юшть веѣма потресе.
- 70 Нѣму кликну главаръ Агамемнонъ :
„Ой Несторе, Пелеевый сыне,
Дична славо Ахеяна' бодрых!
Та што си ми амо долазио,
И самртну битку оставио?
Я се боимъ одъ Хектора страшногъ,
И я стрешимъ да се ненаврши,
Што се Хекторъ бѣше завѣрио.
На скупштини нѣкада Троянской

Претио в Хекторъ поносито :
80 Да ќе спалит' све лађе Ахейске,
Нити ќе се пређе повратити,
Докъ и Грке све несбрише широмъ.
Така была на скупштини претня,
Па ево се све тако свршава!
И Богови, и све Грчке войске
Срдце носе на мене к'о Ахиллъ,
Сынъ Пелеевъ онай брзоногій;
Еръ се они изъ боя извлаче
Око крме лађа' узвышених.
90 Али Несторъ, коняникъ Геренскій,
Атриду е 'вако одговар'о :
Тако есте, о Агамемноне,
И све хоће тако да с' изврши!
Па ни самый неможе Громовникъ
Одчинити, што е учинѣно!
Зидина е пала Ахивляна',
Противъ врага кою подигосмо,
И добро е одвећь утврдисмо,
Да лађама у заштиту буде.
100 Неприятель али навалио,
Безъ престанка удара на лађе,
Те насъ гони и напада люто;
И кадъ добро свуда погледамо,
Већь се незна гдѣ и забуна већа,
Тако намъ се разстроила войска.
Свуд' забуна, свуда убиянѣ,
Тужна вика до неба се диже!

Дай да Браћо мы садъ промыслимо,
Шта ће бити одъ оваких дѣла?
110 Може бити, разумъ ће помоћи.
Ой войводе, я несавѣтуемъ,
Да се у бой мы садъ упуштамо;
Єръ ранѣнымъ валя починути.“
Агамемнонъ, главаръ одъ народа,
Нестору е на то одговар'о :
„Кадъ се бой веѣ око' лаѣа' диже,
Кадъ ни бедепъ високо подигнутъ,
Нит' е шанацъ нама одъ помоћи,
Коено смо съ трудомъ начинили,
120 И надеждомъ добромъ питали се,
Да ће лаѣе и насъ заштитити :
Ту намъ сумнѣ никакове ние,
Да е Зевсу моѣноме угодно,
Гледат' Грке гинути безславно!
А было е кадгодъ оно време,
Кадъ е Грке онъ бранио жельно.
Ал' садъ видимъ, гдѣ сынове Трое
К'о безсмертне славомъ увѣнчава,
А Грцима силе, руке веже!
130 Но вы мене сви садъ послушайте;
Овай совѣтъ да мы извршимо :
Прве лаѣе, пучини найближе,
Да одандѣ скоро покренемо,
И пустимо на свештено море;
Да мы котве у море пустимо,
На котвама да лаѣе држимо,

Докле мрачна ненаступи ноѣца;
Па ќе ноѣца боякъ прекратити,
Троянци ќе престат' нападати;
140 Лакхо ќемо онда приступити,
И последнѣ поспуштати лаѣе.
Ние срамно избѣгнути бѣду
Подъ заклономъ густогъ ноѣи мрака.
Болѣ бѣгствомъ побѣх' одъ несреѣе,
Неголи се бацат' у несреѣу!

Ал' Одиссей богатога ума
Преко гледнувъ нѣму проговара:
„Господару, шта ты то изусти,
Шта изусти, да одъ Бога наѣешь?
150 Несреѣниче! Та болѣ бы было,
Да предводишь войску одъ робова,
Нег' да владашь надъ нама витезма,
Коима в Ювишь одредио,
Одъ младости нѣжне до старости,
У боеви' да с' люти' биемо,
Сви съ оружѣмъ докъ непопадамо!
Или си ты можда наумио,
Да оставышь многолюдна града,
Кодъ кога смо мука' претршили,
160 Мука' страшных нигдѣ невиѣеных.
Та умукни да те ко нечуе,
Да говоришь рѣчи онакове,
Кое онай нетреба да има,
Кои има здравога разума,
И са овымъ свое рѣчи слаже,

Кои скиптаръ у рукама држи,
Надъ толиким' народима влада,
К'о што владашь ты о господару,
Надъ толиким' племеним' Аргивским'.
170 Што ты мыслишь, я се съ тимъ неслажемъ,
Нит' пристаемъ на совѣта твоего.
Ты намъ велишь наставити боя,
Зато лаѣе пустити у море,
Заръ да с' желя испуни Троянцемъ;
Ние доста, што се у боеви'
Веѣе славомъ они увѣнчаше,
Но да сврше што су наумили,
Да мы грозно овдѣ изгинемо;
Еръ кадъ лаѣе на море с' повуку,
180 Грци неѣе издржати боя:
Натрагъ ѣе се они освртати,
И воєну храбрость погубити,
И совѣти одъ тебе намъ дани
Насъ ѣе 'згубит', о народа' цару!
Нѣму на то главаръ Агамемнонъ
Одговара узвышенымъ гласомъ:
„Лаертиде! Ты мене порази,
И душу ми укоромъ потресе;
Я нит' хоѣу нити заповѣдамъ,
190 Да се лаѣе у море пуштаю,
Ако Грци то нежеле сами.
Ко годъ болѣ совѣтоват' умъ,
Некъ изиѣе и предстане овдѣ,
Мно ѣе ми и угоданъ быти,

Быо младиѣ или старацъ сѣдый.

И Диомедъ стаде говорити,
Што позива на бой раторборце :
„Ево мене съ совѣтомъ исканымъ,
Нетреба га далѣ ни тражити,
200 Ако вамъ е добаръ совѣтъ мио.
Немойте ми само замѣрити,
Нити себе съ тиме жалостити,
Што наймлаѣій меѣу витезовма
Я излазимъ, и вама говоримъ,
Одъ рода самъ и я племенита,
Праведно се нѣимъ поносит' могу,
Ерѣ е Тидей мени отацъ быо,
Когъ покрыва гробница у Теби.
Одъ Партея три с' родила сына;
210 Живили су Мелась и Агрие
У Плеврону и у Каледону,
Брдовитой ал' дебелой земли;
Треѣій бѣше Иней коняниче;
А храбростю наибольѣій одъ свию
Дѣдъ мой бѣше Тидеевый отацъ.
Па и онъ е тамо пребывао;
Ал' мой отацъ у Аргосъ отиде,
И онъ тамо утѣциште на'ѣе
Послѣ дугогъ свога странствованя.
220 Ерѣ Зевсова тако бѣше воля,
И безсмртни тако наредише.
Кѣерь Адраста узе за любовцу;
Онъ домаѣинъ врло богатъ бѣше,

Свака блага задоста имаше,
Многе нъиве одвеъ житородне,
И садове разне плодоносне,
И стадама многим' богатъ бѣше,
Кой^а въ знао добро борити се,
Да в Грке све онъ надмашно.

230 Но вы све то сами добро знате,
Кадъ сте сами причати слушали.
И кадъ знате, о вы цари моѣни,
Да я нисамъ рода презрѣнога,
Ни совѣта неѣете презрѣти,
Коега вамъ я слободно кажемъ:
Да мы сложно у битку идемо,
А на ране и да негледамо;
Еръ се сада на ино неможе.

Мы да с' войсци истомъ покажемо,
240 А одъ боя да се задржимо,
На далеко да се устанимо,
И одъ стрѣла' добро удальимо,
Да комъ рана рану неповреди.
Текъ да друге на бой поштримо:
Еръ су многи срдца меканога,
Па далеко стое небіюѣ' се.

Како ово цари саслушаше,
Одмах они на то пристадоше,
Па по'ѣоше на бой са оружѣмъ,
250 А предъ нѣима Агамемнонъ првый:
И Позидонъ заманъ негледаше,
Веъ се явля войводама Грчкимъ

Узевъ образъ оstarѣла мужа;
Десну руку цару прихватио,
Када войску бѣше нареѣив'о.
Па онъ нѣму овако бесѣди,
Пуштаюѣи окрылѣне рѣчи:

О Атриде! Многомоѣный царе!

Нека мрачно сердце Ахиллово

260 Одъ радости у прсима игра,

Гледеѣ' пропасть и бѣгство Даная!

Чувство му е тврѣе одъ камена!

Па нека га, такавъ некъ пропадне,

Богъ ѣе гордость нѣгову посрамит'.

Али Бози юштъ милую тебе;

И скоро ѣе войводе Троянске,

И главари нѣни оставити,

Оставити то широко полѣ.

И скоро ѣешъ ты нѣи угледати,

270 Гдѣ одъ лаѣа' бѣже и шатора'.

Тако рече, па изъ гласа виче,

Разлеже се оно полѣ бойно,

Канда десет хиляда' ратника'

На еданпутъ вику дижу страшну,

Кадъ нагрну на ватрену битку:

Така гласа пушта Посидаонъ,

Те потреса войску ратоборну,

У свакоме сердце с' разиграло,

И снагу е веѣу добывало,

280 Да с' наново бие и удара.

Хера госпа одъ престола златногъ,

Стаяла е на Олимпа вршку,
Па гледала доле на боиште,
Одмах позна брата и дѣвера,
Штоно лети преко поля бойногъ,
Хитро лети своіомъ силномъ снагомъ;
Па се она душомъ радовала.
А на Иди брду високоме,
Гдѣ потоци жубореѣи струе,
290 Види Хера Зевса великога,
На кога се люто разсердила.
Па богиня и супруга Зевса
Са очима краснима волуйскимъ,
Стаде мыслитъ како б' преварила
Умъ божескій цара Егіоха?
Па мислеѣи на едно смислила:
Лѣпнымъ рухомъ да се преодѣне,
И уборомъ накити прекраснымъ,
Тако с' Зевсу на Иди покаже,
300 Кадъ е види тако украшену,
Онъ ѣе можда одмах пожелити,
Да почине, любовомъ наслади се.
А она ѣе нѣга успавати,
И зѣнице и умъ притиснути
Са дубокимъ и сладостнымъ санкомъ.
У ложницу Хера одлазила,
Кою іой е Хефестъ саградио,
Саградио Хефестъ сынъ іой вѣштый:
Къ доворотцима врата притиснуо,
310 Тайномъ резомъ затворъ ударио,

Кою нико отворио ние,
Нити смртный, нит' кои безсмртный.
Па кадъ Хера унутра униѣ,
Све е она добро затиснула,
Да свѣтлости ниодкуда не'ма.
Па водицу узе амвросійску,
И са тѣла свога дражестнога
Свакій прашакъ и найманый спира.
Што имаше найчистія уля,
320 Бистра уля силе амвросійске,
Што простире мирисъ надъ мирис'ма,
Тѣмъ се маже одъ главе до пете :
Та кадъ прене у Кроновой куѣи,
Кроніона куѣи одъ бакара,
Мирисъ ~~къ~~^{му} се божескій разсипа
К'о духъ чистый по небу и земљи.
Кадъ е красно тѣло намазала,
Русу косу онда очешляла,
Лѣпо плела, па е намѣштала,
330 И витице сѣйне таласаве,
Небеснога строя и мириса,
Спуштала е са безсмртне главе.
Красно рухо на се ударала,
Кое іой е одткала Атина,
И богатымъ везомъ изшарала;
Па узима наките предивне,
Те се кити што годъ болѣ може;
Хальину е горе затегнула
Выше грудій златомъ убирала,

340 Струкъ поясомъ лѣпымъ опасала,
Па ободце она узимала,
Коено су прекраснога строя
Са висеѣимъ трострукимъ каменѣмъ,
Кое блиста кано ярко сунце;
И у уши нѣи е удѣвала.
Одъ богинѣ с' дражестъ просипала,
И око нѣ силно заблистала.
Юштъ е Хера главу застирала,
Застирала лакхомъ копреницомъ,
350 Кояно е сасвимъ нова была,
И сіяла кано ярко сунце.
А на лѣпе оне ноге бѣле
Обувала цревлѣ найкраснѣе.
Кадъ е Хера себе украсила,
И за очи лѣпо удесила,
Изъ ложнице онда излазила,
И Зевсову ћерку Афродиту
На страну е она одзивала,
Одъ безсмртныхъ съ нѣомъ се удалыла,
360 Па овако нѣойзи говорила:
„Єдна желя на срдцу ми лежи,
Мила кѣери, да л' ћешъ испунит' ю?
Ил' ћешъ ми ю можда ты одбити,
Што се срдись на мене Кипридо,
Што Данайце я чувамъ и бранимъ,
А ты држишь Троянцима страну?
А Зевсова ћерка Афродита
На то нѣойзи 'вако одговара:

„Прославѣна о богињо Херо,
370 Ты породе великога Крона!
Желю твою ты мени изкажи;
Срдце мое радо ѣ' испунити,
Само ако могу испунити,
И ако е испунит' могуће.

На то Хера са варљивымъ срдцемъ
Ньой овако хитро проговара:
„Дай любви мени Афродито,
И дай мени сладких оных желя',
Ты коима срдца покоравашь
380 И смртника' па и безсмртника'.
Я одлазимъ далеко одавдѣ
Там' у землю ону пребогату,
Да я видимъ мога отца драгогъ,
Океана и Тетису майку,
Коино су мене одранили,
У дому су своме успитали,
Малену ме одъ Рее узевши,
Када громомъ Зевсѣь еднако грмеѣ'
Баца Крона подѣь земљицу црну,
390 И подѣь воде неплоднаго мора.
Тамо идемъ да их я походимъ,
Одѣь раздора небы л' престанули.
Веѣь одавно Богови безсмртни
Одтуѣише с' одѣь загрля милогъ,
Одѣь загрля и постелѣь брачне.
Єрь имѣь пакость обузела душе.
Ако смиримъ мое родителѣь,

Те ми они послушаю рѣчи,
Па се склоне опеть ко любви,
400 Ко любви и постельи брачной,
На вѣки ѣу любовь заслужити,
Одъ нѣхъ любовь и лѣпо поштенѣ.

А Киприда съ умилятымъ гласомъ
На то нѣойзи опеть одговара :
„Немогу ти желѣ одбѣяти,
Нити могу нит' одбити валя;
Ерѣ ты лежишь у загрлю Бога,
Оногъ Бога Зевса свемогуѣегъ.“

Говореѣи она поясъ дреши,
410 Поясъ красный са прсѣю своихъ,
Коино е игломъ лѣпо везенѣ,
Игломъ везенѣ, богато изшаранѣ :
У нѣму су све дражестне чари;
У нѣму су желѣ и любви,
И познанства и проситбе брачне,
У нѣму су умиляте рѣчи,
Кое лове и разумныхъ умлѣ.
Хери она овай поясъ пружа,
Пружаюѣи 'вако проговара :
420 „Ево теби могъ пояса красногъ,
Сакрый нѣга Херо у нѣдрима!
У нѣму ѣешь све што желишь на'ѣи,
Я се надамъ и уздамъ се тврдо,
Да ѣе ти се желя испунити,
Срдца твога пламенита желя,
Пре него се на Олимпъ повратишь.

Кадъ в Хера ово саслушала,
Милокрвно она с' осмѣхнула,
У нѣдра в поясъ сакривала.
430 А Зевсова ћерка Афродита
Оде натрагъ у саборъ богова.
А Хера се диже са Олимпа,
Па прелеће брда Піерійска,
И прелеће поля Ематійска,
Брзо прешла и горе Тракійске,
Снѣжне горе, гдѣ су коньи брзи,
Надъ найвышимъ вршковима лети,
Нит' іой нога землѣ додирнула.
И съ высине гордога Атоса
440 Она сиђе на то море синѣ;
Гдѣ се спушта къ Тоасовомъ граду,
Ономъ граду у Лемну лежећемъ;
Па Санъ сретє, мила брата смрти.
Она Бога за руку узима,
Па овако нѣму проговара :
О ты Сане, сильный господару
Надъ земнима и надъ небеснима!
Ако си ме игда послушао,
Садъ испуни мое захтѣванѣ :
450 А я ћу ти быти благодарна.
О успавай Сане Громодржца,
И нѣгове ясне очи склопи,
Када нѣга у загрлѣ примимъ.
Я ћу теби престолъ дати лѣпный,
Непорушный, златомъ сіяюћій :

Мой сынъ Хефестъ есть художникъ вѣштый,
Онъ же самъ ти такавъ начинити,
И подножѣмъ лѣпымъ украсити,
Гдѣ же моѣи нѣжне твое ноге
460 Починуты на частима сладкимъ.
Санъ сладостанъ Хери одговара:
Прославѣна о Богиньо Херо,
Ты породе великога Крона!
Могу свладатъ све богове съ реда,
Кои живе на небу и земли;
Я и саме успавлюемъ волне
Океана, свачемъ родителя.
Али къ цару Зевсу Кроніону
Несмѣмъ до'ѣи, нитъ се приблизити,
470 Нитъ къ сну склонитъ я смѣмъ Громовника,
Докъ онъ мени самъ заповѣсть не да.
И сада се я іошть опоминѣмъ
Како ме в онда застрашио,
Када оно Херкуль узвышенный,
Сынъ роѣный Зевса великога,
По'ѣе пловитъ одъ брега Троянска,
Пошто бѣше онъ рушио града:
Егиоха силна обаіо самъ,
Разумъ нѣговъ сладко успававши;
480 Ты си онда напасти спремила,
На Херкула съ нѣима навалила;
Ты си бѣсне вѣтре подигнула,
И на море бурю напустила,
Те си нѣму сына одбадила,

И безъ дружства и безъ отечества,
На брегъ Коосъ нѣга избадила.
Люто с' онда Кронидъ разярио,
Све безсмртне страшно нападао,
По Олимпу све их растурио;
490 И да бѣше мене ухватио,
У ярости бы ме онъ бацио,
Бацио бы са неба у море,
Да погинемъ, да ми трага не'ма,
Али мене тамна ноѣца спасе,
Коя влада на небу и земљи,
Те я кодъ нѣ утѣциште на'ѣох.
Кол'ко бѣше Зевсѣ громовникъ гнѣванъ,
Послѣ опет онъ се ублажио :
Несмѣюѣи ноѣ свештену скорбит'.
500 А ты мене опеть на то дражишь,
Да се пустимъ на нову опасность.
Опеть нѣму Хера говорила :
„Сладкій Сане, шта се боишь овдѣ?
Немашъ право, што се сада сумняшь.
Заръ ты мыслишь, да ќе Зевсѣ Троянце
Тако бранит' к'о любима сына
Што браняше у своему гнѣву.
Но ты иди и пос'о свршавай;
Єръ то теби неће бити туне.
510 Наймлаѣу ѣу теби дат' Хариту;
Пазитея хоће бити твоя;
И ты ќешь є лѣпо загрлити,
Своіомъ миломъ назвати любовцомъ ;

Ты за коіомъ веѣъ уздышешъ давно.
Она рече, а Санъ одговара,
Пунъ радости съ нѣна обеѣаня :
Закуни се клетвомъ нерушимомъ,
Закуни се Стикса водомъ Херо!
Пружи руке на заклетву тврду,
520 Єдномъ такни землю даровиту,
Другомъ дирни оно море синѣ,
Да ти буду заклетве свѣдоци
Сви богови поредъ старогъ Крона :
Ты се нѣима садъ овдѣ закуни,
Да ѣшъ мени ты младу Хариту
Пазитею дати за любовцу,
Я за коіомъ веѣъ уздышемъ давно.

На те рѣчи Хера склонила се,
Па пружила свое бѣле руке,
530 И клела се по нѣговимъ рѣчма,
Призивала све Богове редомъ,
Кое люди Титанима зову :
И како є клетву савршила,
Обое се одмах подигнуло;
Имбра, Лемна предѣлъ оставише,
У облакъ се они завіяше,
И зракомъ се брзо понесоше.
Па скоро су Иду угледали,
Гдѣ истичу воде потоцима,
540 И раѣа се горско много звѣрѣ;
Око Лекта Понтъ су оставили,
И надъ земљомъ брзо носили се,

Подъ пѣховимъ стопама божескимъ
Тресле су се горе и дубраве.
Па се овдѣ они разстадоше :
Санъ крыюћи с' одъ Зевсова ока
Онѣ сѣда на велику елу,
Коя была найвыша на Иди,
Дижухъ горду крозь облаке главу,
550 Па небеса врхомъ допирући :
Тамо сѣде, па се здраво крые
Исподъ мрачныхъ тихъ еловыхъ грана';
Промеѣ се у птицу малену,
Съ танка гласа пѣвачицу славну,
Богови е халкидомъ називлю,
А кодъ смртныхъ киминда се зове.
А Хера е брзо узлазила,
На найвышій вршакъ горе Иде,
Што высокимъ Гаргаромъ се зове :
560 Ту е види Зевсе громовниче,
Текъ што види, страсть га обузела,
Па му душа онимъ огнѣмъ плану,
Кои бѣше у любви првой,
Кадъ се првомъ ложу приближио,
Крыюћи се са любовцомъ младомъ,
Родители да невиде мили.
Онъ на сусретъ любви излазио,
Излазио, па е ускликнуо :
Любо Херо! Кудъ си наумила,
570 Кудъ съ Олимпа ты тако полазишь?
Я кодъ тебе невидимъ ни коня',

Нити коня', нити кола' златных.

Носеѣ' Хера у сердцу лукавство,
Овако е Зевсу говорила :

Идемь тамо, мой премилый мужу!

Идемь тамо у богату землю,

Да я видимь мое родитель,

Океана, отца безсмертнога,

И Тетису безсмертницу майку,

580 Коино су мене одранили,

И у дому своме успитали.

Идемь тамо, да их я походимь,

Одъ раздора небы л' престанули.

Веѣь одавно богови безсмертни

Одтуѣише с' одъ загрля милогъ,

Одъ загрля и постелъ брачне;

Пакость нѣима обузела душе.

Коньи мене чекаю подъ Идомь,

Гдѣ потоци теку обилати.

590 Они ѣе ме носити по суву,

И по суву и по мору синѣмь.

Овамо самъ я съ Олимпа дошла,

Текъ збогъ тебе о Крониде муже,

Да ти сердце небы сревновало,

Ако тайно идемь къ Океану,

Кои воде дубоке излива.

На то Кронидъ нѣойзи одговара :

Тамо можешь ты и после иѣи,

Херо' любо! къ отцу Океану.

600 А садъ овдѣ да мы починемо,

И любви наше с' насладимо.
Таква любовь садь ми душу креће,
Какве нигда нисамь осѣтио,
Спрамъ богинѣ ни смртнице кое.
Тако нисамь я любіо нигда
Ни супругу младу Иксиона,
Коя мени роди Пиритоя,
Кой разумомъ Богу неуступа;
Ни Данаю, Акризѣву ћерку,
610 Красну ћерку ону бѣлоногу,
Што Персія мени сына роди,
На скупштини юнака преславна;
Нити ћерку Феникса знатнога,
Коя ми е родила Миноса,
И узъ нѣга Радаманта храбра;
Нит' Алкмену Тебанку найлѣпшу,
Коіой равне меѣ' смртницам' не'ма,
Што і' Херакла родила юнака,
Великога духомъ и оружѣмъ;
620 Нити ону прекрасну Семелу,
Што сласть людма, Диониса, роди;
Та ни ону царицу Димитру,
Съ вितिцама прекрасныхъ власій,
Нисамь тако я любіо нигда;
А ни саму Лету ону славну;
Па ни тебе о любовцо Херо!
Тако нисамь я любіо нигда,
Каква м' сада любовь обузима,
Сладкомъ жельомъ свега проницава!

630 Нѣму Хера на то одговара,
А лукавство у срдцу сакрива :
Страшный Зевсе! Шта ты то говоришь?
Ты захтѣвашь овдѣ починути,
И загрлѣмь любви насладити с',
Насладити с' овдѣ на врх Иде,
Гдѣ заклона никавова нема,
Све се може са свих страна' видит'!
Па се може лакхо догодити,
Да насъ кои одъ безсмртных види,

640 Како овдѣ мы одпочивамо.
Па ће злобанъ кои казивати,
Преповѣдат' свима небесныма.
Па када се одъ починка дигнемь,
Я одъ стыда несмѣмь тамо ићи,
Нит' къ Олимпискомъ дому приступити,
Сръ е за ме зазоръ и срамота!
Но ако те твоя желя вуче,
И милине твоя душа иште;
Ты за тебе ложницу имадешь,

650 Кою ти в Хефестъ саградио,
Сынъ твой милый лѣпо украсио,
И на врата резу ударио;
Тамо се мы склонити можемо,
Када желишь сласти и покоя.

А Зевсѣ Хери на то одговара :
„Херо любо! Ты с' ослони на ме.
Нико живый насъ видити неће,
Неће ни Богъ, нит' икакавъ смртный.

Златанъ облакъ я ъу разастрети
660 И надъ тобомъ и около тебе;
Та ни сунце нѣга пробит' неће,
Камо да ће с' штогодъ сагледати,
Макаръ има око оштровидно,
Те све види, свашта проницава.

Како рече, тако люблю грли,
И у силномъ загрлю е држи.
Текъ што люблю у загрлѣ прійми,
Ал' изъ землѣ проникнула трава,
Лѣпа трава цвѣтомъ накићена,
670 Росный лотосъ, крокъ и зумбулъ густый,
Коино е меканъ и опружльивъ,
Те богове одъ землѣ подиже.
Ту су они сада починули;
Па докле су тако почивали,
Облакъ густый нѣи е окружио,
Златный облакъ са капляма свѣтлим',
Коено су тихо прокапале.

Любовь и санъ Зевса савладаше,
Па онъ лежи ништа незнаюћи
680 На врх Иде у дубокомъ санку,
У загрлю миле любе Хере.
А Санъ брже оде ко лаѣама,
Да подигне войску Аргивляна',
Вѣсть радостну па нѣима доноси,
Говорећи онъ Ёниосигею:
„Заузми се царе Посидоне,
Свойски ради сада за Данайце!

Зевсъ громовникъ докле іоште спава,
Даруй славу ты брже Грцима:

690 Я самъ Зевса санкомъ притиснуо;

Хера га в люба приклонила,

Да с' наслади онъ любви брачне.

Ово рече, па онъ далъ лети,

Лети далъ къ славнымъ племенима,

Па све веѣма Посидона диже,

Да заступи Грке, и заштити.

Онъ предъ прве редове изиѣе,

Па овакимъ нѣма гласомъ кликѣе:

„Та заръ ѣмо мы Ахейци бодри

700 Опетъ славу Хектору уступит'?

Заръ да нѣму мы то допустимо,

Да онъ наше поотима лаѣе,

И увѣнча себе славомъ сѣйномъ?

Тако Хекторъ есте осилио,

И хвалио с' страховитомъ претнѣомъ,

Све то съ тога, што Ахиллесъ снажный

Поредъ лаѣа' стои, небіе се,

Но свое в прекрестио руке,

Срдеѣи се на увреде ядне.

710 Ал' Ахиллесъ неѣе намъ требати,

Ако сложно сви садъ ударимо,

Ямчеѣи се вданъ за другога.

Но вы, браѣо, мене послушайте,

И чините по совѣту моме:

Да мы штите садъ хитро узмемо,

Све што болъ, веѣе изберемо,

И найвеѣимъ одъ насъ нѣи предамо;
Нѣима прси да мы заклонимо,
Яким' шлемим' чела покрыемо,
720 Па у руке копя убоита,
Оштра копя одъ туча скована,
Тако да мы храбро нападнемо;
А я ѣу васъ и самъ предводити.
Па я мыслимъ и тврдо се надамъ,
Да се Хекторъ одржати неѣе,
Ако и естъ силанъ у биткама.
Кои штита великога не'ма,
Али снаге довольно имаде,
Нека манѣгъ слабіему даде,
730 А онъ нека повеѣегъ узима.

Тако бѣше нѣима говорио,
А они су радо послушали:
Цареви се одмах подигоше,
И на ране свое негледаше,
Одмах войску нареѣиват' сташе,
Царъ Диомедъ, и Одиссей съ нѣиме,
И врховный Атридъ Агамемнонъ
Нареѣую, опреме мѣняю:
Ячемъ даю и опрему ячу,
740 А слабіемъ слабію додаю.
Па тако се Грци подигоше,
Устремише с' еъ оружіемъ свѣтлымъ.
А предъ нѣима Богъ в Посидаонъ,
Штоно землю дрма и потреса,
И онъ носи дуга страшна мача,

Страшна мача у десници руци;
Огнѣвнѣтъ в к'о ватрена муня :
Съ нѣмь се нико немож' ударити,
Нит' одъ силна боя постаяти ;
750 Онъ страхотомъ свакогъ поражава.

Съ друге стране Хекторъ блистающій
Нареѣуе на odporъ Троянце.

Посидаонъ овдѣ црновласый,
Тамо Хекторъ съ шлемомъ блистающымъ
Дижу страшный odporъ ратоборный.
Овай чува миле му Троянце,
Аргивляне чува Посидаонъ.
Синѣ море бѣсно ускипило,
Силномъ хукомъ оно с' узплюскало,

760 Баца волне на куѣе и лаѣе.

Ратници се силно ударише,
Страховиту вику подигоше.

Волне морске нису тако бѣсне,
Нит' се о брегъ тако удараю,
Кадъ их тера хучна мора буря;

Нит' се пожаръ жешѣе разшируе,
Кадъ га вѣтаръ горомъ разпируе,

Прождируѣи шуме у планини,
Нит' вѣтрина тако силно хуи,

770 Кадъ свомъ снагомъ на шуме навали,

К'о што вику Троянци и Грци

Страшно дижу на бойноме полю,

Удараюѣ' еданъ на другога.

Хекторъ првый съ шлемомъ блистающымъ

Ударио копѣмъ на Аякса,
Кадъ е Аяксъ на нѣг' насрнуо;
Добро гаѣ'о добро погодио,
Погоди га у прси юначке,
Башъ гдѣ два се рем'на прекрштала,
780 Еданъ за штитъ, другій за мачъ бриткій.
Па Аякса рем'ни заштитили.
То видеѣи Хекторъ с' разсрдио,
Што му копѣ заманъ излетило,
Па онъ брже врати с' у дружину,
Да избѣгне смрти одъ Аякса.
Ал' текъ што се окренуо бѣше,
Камень счепа Теламонидъ сильный,
Што с' десио ондѣ подъ ногама,
Кой подъ лаѣе подметнутъ быяше,
790 Кадъ на суво б'яху извучене;
Счепа камень, на Хектора баци,
Преко штита нѣга ударио,
Те е врата добро захватио;
Камень груну, па се одкотрля.
Видили сте како растъ великій
Изъ корена чупаюѣи с' пада,
Кадъ га громомъ Кронидъ Зевсъ удара,
Дрво с' цѣпа, смрадный дымъ изпушта;
Ако с' деси, да човекъ туд' проѣе,
800 Гледеѣ' падежъ онъ се окамени;
Силна Зевса громъ е смртоносанъ;
Тако снага Хекторова паде,
Запраши се земля одъ падежа.

Изъ руке ѿ мача испустио ;
Штитъ и шлемъ га тежко притиснуо,
И на нѣму оклопъ зазвонио.
На то Грци са викомъ ужасномъ
Полетише, млади навалише,
Да одвуку Хектора юнака,
810 Съ копяма су на нѣг' насрнули,
Ал' му ране задат' немогоше.
Єръ юнаци брзо полетише,
Изъ Троянске войске долетише,
Све найбільи нѣга окружише :
Полидамасъ, Еней и Агеноръ,
И Сарпедонъ царе одъ Ликіе,
И беззлюбный Глаукъ убитый ;
Ту небыло ни єдногъ юнака,
Кои ние у послу се наш'о ;
820 Свакій га ѿ штитомъ заштитио ;
А другови нѣга подигоше,
На рукама изъ боя изнеше,
До коня' га они донесоше,
Коино су острагу стаяли
Изванъ боя съ возцемъ онымъ храбримъ,
И са лѣнимъ кол'ма и богатимъ :
Те коньи се къ граду покренуше
Єчеѣга юнака носеѣи.
Кадъ су были на Ксантовой рѣци,
830 Коюно ѿ Зевсе породио ;
Штоно тече онымъ токомъ краснымъ ;
Скидаю га съ кола' на земляицу,

Па му лице хладномъ водомъ шкропе.
Те е на то мало уздахнуо,
И очима мало прогледао,
Држећи се слабо на колѣни',
Изъ уста' се крвлю обливаше.
Опетъ клону, па на землю паде,
Мрачна ноћъ му очи нападнула:
840 Одъ ударца јошть стрепила душа.
Кады е Грчка войска опазила,
Да Хектора на боишту не'ма,
Они онда яче навалише,
На Троянце горде ударише,
Те се духомъ яко подигоше.
Првый Аяксъ опай убоитый
На Сатнія есте ударио,
Копѣмъ нѣга смртно обранио.
Сынъ Енопа Сатніе быяше,
850 Когъ Енопу родила Наяда
На обали оногъ Сатніона.
Кады е нѣга Аяксъ уморио,
Онъ се пружи, на земљицу паде;
Па се бію Грци и Троянци
Око мртва тѣла нѣговога.
Полидамасъ есте долетіо,
Да освети Сатнія юнака,
Па удара Протенора храбра,
Протенора, породъ Арейлика,
860 Удара га у ране са копѣмъ,
Оштро копѣ скрозъ е пролетило,

Па онъ груну трупомъ у прашину,
Рукомъ хвата онъ землю кржаву.
Сынъ Пантоя са поносомъ виче :

„Има л' кога међу вама овдѣ,
Кои може казат' Полидаму,
Да е копѣ заманѣ излетило,
Копѣ грдно изъ юначке руке.
То ће добыт' еданѣ измеђ' Грка',
870 Да се са нѣмъ онѣ лѣпо поштапа,
Па у долнѣ дворе ада сиђе!

И на ове поносите рѣчи
Грци су се яко огорчили;
А највећма потресла се душа,
Она душа Ајкса юначна.
Поредѣ нѣга паде Протоенорѣ,
Неприятель нѣга уморио.
И Ајксѣ се люто разјарио,
Па онѣ пушта свое копѣ бойно,
880 И Пантоидѣ ту бы заглавио,
Да на страну ние измакнуо.
Ал' Архилохѣ ние избѣгнуо,
Нѣга копѣ есте дохватило :
Смртъ одѣ Бога нѣму бы суђена;
Башѣ гдѣ глава сѣ вратомѣ припоена,
Ту просѣче копѣ жиле јаке :
Како га е силно ударио,
Онѣ е главомѣ, лицемѣ и устнама
Пре о землю доле ударио,
890 Нег' колѣна што су поклекнула.

Тад' завика Теламонидъ храбрый,
Па дозива Пантоида славна :

„Обазри се мало Пантоиде,
Па ми кажи ты истину праву,
Да л' толико тай Архилохъ вреди,
Да замѣни воѣа Протенора?
Онъ е добаръ, мыслимъ, ратобораць,
Добаръ есте и одъ добра рода;
Сынъ ил' братъ е воѣа Антенора,
900 Троянцима добра коняника;
На нѣму се види и познае,
Да онъ есте одъ нѣгова рода.

Истомъ тако онъ е говорио,
Еръ е нѣга онъ добро познав'о.
А Троянце жалость обузела;
Па Акамасъ Промаха убія,
Да свогъ брата роѣна освети,
Когъ трупину онай бѣше вук'о.
Промахъ паде, Акамасъ допаде,
910 Па онъ гордымъ 'вако виче гласомъ :

„Немыслите, Аргивляни бойни,
Што еднако у вѣтаръ претите!
Немыслите, да е нама самымъ
Бойне муке суѣено претрпит'.
Та и на васъ 'згибанія пада.
Погледайте на вашегъ ратника,
Когано самъ копѣмъ успавао.
Ние дуго мой братъ погинувшій
Безъ наплате чек'о на освету.

920 Свакій ради мудро и разумно,
Кой на брата мога угледа се,
Те с' постара за собомъ оставит',
Кои ће се за смртъ осветити.

И на ове поносите рѣчи
Грци су се яко огорчили.

А највећма потресла се душа
Пенелея, врстна ратоборца.

На Троянца онъ се натурйо,
Ал' несмѣде овај дочекати,

930 Дочекати силнога ударца;
Па Пенелей уби Илионя,

Одъ племена онога Форбаса,
Штоно стада онъ богата има.

Хермесъ нѣга любии највећма,
Нит' чинио икоме Пергамцу,

Што е нѣму любовомъ и богатствомъ.
Одъ супруге ние више им'о

До еднога сына Илионя.
Пенелей е нѣга погодио

940 Копѣмъ оштрымъ посредъ ока свѣтла.

Изби око, крозъ потилякъ прође,
Момче паде на то разбоиште,

Онај трже мача изъ корица'
На домашай удари по врату,

Па онъ скиде са рамена' главу
А подъ тучнымъ онимъ шлемомъ якимъ,

Главу меће на землю крваву;
Јоште копѣ у оку е было;

Па онъ узе ту главу крваву
950 Кано главу одъ мака зелена,
Троянцима показуе главу,
Па съ поносомъ овако говори :

„Чуйте мене сынови Троянски,
Вы идите бѣломъ граду Трои,
И кажите отцу и матери
Славногъ сына овогъ Илионя :
Нека они нѣга нечекаю,
Но нека га тамо оплакую.
Та и млада Промахова жена

960 Неће видит' свога вѣрногъ мужа,
Нит' ће нѣму на сусретъ изићи,
Кадъ мужеви мы Ахейски млади
Вратимо се исподъ Трое кући,
И съ лаѣама тамо доцловимо.

Кадъ Троянци рѣчи саслушаше,
Они одъ стра' одма пребледише,
Пребледише, на бѣгство мыслише,
Да се спасу одъ пропасти грозне.

Садъ ми каж'те са Олимпа Музе!
970 Ко е првый одъ Грчки' ратника'
Задобио славу на боишту,
Гдѣ Посидонъ нѣима помагаше?
Аяксъ првый убио Хирпїя,
Сынъ онъ бѣше Гирта воеводе,
Што предводи Мызце ратоборне;
А Антилох убио е Фалка,
И съ Мермера онъ оружѣ скиде,

Воѣъ Мерионъ уби Хиппотона,
Убио га са Морисомъ храбрымъ;
980 Тевкаръ уби оногъ Протоона,
И бѣгавшегъ оногъ Перифета;
Атридъ сильный уби Хипер'нора,
Владателя сильныхъ народа';
У бокъ нѣга онъ е ударю,
Утробу му копѣ растрзало,
И црева му на полѣ просуло.
Велика се рана отворила,
На рану му душа излетила,
Те му очи тама обузела.
990 Найвише их Аяксъ уморио,
Онай хитрый Оилевый сыне.
Ту небыло никогъ нѣму равногъ
Ни ратника ни войводе кога,
Кадъ напада онъ летеѣимъ тркомъ
На гомиле поплашенныхъ людѣй,
Гдѣ Зевсъ страха сильно распростире.

II.

ИЗЪ ВИРГИЛІЯ.

Почетакъ Енеиде.

Покушеніе размѣромъ дугосложнымъ (quantitate),
а не высокогласнымъ (accentu, Betonung).

Я оружіѣ пѣвамъ и мужа, у Италію кои
Првый изъ Троянскогъ предѣла судьбиномъ гонѣнъ
Къ берегу Лавинскоме доѣе : по суву и мору е доста
Нѣга гонила сила вышня са ярости вруѣ
Кивне іошть Юноне, и доста поднесе патнѣ
У ратови', докъ онъ града сазда и Боге
У Лациумъ унесе : одкудъ племе Латинско,
Отци Албански, высоке и зидине посташе Рима.
Причине Музо ми кажи : Когъ Бога увреди, шта ли
Озлоби царицу Богова', да гони мужа,
Побожностью сѣйна, толике да подноси труде.
Заръ толике у дусима небеснымъ ярости леже ?
Старый беяше градъ (когъ тирски населѣнници
Држаше) Картагена спрофу Италіе, и дальна
Ушѣа Тиберска, богатый, силнымъ и ратима вичанъ,
Юно, по причаню, тога любила веѣма одъ свию,
Веѣма одъ Самуса самогъ. Ту іой оружіе нѣно,

Ту беяху кола : тай да надъ народы влада,
(Ако суђено буде) іошть тадъ Богиня с' труди.
Али є чула, да ће породъ крви Троянске
Кадгодъ разорити тврдинѣ Тирске; и одтудъ
Да ће пародъ съ пространомъ владомъ ратовы славанъ
Доѣ на погибель Либіе : то су заключиле Парке.
Тога боѣи с', іошть сѣѣаше с' Сатурнія рата
Старогъ, когъ є на Трои за драге іой водила Арге.
Іоште и узроци ярости, люте и болѣ
Душу іой тишташе; оста удублѣнъ у душу іой силно
Судъ Паридовъ и неправда са презрена лика,
Мрзакъ и народъ, мрзка и честь Ганимеда отета.
Тимъ разярена баца Троянце по морама свима,
Данайске останке и лютогъ Ахилла далеко
Одъ Латинске землѣ одбѣя : и много лѣта'
Судбомъ гонѣни блудише ядни по морама свима.
Мука є была толика, Римскій подигнути народъ.
Текъ што изпредъ землѣ Сикулске на пучину морску
Пустише єдра радостни, пѣну и резаше гвожѣемъ
Ал' Юнона вѣчиту носеѣ' у грудима рану,
Поче у себи : Я зарь да свладана престанемъ сада?
Нит' могу одвуѣ' одъ Италіе краля Троянскогъ?
Да, мени судбина брани. Паллада л' спалит' є могла
Лаѣе Аргивске, нѣи пакъ саме потопити моремъ,
Збогъ штете єдногъ, и бѣснила Аякса Оилека?
Она бацаше огань Іовиша са облака сильный,
Разсу лаѣе, и узколеба вѣтрима воде :
Кадъ веѣь изъ прострѣлѣны' грудій душу пушташе
Смотавъ га вртлогомъ удари о каменъ оштрый,

Я пакъ, коя с' ширимъ, к'о кралица Богова,
Ювиша сестра и жена, да године толике
Съ еднымъ родомъ ратъ водимъ, па ко веѣь Юноне
Име да поштуе? Честь ил' съ молитвомъ носи на олтарь?
Жаркомъ у срдцу Богиня сборивши у себи,
Там' у кишно отечество, бѣснима австрима ружно
Мѣсто Еолю оде; краль у пеѣни грдной
Еоль бореѣе се вѣтре, и непогоде зучне
Властю стеже, и ланцим' и тамницомъ обуздава.
Они лютеѣи се силномъ звукомъ около врата'
Горски' звижде : Еоль на високой тврдинѣи сѣди
Скиптаръ држеѣ' мекша и духове и ярости блажи.
То да нечини, море и землю и пространо небо
Съ собомъ бы одвукли грабљиви блудеѣ' по свѣту.
Ал' отацъ свемогуѣ' у мрачну ии пеѣину сагна,
Тога боеѣи с' гомиле и горе одозго наваля,
И даде краля, сталнымъ да закономъ држат'
И попуштат' знаде по заповѣсти кајасе.
Коме се Юно садъ обратила съ молбеным' рѣчма :
Еоле (еръ теби даде отацъ Богова и людѣи
Царъ, да стишавашъ волне и подижешъ вѣтромъ)
Родъ душманскѣи за ме Тиренской плови на води,
Илюнъ у 'Талию и Пенате побѣѣене посеѣ'.
Дай силу вѣтрима, и потоплѣне лаѣе ували :
Или их разепи, и разбаци тѣлеса по мору.
Имамъ двапутъ седамъ Нимѣа' прекраснога тѣла :
Измеѣ нѣих Диопеа найлѣпшега лика,
Ню ѣу ти дати за супругу, да твоя собствена буде.
Съ тобомъ навѣкъ да за такове услуге живи,

И дѣцу красну да породи, и тебе учини отцемъ.
На то Еолъ : Твое о кральице е казат'
Желю, мое пакъ да заповѣсть пріймамъ и слушамаъ.
Ты мени власть сву, ты скиптаръ и Ювиша наклоностъ
Давшь, тобомъ я са Бозима заедно ручамъ
И силу надъ даждамъ и надъ погодама добиямъ.
То изрече, па шуплю окренутымъ вилама гору
Бие у бокъ : а вѣтри подобно ровному яту
Груну на врата, и землѣ у вихори' дуваюѣ' про'ѣу.
На море легеше тискомъ, па свега изъ дубльина'
Кренуше Еврусъ скупа са Потомъ и буроносный
Африкъ, и грдне и силне валяю къ обаламъ волне.
Вику подигеше люди, и стои шкрипа одъ ужа';
Облаци на мах уклонише и данъ и небеса
Изъ очию Тевкра' : ноѣ спусти е' на море црна.
Поли затутняше, и честимъ небо ватрама сѣва :
И скоро смрътъ зияюѣ' на люде напада одсвудъ;
Енею садъ наеданпутъ хладность обузе уде :
Узда'ну онъ и обѣ подиже небесима руке
'Вако рекавши : О трипутъ и четири блажени пута',
Кои предъ очима отаца, подъ высокимъ
Зидинамъ Троянскимъ падосте : о Данайскога рода
Найхрабрии Тидиде, заръ я немогах у полямъ
Пасти Илійскимъ ? Твоіомъ и десницомъ ову я душу
Пуститъ ? Тамъ гдѣ-но сильный одъ Аяксове стрѣле
Хекторъ лежи, гдѣ грдный Сарпедонъ, Симоисъ силне
Штите мужева, шлеме и яке тѣлесине валя.
Юштъ говораше, а буря одъ сѣвера хуѣи натрагъ
Удара едро, и волне страшне небесима диже.

Весла се ломе : па лађа се обрће трбух излажућ,
Водам' : нѣи к'о брдо стрменю вияю волне.
Ови на волнама висе, онымъ разступлѣне воде
Међ' волнам' отвараю землю : бѣени вихоръ са пѣскомъ.
Три счепавшій Нотъ удара о стѣне потайне :
Стѣне се кодъ Талияна' називаю Аре : са леђма
Грднымъ поврх' мора. Три са пучине евуръ
На пѣсакъ и планине гони (ах, грозна позоря!),
Баца на греду, и нѣи засипа гомиломъ пѣска.
Едну, коя Личане и вѣрна ношаше Оронта,
На очигледъ му силна и грдна сваливша се волна
Бие у клюнъ : и пилотъ оборенъ свалившій с'
Оде стрмъглавъ : а лађу трипута волне на мѣсту
Уковитлацъ кређу и вртлогъ гута у пропасть.
Понѣки већъ се показаше там' у грдноме зялу,
Већ' носи вода оружъ, образе и благо Троянско.
Већ' Иліонову снажну лађу и юначкогъ Ахата,
И на којој Абасъ беяше, и старацъ Алетесъ,
Сломила буря : саставци с' разглавили бочни,
Лађе пагубну пуштаю воду, са рупа' тонући.
Узъ то с' узмутило море са хукомъ и букомъ,
И Нептунъ осѣти напуштену бурю и воде
Изъ дубљина' брегъ поливше : яко смутившій с'
Па изъ пучине гледнувъ, благу помолио главу :
Разметнуте Енеове свудъ види по мору лађе,
Волнам' измучене Троянце, и небеснымъ кр'анѣмъ.
Одма познаде братъ Юнонину превару, ярость,
Пакъ себи Евра и Зефира зове, овак' говорећи :
Толико ли се вы у ваше поуздасте племе ?

Небо и землю вы ли с' усудисте поколебават'
Безъ мога знаня, и толике подизати силе?
Но я ъу васъ — ал' найпре ми валя утишати волне;
Другій путъ васъ неће овак' ако скривите про'ѣи,
Брже се тепите; краљу то и кажите вашемъ :
Онъ не'ма власти надъ моремъ, мени трезубацъ сильный
Паде у жребіе судьбомъ : онъ држи пустошне стѣне,
Ваше домове, Евре : там' у дворови' шири с'
Еолъ и вѣтрянъомъ нек' запртомъ тамницомъ влада.
Юшть говораше, а веѣь надуте е утишао волне,
Скуплѣне разгна облаке и свѣтло доведе сунце.
Цимотоа подупревши с' съ Тритономъ скупа
Съ пѣска отискоше лаѣе : самъ подизаше трезубцемъ
И простране отвараше пличине, блажеѣи воде,
И на лагкими кол'ма трчеѣ' по вршини вода'.
И к'о што често бѣва кадъ с' у народу силномъ
Породи буна, па бѣсни ердцемъ свѣтина проста,
Веѣь ватра са каменомъ лети, оружіе бѣснило води;
Па бы случайно мужа побожностю, заслугам' важногъ
Когъ опазили, уѣуте, и съ отвореным' ушима стану :
Онъ води ердца рѣчма, па и умекшава прси :
Тако и све мора преста кр'анѣ, кадъ воде отацъ
Погледавъ, по ведреномъ провезавшій се небу
Враѣа конѣ, и летеѣ' съ кол'ма зрачним' воѣице пушта.

(Голуб. IV. 1842.)

(Види у кнѣ. I. Прим. на VI. стр. 160. Почетакъ пѣсне II. Енеиде раз-
мѣромъ десетосложнымъ.)

III.

ИЗЪ ХОРАЦІЯ ФЛАККА.

1. Писмо Пизонима

о

ПЪСНОТВОРСТВУ

или

ВѢШТИНИ СПѢВНОЙ.

(Двойко преведено и печатано у Бечу 1827.)

а. Предговоръ.

Свакій човѣкъ осѣѣа и разликуе, шта е лѣпо, шта ли ружно, и свакій мысли, да о томе судити може. То онъ чини по пѣкомъ слѣпомъ нагону и склоности, коя му е одъ саме природе у душу и срдце уливена, и съ овима тако тѣсно скопчана, да бы човѣкъ безъ нѣ велике и важне части човѣческе природе лишаво се. Ништа човѣка тако невреѣа, ништа га тако на гнѣвъ и упорно противлѣнѣ неподиже, као кадъ му тко овай милый природе даръ, чувство лѣпоте, одриче и недопушта.

И сама чувствила, као очи, уши, и нипала, тако су веѣь намѣштена и устроена, да лѣпоту радо примаю, и за нѣомъ силно теже, а ругобу отискую, и нѣ се яко гнушаваю. Свакій зелене нѣиве, и китнясте лѣпо уреѣене башче, пролѣтнымъ благимъ сунцемъ обасяне, радо гледи; а одъ пугте, триѣь и коровомъ зарастле, маглуштиномъ

обузете стране, очи свое одвраћа. Слично извјањѣ умилны птичји гласова слива се сладостно у уши човечіе; а краканѣ врана', и кркетанѣ жаба' противно е, и несносно. Оно му е лѣпо, а ово ружно, и немислећи нити знајући зашто и крозъ што : нѣму е доста, да е о томе тврдо увѣренѣ, нити му е могуће другоячіе о томе мысли. Овдѣ чувство лѣпоте у колевци природе, и обычноме реду лежи; само осѣћаю лѣпоту, незнајући основѣ и узрокѣ тога осѣћања; произведена лѣпота у њима чувство сладостно и природи угодно раћа, али они своіомъ собственомъ силомъ лѣпоту произвести нису кадри. Приятно, угодно, повольно, мило, добро, лѣпо, украшено, високо, савршено, дивно и пр. све е то смѣшано, нити имъ се пристойно и право значенѣ дае, и едно одѣ другога разликуе : све се скоро јошть у кругу лѣпоте задржава, и као лѣпо прима и издае.

Ово лѣпоте чувство е већъ по самој природи кодъ едногѣ яче и оштріе, а кодъ другогѣ слабіе и туплѣ; многимъ пакъ размышляњемъ и сматранѣмъ истинито лѣпы' предмета' може се оснажити, изоштрити, и високомъ степену савршенства довести, тако, да у свакомъ случаю човѣкѣ способанъ и готовъ буде, скоро и право пресудити, шта е лѣпо, шта ли е ружно. И онда се о овима каже, да имаю добарѣ, и изоштренѣ или изображенѣ вкусъ. Но при свемъ томъ еднако остаю у свомъ првобытномъ кругу, т. е. осѣћаю и разликую, али неприводе, нити узроке казати знаду.

На кое е природа блажіомъ рукомъ дарѣ чувства лѣпоте излила, у опима и створна сила, као огнѣный

Геній живи. У њима се све тѣлесно и безтѣлесно естество, као у дубини морской огледа, и ту новъ животъ добья. Овдѣ се предмети разлажу, и на ново слажу, у твари бездушне духъ се улива, а душе у тѣло и обликъ облаче, земля се къ небу подиже, а небо за землю припинѣ; ту се човѣчества сила и свойства у собственымъ грудима прислушкую и хватаю, да се у пространоме свѣту познаду, и у единственности издаду; единомъ рѣчю, у њима се свѣтъ преображава, и новыи, но истинитый, а не свой правый, видъ добья, дакле се ствара, производи, и тако цѣлой природы човѣчьской предае. Ово се о свакомъ лѣпомъ породу силе човѣчьске разумѣва, но я овдѣ поглавито односимъ на лѣпотне производе, кои средствомъ языка, вѣрнога толмача душе и ердца бываю; а то е навластито Поезія, т. е Пѣснотворство. Овдѣ велику часть посла чини :

1. Вкусъ, кои у среди између ума и чувства, (коя уображение чуднымъ начиномъ замѣнюе), стои, и управъ изъ њиовыхъ свойства' и закона' згодно сливеныхъ и уплетеныхъ раѣа се, и постае. Онъ на обѣ стране жиле свое простире, и са обѣ траянѣ и снагу добья; но заедно умъ са чувствама све яче скопчава, свѣтъ тѣлесный са безтѣлеснымъ мѣша, и у едно цѣло слива; дволичну природу човѣчьску саставля, и еданъ единый цѣлый ликъ човѣку издае.

Вкусъ ако ѣе што лѣпо или да прими, или да произведе, нипошто несмѣ изъ свога круга изићи : нека на выше нетежи, нити се дублѣ у ствари упушта, него на што е опредѣлѣнъ, и за што е постао. Нѣговъ е само обликъ и површѣ предмета, начинъ упечатлѣня,

какво онай чини, и промѣна станя, какво се у човѣку раѣа и производи; дакле нека се у внутреньость стварій онъ неупушта, нека неизбира, нити уређуе. Разуму, као отцу своме, и сили уображеня, као матери своіой, мора свагда покоранъ остати, нити икада нѣиове послове на себе примати.

2. Сила уображеня, ова дивна посредственица тѣлесна и безтѣлесна свѣта, своимъ чудотворнымъ огнѣмъ зажарена, диже се на вѣтрени' крыли' у небесне высиіне, спушта се у дубину морску, носи се по цѣломъ естеству, и предмете грли, и топло прима; па пума скуплѣна блага са истомъ скоростю опеть се натрагъ повраѣа, да у сѣдишту своме плѣнъ донесеный разложи и нове образе ствара. Она е у томе слободна, нити другога закона познае, осимъ простора и времена. Но слобода ова ние безпредѣлна : само се дондѣ простире, докле разумъ допушта; ерѣ како сила уображеня исподъ узде разума изиѣе, прелази у царство блуѣеня; огань нѣнъ негрѣе више, но бѣсни, и само штету за собомъ носи, коя ће најжалостнїя слѣдства своме господару оставити. Дакле само изображеномъ уму пламенно уображенѣ доликуе; само тако може оно лѣпе плодове за себе, и за друге носити. — При томъ само обликъ предмета она треба да прима и предлаже, а у внутреньость незагледа, части одъ части недѣли, нити се о свези мыслїй и стварїй брине; зашто ово нити е нѣно званїе, нити, кадъ бы се тога примила, може како валя испунити. То валя разумъ да чини.

3. Р а з у м ъ , онай строгїй судия, кои предметъ одъ предмета по свойствама разликуе, кои ствари цѣпа,

части дѣли, и саюзъ испытуе; што е у естеству скопчано, то и у мыслима веже, прилична свойства слаже, неприлична разлаже, и тако пристоянъ изборъ стварій чини, и у редъ ставля, те вкусъ управля и наставля; силу уображеня подь уздомъ држи, да свое предѣле непређе, кои су предмети на истини основани, и внутреню цѣну и важность у себи имаю, те само допушта, да их ова своимъ чудотворнымъ огнѣмъ у лѣпъ внѣшній обликъ прелие и преобуче.

Разумъ, кога е опредѣлѣнїе, — ясно, и, колико е могуће, савршено познаванъ стварій, іошть далѣ тежи; онъ се небрине само о ономѣ, што бива, него и основе, и узроке свачему тражи и точно испытуе, и самога човѣка силе сматра, и начинъ и узрокъ, како и зашто се тако, а не другоачїе появлюю, и раде, т. е. искусство, и строгу науку себи прибавля. Тако и кодъ лѣпоте ние се задовољно само съ тымъ, съ чимъ се вкусъ и уображенъ бави и обаява, но испытавши природу човѣка и внѣшнихъ предмета, и начинъ узаямне свезе, тражи оне знаке, кои чине да е едно лѣпо, а друго ружно, испытуе узроке тога, и одтуда постоянно законе изводи: кое и Хорацій у овомѣ писму у лѣпомѣ виду чини. Тако е у данашнѣ време цѣла наука Краснословка, или наука о лѣпоти (*Aesthetica, Calleologia, Philocalia*), постала, т. е. наука о природи, основима и законима лѣпога*).

---

*) Изъ овога се види, да се за суђенъ лѣпоте пѣсмотворны про-извода, и нѣновогъ степена савршенства, іошть нѣшто, и много више изискуе, него само чувствительность и проливанъ суза, кое многога превари, тако, да помисли, ако само то има, да већ законе, основе и

Изъ овыхъ рѣчій, кое самъ као мимогредъ, и колико мѣсто допушта у кратко навео, може намъ ясно быти, да назначене ове способности у онаковомъ саюзу, слогѣ, и равномерномъ дѣланю благодатна рука природе дае. Тако биваю крѣпки и среѣни сынови природе дивни пѣ-смоцѣвци, безъ свакога труда и науке : одъ коихъ постае прекрасно народно Пѣснотворство. Докле годъ ови предѣле природе непрелазе, дондѣ остаю дивни и непо-бѣдими; и што е кругъ дѣланя нѣнова тѣшнѣй, то имъ е снага пуція и яча, то су производи нѣнови лѣпши,

---

внутренѣ жилице лѣпоте може испытивати, и о томъ пресуѣивати. Тако се преварио Г. А. Драгосавлѣвићъ, у Лѣт. Ч. IV. год. 1826. стр. 98. подъ заглавиємъ : „Гласъ и вредноћа народны Сербски пѣсама;“ гдѣ онъ, између остальхъ неприлика, народно пѣснотворство еа ученымъ безъ свакога разлога мѣша, и пресуѣуе по мѣри суза, свои, кое коды едногъ или коды другогъ пролива. По нѣговомъ суду зло по Хорація, зашто бы онъ тежко надъ Одама нѣговимъ и одну едину сузу пустити могао. — Каже намъ, како е слушао на гробу С. С. Шчиляновића одногъ слѣнца, и вели, да су ови око нѣга плакали. Далѣ вели : „и мени се самомъ — премда знамъ што е пѣсама — очи быле наводниле и пр.“ Ово е у правоме смыслу смѣшно. — Вредноћу народныхъ нашихъ пѣсама овако описуе, и суди : „Пѣсне су народне народу заиста найвеће благо ума и памети; поклемъ га уче право човечески мыслити и памтити, судити и расуѣивати; бистре му умъ и рѣше разговоръ; сеѣаю га добра се опоменути, а зла оканути; являю прошасте времена и свѣта догаѣае; обзанаюю га сирѣчь, да се само храбрость и юнаштво у Божіи руку налази, и да се сва сила и слава с' Божіомъ помоћи добыва.“ Тко невиди, да е ово найналичнѣе на Логику, Риторику, моралну Философію, Историю, и Катихисисъ. Non sic itur Corinthum! — Бесѣду свою овима рѣчма завршуе : „Тай гласъ и вредноћу пѣсама наши пріе су други народи познали и прогласили, него мы сами, и зато се Г. Веселію неправо види, да мы не само то благо наше народно, него и све што се подъ именовъ селяна — пастыра, пастырки просто разумѣва — тако презиремо и слабо цѣнимо!!!“ — Кога му драго подъ „мы“ разумѣвао, или народъ, ил' учене, ил' обое, то свакояко самъ себи противослови; зашто мало пре говорио е, да се народъ гомилама око слѣнца такова скупля, и сузе пролива; шта више, да е богомоляцъ молитву свою прекидао, да е многій

силни, и природи угодни. Зато они духъ свой никада и непростиру на оне предмете, коих се познанство наукомъ, строгимъ испытиванѣмъ и оштрымъ проницаванѣмъ разума, и дугимъ пилѣнѣмъ труда постиже : само што е обычно, што имъ у чувства удара, што приятну или неприятну промѣну у внутренѣмъ станю нѣиовомъ чини, и само на простомъ ускуству се оснива, то распалое уображенѣ нѣиово, то они примаю, у краснѣи обликъ завѣию и издаю. Како се далѣ маше, пада и губи се нѣиова

пѣвацъ пѣнѣ и правило светительско оставляо, и трчао слушати пѣсму. И то све да е онъ очима своима гледао. Јоштъ више, каже, да е еданъ свештеникъ на нѣгове очи за едну пѣсму, само да е препише, обѣћавао слѣпцу 10 фор. и онъ самъ да бы е волио имати, него све свое моралне књижице. И при свемъ томъ онъ више вѣруе голыма рѣчма Г. Веселія, него своима очима и собственомъ чувству. — А незна ли и онъ, и Г. Веселій, да е Нѣгова Ексцелленція Господинъ Стефанъ Стратимировићъ, Архиепископъ Србскій, пѣсме народне скупляти почео, да е у младе свое године „Любосаву и Радована“ по начину народных пѣсама спѣвао, и да е двѣ народне пѣсме своіомъ рукомъ написане Г. Вуку Стеф. Караѣићу дао; да се великій овај Меценъ, са крстомъ и свѣтломъ звѣздомъ, коя родолюбиве и заслужне нѣгове груди краси, нимало нестыди о слави манастирской слѣпца съ гулама у своіой соби са задовољствомъ слушати. На незна ли и то, да е послѣ Г. Архимандритъ Лукіанъ Мушицкій пѣсме народне купио, и да е онъ и Г. Вука Стеф. Караѣића на то побудио. И то јоштъ треба да зна, да су пѣсме народне по другій путъ печатане и умножене, и да су све скоро већ распродане, или управо рећи, разграбљене. Шта више говори се и то, (за кое я нестоимъ добаръ), да е Јулинацъ едно собраніе пѣсама народных у рукопису нѣкој приватной Библиотеци у Руссіи поклоніо. Садъ каква е то мрзость, какво ли неуважаванѣ тога народнога блага? Нетреба мыслити, да, ако е туђинъ може бити старіи и ученіи одъ насъ, зато и болѣ зна, шта у нашој кући има и бѣва. Нити се плашити валя, да ѣе странный, кои е само у правомъ смыслу разуманъ и наученъ, зато се увреѣенъ наѣи, ако га мы у ономъ поправимо, што онъ видити или искусити прилике имао ние, или е само начуо, и криво разумѣо, или га е пакъ у томе койгодъ одъ наших (као што е заиста бѣвало, и данасъ бѣва) изъ каква му драго узрока обмануо. Само се тако истини у трагъ улази, а тамо наши послови теже.

вредность, ньиови створени лѣни образи онда већь не-
маю внутренѣ цѣне, немаю срдца и езгре, и тако подо-
бно празныма сѣнкама губе се **).

Ученых стихотвораца е званіе много трудніе, много
теже, не толико збогъ начина и способности колико збогъ
пространогъ и основаногъ познанства стварій. Одъ нихъ
се иште особытый онай даръ природе, да сила уобра-
женя, вкусъ и разумъ у ономъ опредѣлѣномъ кругу сло-
жно и дружевно раде; осим' тога се онай истый даръ
наукомъ и искусвомъ обогатити мора, да предмети важ-
ность, ясность и свѣтлость одтуда добыяю. Разумъ ньи-
овъ мора крозъ средину стварій проникнути, све частице
раздробити и разпознати, дуго сматрати, да се обликъ

**) Што се народногъ пѣснотворства тиче, Србскій е народъ у томе
може быти найсрећни и найбогатіи. И мы имамо довольно узрока съ
тымъ се дичити и поносити. То и туђи народи признаю, хвалећи га,
на свой езыкъ преводећи, и у звѣзде куюћи, тако, да се чисто чуде,
зашто и сами Србљи свое народно пѣснотворство већь давно хвалили
нису, и као и укораваю их, да они тога цѣну непознаю. За прво любовь
и признательность заслужую, али у другомъ и трећемъ не'маю право;
зашто Србљи просвѣштени добро познаю, и свагда су познавали цѣну
народногъ пѣснотворства (коѣ се довольно види изъ примѣчанія под *));
а што се у хвалу нѣгову нису просули, томе мыслимъ да е свагда колико
учтивость, толико народный карактеръ противостаяо. А башъ да бы и
такое было, да се уважаванѣ пѣснотворства народногъ одъ стране Србаля
неможе са топлотомъ и ревностю, коіомъ га странни народи обузимаю,
сравнити; опеть то нимало ние чудновата, но са свимъ наравна стварь:
та и смокве и лимуни већьма се ондѣ уважаваю, гдѣ не расту, него гдѣ
се безъ свакога труда читаве шуме одъ нихъ налазе, и плодъ рађаю. —
Ние ли и самъ Омиръ са своима пѣсмама, коѣ данась савъ свѣтъ обо-
жава, по Грчкой земли са гуелама у руци просио? па іоштъ не'ма у
Исторіи поуздана примѣра, да су га за живота люди одвећь уважавали;
та нису му ни мѣста, гдѣ се родио, знали. А нашъ Вишньиѣ слѣпаць,
кадъ е Стояну Чушићу, Змаю изъ Ноѣая, узъ гусле пѣвао, добыо е одъ
овога за пѣсму коня на поклонѣ; и данъ данашный лѣпо живи: има у
Срему свою кућу, и коня и тальиге. Sapiēti sat.

лѣпотныхъ производа' на истини и важности оснуге, и цѣ-
лой природы човѣчьской тако преда, да се чини, да една
природа другой говори, и цѣлымъ духомъ своимъ ову
задунюе.

Одтуда произлази рѣдкость, и она велика цѣна та-
ковыхъ людій, кои су ова велика свойства у високомъ
степену носили, и то свѣту самымъ дѣломъ показали.
Нема много Омира', Пиндара', Виргилија', Хорація', Клоп-
штока', Шиллера', Гетеа', Тассоа', Петрарка', Милтона',
Волтера', Ломоносова' и Державина'. Цѣлый еданъ на-
родъ и читави вѣкови едва су по еднога такова произ-
водили.

Но, као што смо напредъ видели, природа никоме
чувство лѣпоте сасвимъ одрекла ние; е ли само човѣкъ,
мора га манѣ или више имати. При томъ високо и лѣпо сва-
кога чувства дражи, и къ приятномъ теженю позива;
уважаванѣ пакъ, и дизанѣ оваковыхъ славныхъ людій,
њиова обаятелна имена гдѣкоима срдце обузимаю тако
силно, да ово желю свою чакъ ко дворовма безсмртія
простре; њиово распалѣно уображенѣ ништа друго не-
види, но само невенуѣе вѣнце, као награду труда; сво-
елюбіе недопушта имъ ни еданъ единый погледъ на сла-
бость сила' своихъ и оскудость науке и искусства бацити:
њиова е сва мысао, да се съ оныма великими людма
упореде, и држе, да е къ томе довольна тврда воля;
еръ они овдѣ само чувство, срдце и уображенѣ за са-
вѣтнике и судіе узимаю. Тако ии ови гонительи почну
по сви' краєви' свѣта мотати и тѣрати: што е огань
уображеня њиова бѣшній и необузданіи, то они себи

силніи и выши изгледаю; колико су имъ мысли замршеніе и тамніе, толико се нѣма разгранатіе, вѣштіе уплетене, извіене, и дублѣ чине; она понятія, коя никаква смысла немаю, они узимаю као преестественна. Овай е радъ, као Омиръ кодъ Грка', блистати, зато Епопею пише; ма одкуд' предметъ тражи: само нека су юнаци и добри коньи ту, нека се пуца, біе, сѣче, и кровь пролива, нека се землѣ и градови отимаю; ако и нема свезе пристойне, и теженя онога, кое Епопею одликуе, и на свой правый степенъ подиже. Другога распалюе смѣло и жарко летенѣ Пиндара, зато Оде пише, па често, да бы образацъ свой летомъ достигнуо, безъ свакога разлога запалѣнымъ уображенѣмъ своимъ выше облака мути, и празне сѣнке хвата, тежеѣи на нѣкій себи представлѣный Парнасъ и Олимпъ: онъ чувство са шареним' и преузвышеним' бояма пише, а низко и хладно чувствуе; често пакъ мысли, да е мету пожелѣну достигнуо, ако се одъ части кроємъ, и внѣшнимъ обликомъ ономе уподоби. Трећемъ, читаюѣи Петраркину Лауру, заигра се сердце, кое е у исто време може быти залюблѣно, па таки почне нѣшто подобно саняти, хоѣе да буде нѣжно, а неосѣѣа да е само болно, са слабомоѣнымъ умомъ поставлѣно: и ако любовь нѣгова и издае кадкадь искредивнога огня, опеть цѣло му изъ воздушныхъ меуриѣа' сложено быва; будуѣи да извора правога не'ма. Кома пчела за клубукомъ? — Ови се сви люто вараю, и у странпутици налазе. Велику бы оваковыма задужбину учинио онай, кой бы имъ на опасномъ овомъ и пагубномъ путу свѣѣомъ разума засвѣтлио, ову таму испредъ нѣих

разагнао, и къ извору истине, науке и искусства упутио. Лѣпоте е путь цвѣтовитъ, но опасанъ : люти неприятельи са обѣ стране вребаю, и само онай среѣно достиже край, коме природный даръ, наука и искусство свѣтли.

Писмо ово Хораціево, кое самъ превео, одвеѣъ се слаже са моимъ досадашньимъ говоромъ. Пизони были су младѣи, сынови старога Пизона приятеля Хораціева. Они юштъ млади почну, по свой прилици безъ способности, по самой склоности, славу свою у пѣснотворству тражити и морали су гдѣшто и сачинити, кое као што и ние за вѣчностъ произведено было, тако ни до насъ дошло ние. Отацъ, бринуѣи се за среѣу дѣце свое, и видеѣи их на тако опасномъ путу, гдѣ блуде, неимаюѣи ни понятія о ономе што чине, и къ чему теже, а државне послове, кои честь и достоинства носе, са свимъ оставляюѣи, морао е безъ сваке сумнѣ Хорація, кои е у оно време цвѣтао, замолити, да се постара совѣтомъ своимъ нѣи одъ тога одвратити, и на путь правый извести. Тымъ поводомъ Хорацій напише ово писмо, коимъ показуе законе и свойства лѣпныхъ говорныхъ производа' : какове мысли мораю быти, и каково се познанство езыка, какавъ изборъ поединыхъ рѣчій, и союзъ изискуе ; какавъ е внутренній и каковый внѣшній край и размѣръ разныхъ родова лѣпныхъ дѣла' ; наводи примѣре, како многи нѣиови пѣснотворци правога понятія о ствари не'маю, коешта пишу, и себе предъ свѣтомъ срамоте ; каже имъ, колико е важно и тежко званіе правога пѣснотворца ; каковый се даръ природе, и колікій трудъ и наука изискуе, но при томъ како се свакомъ лако чини, и свакій радо у томе среѣу

куша : упућуе их къ извору мудрости, која е основъ добраго писаня; совѣтуе, ако праве способности немаю, да се пѣснотворства ма'ну, ерѣ у томе средности не'ма; ако бы се пакъ заборавили, и преко свега тога опеть што писали, нека се строгомъ суду или критики подложе; да неслушаю судъ оных, кои стварь неразумѣду, нити оных, кои се претвараю, и улагую; представля имъ живо у примѣру пагубна и жалостна слѣдства занешена пѣснотворца.

Изъ овога се види, да су многи кодъ Римляна', и учени и неучени, разумни и неразумни лиру у руке узимали, и у нѣой славу свою тражили, незнаюћи да коекуда блуде, и саняю. Хораціѣ дакле овомъ кнѣйгомъ труди се тамну нѣиову душу освѣтлити, и освѣстити, и очи имъ разума отворити. Ово е не само онда бывало, него и данѣ данашнѣй кодъ свѣю народа' више или маиѣ быва; зато судимъ, да ово дѣлце Хораціево, колико е онда нужно и потребно было, толико и данасъ може полезно и плодовито быти.

—00—00—00—00—00—0

-----00—0

Кады живописаць бы съ главомъ човечіомъ вратину коньску
 Саставит' хтѣо, и различнымъ изкитит' перѣмъ, пакъ уде
 Скупио свега изъ свѣта, да озгорь женица красна
 Ружно се гадномъ са рыбомъ заврши : о, да л' бы се друзи
 Гледеѣ', одъ смѣха задржати могли ? Вѣруйте Пизони ! 1)
 Лику бы томе одвеѣь была подобна кнѣига,
 Гдѣ се, к'о болнога сневи, прилике изводе празне,
 Да ни нога ни глава са еднымъ неслаже се стасомъ.
 Но живописци и пѣвци равну власть имаше свагда,
 Слободно чинити свашта. То знамо мы добро, и зато
 Исту слободу мы ищем' и даем' узаямно : али
 Не да се дивѣ са кроткими састави, нити се гуе
 Спаре са птицама, нит' са рысовы яганьци мали.
 Често се важномъ почетку и великим' пришиє стварма
 Ёдно и друго пурпурно, да свѣтли у дальину, парче,
 Пишуѣи лугъ и жертвенникъ Дианинъ, 2) воде и брзе
 Течне савитке по нывама краснима, Рену ил' рѣку,
 Кишну ли дугу. Но томе садъ мѣста было ту ние.
 Ил' по случаю изобразит' купресса умѣшь ; по нашто
 Ондѣ, гдѣ с' пише за новце сакрушена лаѣа и бѣднѣи
 Сваке безъ надежде плыва изъ воде ? Кады правити бокаль

Почнешь, и коло веѣь обрѣешь, зашто ти лонацъ изиѣе?
Єдною рѣчю, нек ти є свашто просто и єдно.
 Веѣа часть пѣваца, отче и отца свогъ достойна дѣцо!
 Видомъ варамо се правога. Ако се трудимъ быт' кратакъ,
 Постаємъ таванъ; тко тежи за лагкими стварма, ни снаге,
 Нити тай духа има; високо пенѣ ли се кои,
 Онъ є надувенъ; по земљи пакъ пузи свакъ, кадъ є опазанъ
 Одвеѣь, и страши се бурѣ; тко єдну стварь мѣняти жели,
 Чуда да изводи, пише Делфина у шуму, у воду
 Дивію свиню. Вѣштине кой нейма, одъ погрѣшке кадъ се
 Клони, онъ упада у ню. Кодъ игре Емил'еве ³⁾ хоѣе
 Послѣдній ковачъ и нокте изразит', и подобно мегким'
 Власима гвожѣе извияти, ал' є онъ свему у послу
 Несреѣанъ; дигнути цѣло єръ незна. Овомъ ти я раванъ
 Небы' радъ быти, кадъ бы што саставит' желио, к'о ни
 Съ гаднымъ живити носомъ, а другче быт' доста угледанъ,
 Чарним' са очима, црним' и власима. О кнѣигониєци!
 Узмите предметъ вы раванъ са силама вашим', и дуго
 Сматрайте, шта су вамъ кадра носити плеѣа, шта л' имъ є
 Сувише бремя. По снази тко изборъ учини стварій,
 Неѣе га оставит' рѣчитость, нити редъ икада ясный,
 Реда є у томъ, ако се неварамъ, снага, лѣнота,
 Да пѣснотворацъ часъ каже садъ, часъ пакъ, што казати треба,
 Друго на време однесе, и засадъ остави сасвимъ,
 Єдно любви, а презире друго у своему дѣлу;
 Саме и рѣчи онъ просиплѣ штедливо, смотрено свагда.
 Изговоръ бытѣе ти диванъ, ако рѣчь обычну вѣшта
 Прелиє свеза у нову. И ако є потреба новим'
 Значим' показати ствари скривене : измыслити валя

Рѣчи пасанымъ Цетезима ⁴⁾ нечувене, и нек' в
Слободно чинити то, ал' разумно, па нове, и скоро
Рѣчи сковане ће имати важность, изъ извора ако
Грчкога теку, савійте текъ мало. А шта ће Цецилю ⁵⁾,
Плауту ⁶⁾ Латинъ допустити, а Виргилию, Вар'ю ⁷⁾
Недати? Зашт' да ме презиру, ако што прибавит' могу,
Кадъ в Катоновъ ⁸⁾ и Еннiевъ ⁹⁾ езыкъ умножио матерный,
Нова имена произвео стварима? Было и, и быће
Слободно свагда извести означену новымъ рѣчь знакомъ.
Шуме кадъ лишће са западомъ године мѣняю, прво
Пада: тако и рѣчій древна пропада старость,
И садъ роѣене подобно юношам' цвѣтаю, живе.
Смрти смо дужни и насъ, и све што е наше: ил' Нептунъ ¹⁰⁾,
Примлѣнъ одъ землѣ, галие одъ Аквилона чува,
Царско башъ дѣло, и задуго бесплодна бара за весла
Згодна, садъ сусѣдне градове рани, и осѣћа рало
Тежко; или е рѣка промѣнила пагубный нывам'
Токъ, на больій окренута путъ. Сва смртна ће пропасть
Дѣла! А езыку честь да стои, и милошћа живо?
Многе ће с' родити, кое су нестале, рѣчи, и пасти,
Кое су саде у чести, обычай ако то узхтѣ,
Кои слободу и власть, и правило има за говоръ.
Дѣла славна цара', войвода', и ратови тужни
Коіомъ се писати мѣромъ могу, показа намъ Омиръ.
Дужій стихъ съ краћимъ скопчанъ тугу е являо найпре,
Послѣ и желя испунѣна нѣимъ се означила была.
Кои пакъ списатель првый е извео елеге мале,
Пру се књижевници ¹¹⁾, и на суду е іоште та распра.
Бѣснило даде Архилоху ¹²⁾ своєга собствена Ямба.

Ову стопу су примили сокци, и грдни котурни¹³⁾,
Коя е згодна за разговоръ редный, юшть народну вику
Таложу, и за одбавлянь е постала дѣла'.
Муза¹⁴⁾ е гулама Боге и Божію предала дѣцу,
Побѣдоносца и борца, и коня првогъ у бою,
Юшть младића бригу, и слободна славити вина.
Ако назначене разлике дѣла', и бое немогу,
Ил' употребит' я незнамъ, како да с' зовець поетомъ?
Безмѣстно стыдливъ зашт' незнати, него ли учити волемъ?
Смѣшна се стварь трагійскимъ стиховма представит' неда;
И Тиестина¹⁵⁾ се вечера неће да предложи гласомъ
Дружбене пѣсме, и по готову достойнымъ сокка.
Свака стварь нека се пристойно држи свогъ правогамѣста.
Но и Комедія кадгодъ подиже гласа, и гнѣванъ
Хремесъ¹⁶⁾ са пуныма с' препире устма: па често и трагикъ
Низкимъ говоромъ тужи. А Телефъ¹⁷⁾ и Пелей,¹⁸⁾ изгнана
Оба, и оба у пукой сиротини, красне и дуге
Бацаю рѣчи, кадъ тугомъ горкомъ ради су дирнут'
Зрителя срдце. Ние довольно, пѣсне намъ да су
Лѣпе; већь мораю быти и сладке, и треба да могу,
Кудгодъ намысле, слушателя водити срдце.
Како што съ смѣшльивымъ смѣше се, тако и съ плачнымъ плачу
Людска намъ лица. Ты ако си радъ, да я плачемъ, то теби
Самоме найпре тужити валя; о Телеф' ил' Пелей,
Онда ће твоя оскорбити неволя мене; зло ако
Налогъ изговоришь, дрематѣу, или се смѣяти. Тужномъ
Лицу се жалостне пристое рѣчи; а гнѣвномъ пуне
Претнѣ, а несташа шальиве; важномъ озбыльскій говоръ.
Брѣ насъ природа найпре изнутра за свако намъ станѣ

Спрема: ил' блажи, ил' на гнѣвъ диже, ил' тежкомъ са тугомъ
Къ земли обара, и мучи; па ѣзыкомъ после толмачеѣ'
Кретанѣ износи душе. Са станѣмъ човека говоръ
Ако се слагати неѣе, то Римляни дигнутѣе кликотъ,
Коньници скупа са пѣшцима. Велика разлика есте,
Говори л' небесный, илти юнакъ, зрео ли стараць,
Или огнѣвитый цвѣтаюѣ' младостю юште; ил' властна
Госпоѣа, ил' пакъ дойкиня брижльива, трговаць путникъ,
Или кой зеленомъ рани се нѣивомъ; бесѣди Колхъ ¹⁹⁾ ли,
Или Ассирианъ; ²⁰⁾ е ли одраст'о у Теби, ²¹⁾ ил' Аргу. ²²⁾
Пишуѣи држи се обштега гласа, ил' измысли слично.
Ако си честита радъ по случаю навести Ахилла ²³⁾:
Лагкъ некъ е, лютица, и неумолимъ, и оштаръ, па нека
Природна права недопушта, све мачемъ придобити тежи.
Медеа ²⁴⁾ нека е бѣсна и непобѣдима, Ино ²⁵⁾
Плачльива, па вѣроломанъ Иксионъ ²⁶⁾, скитница Ио, ²⁷⁾
Жалостанъ Орестъ ²⁸⁾. Ако што неогледано ты првый
На позориште ставишь, и смѣшь се усудити ново
Представит' лице, нека ти остане самогъ до края,
Какво съ почетка е было, и свагда подобно себи.
Тежко е самымъ собомъ нове изводити ствари.
Изъ Илиаде ѣешь болѣ извести позориштну игру,
Него да првый ты предложишь што нечувено, и ново.
Обшта стваръ твоя ѣе собствена быти, ако у маломъ,
Знаноме кругу неостанешь, нити се трудишь толмачеѣ'
Вѣрно, да рѣчи са истыма замѣнишь рѣчма; нит' с' наѣешь,
Тежеѣ' за другимъ, у тѣсноме мѣсту, одкуда срамно и'
Кренути ногу, ил' дѣла недопушта законъ то; нити
Починьи, к'о што циклийскій писатель нѣгда пѣваше:

Срећу я радъ самъ пѣвати Пріама, рата и славногъ.
Шта ће толике развале уста' тай достойно казат' ?
Горе с' порађаю, смѣшний хоће се родити мышѣь.
Колико правіе, кои безъ разлога ништа нечини:
Кажи о Музо ми, мужа, по времену Трое узете
Кои е нарави, градове премногих видно людій.
Давати немисли дымъ изъ огня, но свѣтлость изъ дыма,
Одкуда ће чуда изводити дивна, Антифата,²⁹⁾ Скиллу,³⁰⁾
И Харивду³¹⁾ са Циклопомъ; ³²⁾ одъ Мелеагрове ³³⁾ смрти
Повратакъ Диомедовъ ³⁴⁾ непочинъ, нити Троянскій
Ратъ одъ близніех яя,³⁵⁾ ко краю онъ тежи намъ свагда,
Вуче у средину стварій, већ као познатых, и што онъ
Мисли да блистат' подъ рукомъ му неможе, оставља сасвимъ.
Тако онъ вара, и мѣша са истиномъ смышлѣне ствари,
Да се съ почеткомъ среда, а съ срединомъ слаже му конаць.
Чуй, шта я желимъ, и шта са мноми захтѣва народъ:
Ако плѣскача ты требашь, кой ће на завѣсу чекат',
Дондѣ и сѣдити, пѣваць докъ нерекне: „плѣскайте вы садъ:“
Свакога вѣка живота морашь назначити наравь,
Пристойно свойство дат' нарави валя, и годинамъ разнымъ.
Кое већ дѣте говорити умъ, и ходити може
Само, игра се съ вршњацима радо, и смѣта се свади,
Па и скоро с' помири, и свакој часакъ се мѣня.
Момче голобрадо младо, кадъ исподъ прута изиђе,
Гине за коньма, и псима, и травомъ широкога поля;
Къ пороку подобно воску се свія, на совѣте гнѣви с',
Поздно се стара за полезне ствари, и раскошно троши,
Крылатъ, и желанъ е, пакъ и мила му оставит' готовъ.
Послѣ се мѣняю желѣ, и узрастъ и срдце већ мужа,

Богатства тражи и приятельства, за честію гине,
Смотрено чува с' нечинит', што бы промѣнио скоро.
Старца пакъ неволѣ нападну многе; ил' што све тражи,
Яданъ па наѣно оставля, и уживати страши с',
Или што дѣла сва хладно и страшливо одбавля свагда,
Онъ е одлагало, нада се многомъ, немоѣанъ жельно
Тежи за напредкомъ, несвитакъ, тужи се, хвали дѣтинства
Своега прошасто време, и младе онъ кара и казни.
Многа идуѣе године доносе са собомъ добра,
Многа прошавше пакъ односе!—Момку да небы мы свойства
Старчева дали, а дѣтету прилична мужу, то валя
Свагда намъ остат' у приликам' и старости правой.
Или се представля садъ стварь, ил' се веѣь свршена каже:
Слабіе дѣра намъ срдце, што се пушта на уши,
Нег' што се вѣрныма гледати очима дае, и што самъ
Гледатель предае себи. Ал' опеть гдѣшто унутри
Чинити валя изванъ позоришта, очима много
Сакрити, што ѣе витійство ѣзыка казати ондѣ.
Дѣцу да Медеа неубия предъ народомъ, нити
Безбожный Атрей ³⁶⁾ людска да прева кува кадъ явно,
Ни да се Прокна ³⁷⁾ у птицу претвара, нит' Кадмусъ ³⁸⁾ узмию.
Што ми годъ представишь тако, тога с' я невѣра гнушамъ.
Игра да нѣе ни маня, ни веѣа одъ петога дѣйства,
Ако ѣе радо да с' прима, и послѣ представля опеть:
Нит' да се уводи Божество, ако чворъ достоянъ нѣе
Помоѣи такве: и нека четврто неговори лице.
Хоръ некъ играчу притече, и дужность витежску му брани:
Измеѣу єдногъ и другога дѣйства некъ неѣѣва ништа,
Што нетежи ко намѣри, нити се скопчава згодно.

Добрыма нека е наклонѣнъ, и совѣтъ некъ любезно дае;
Юшть некъ яростне управля, радо и страшливце блажи;
Нека и трапезе штедливие хвали онъ ела; и правду
Спасительну, и законе, миръ съ отворенымъ вратъма;
Тайне некъ чува, и Бозима молитве подиже топло,
Среѣа да с' бѣдныма врати, а сасвымъ остави горде.
Тибия ние, к'о саде, тучемъ стегнута была,
Нити се мѣрила съ тубомъ, веѣь танка и проста, сънемногимъ
Одушкамъ згодна быяше кодъ хора за свиранѣ, гласомъ
Могла е испунит' юште не одвеѣь сбиена сѣдишта,
Ерѣ си изброити, кои с' ту скупляше, могао народъ;
Маленъ будуѣи, и штедливѣь, чиста живота и стыдливѣь.
Побѣдоносно кадъ ниве се стадоше пружат', и дальи
Зыдови градове грлит', и даню почеше безъ страха
Дане у светчане блажити Генія виномъ, слободу
Веѣу и слаганѣ рѣчій, и гласа извиянѣ добы.
Ерѣ шта ненаученъ простакъ, кадъ се ослободи посла,
Съ граѣаномъ смѣшанъ, и порочанъ съ честнымъ, судити умѣ?
Тако садъ свирацъ е хитрость и раскошь древной вѣштини
Додао, амо и тамо по степени хальину вук'о;
Тако и важной лири гласови посташе веѣи,
И витійство необычно донесе языкъ брзоплетъ;
Науке пуно о будущтимъ полезнымъ стварма, одъ Делѣски³⁹⁾
Ние с' различило рѣчій, што Божески судьбину кажу.
Кои с' за худа пре ярца трагійскомъ надѣваше пѣсмомъ,
Послѣ и польске е Сатире⁴⁰⁾ представль'о наге, и строгу
Поче уводит' садъ, безъ нарушаваня важности, шалу;
Ерѣ е требало намамомъ, миломъ и новостю сладит'
Зрителю, кадъ онъ съ молитве доѣе, и пиѣемъ с' занесе.

Тако пакъ смѣшне говорљиве Сатире умилит' валя,
Тако у шалу мѣшати истину, никада да се
Богъ неуводи, нити пакъ херой, пре што трепѣаше
Царскомъ у злату, и пурпури, саде мрачне у болте,
Бесѣде просте да води, нити кадь с' подиже съ землѣ,
Да по облацима лети, и дальине празне се хвата,
Врляти стихове просте, трагедіе достойно ние,
Подобна госпи да буде, коя на заповѣсть играт'
Морана слави, ал' стыдљиво съ несташны Сатиры с' сдружи.
Я кадь бы Сатире писао, небы се само, Пизони!
Трудио, да су ми просте и обычне рѣчи, имена;
Нит' бы се старао, тако с' удалит' одъ бое трагійске,
Нема да разлике, Давусъ,⁴¹⁾ ил' Питія⁴²⁾ говори смѣла,
Кадъ преваривши Симона тврдога добые сребро,
Или пакъ Силенъ⁴³⁾ чуваръ и слуга Божѣгъ любимца.
Смыслити я ѣу изъ познате пѣсме нову, да с' чини
Свакомъ, да може то исто, но дуго се знои кадь почне,
Ради залуду. Толико ту слаганѣ значи, и свеза;
Цѣну толику добыяю обычне свакоме ствари.
Нека по миѣнію моему Фауни мотре дошавши изъ шума',
Да се невладаю, к'о да су растли у граду, и чисто
Явным' у дѣлима были, нит' нѣжным' се стихов'ма мазе
Игда, нити да нечистомъ срамотномъ бесѣдомъ крече,
Вреѣаю с' они, што имаю коня, и отца и блага;
Нит', ако одобри бибера ситногъ и ора' што купаць,
Они то примаю срдцемъ са благимъ, нит' пружаю вѣнаць.
Краткомъ кадь додашь слогу ты дугачакъ, зватѣ се Ямбусъ;
Стопа е брза, од кое су име и тримѣрни Ямби
Добыти морали, ерѣ шесть пута' удараю гласомъ,

Сви пакъ до края првомъ су равни. Но ние оддавна,
Како е радо и вольно онъ примио Спондее сталне
У отчевину свою, да задуже, важніе мало
Пушта с' у уши : но съ другога или четвртога мѣста
Ние устунио другу. Тай редко се самогъ у Акка
Славным' триметрима види, у стихови' Еннія самогъ,
Што на позоришту велику имаше важность, та ружна
Погрѣшка лежи, заръ што е онъ одвеѣъ радио брзо,
Трудомъ ил' пильио ние, ил' науке те се лишав'о.
Свакій неможе судит' о стихови' неслична гласа,
И то се римскимъ поетама, што е недостойно, прашта.
Зато л' да прелазимъ предѣле, и безъ правила пишемъ,
Увѣренъ што самъ, да ће сви погрѣшке видити мое,
Мене пакъ оставит' съ миромъ, еръ опроштению с'я надамъ?
Смотрено лягу самъ избѣгао, хвалу заслужио нисамъ.
Грчка вы примѣрна дѣла премеѣтите даню и ною.
Али праотци су наши у Плауту хвалили слику
И шальивость? Стрпљиво да не кажемо, лудо
Дивише с' обоемъ они; будући садъ и я, и вы,
Рѣчи безсрамне шале одъ забавне дѣлити знамо,
Јоште познаемо гласъ правилный на прсте и уши.
Кажу намъ пѣкога Тесписа, ⁴⁴⁾ да е онъ јоштъ нечувене
Пѣсме трагійске Камене изнаш'о, и на колици'
Возио, те су играчи са прлявым' пѣвали устма.
Ешилусъ ⁴⁵⁾ послѣ изнаѣе и ларву и хальину честну,
И на позоришту степене подиже мале, и поче
Учит' високо говорит' и ступат' съ котурномъ,
Послѣ комедія стара е дошла са виликомъ хваломъ;
Али слобода јој паде у порокъ, и несносну силу,

Да е већ требало закономъ водит'. Кады законъ стеже,
Хоръ е занѣмио ружно, еръ право му с' вреѣаня узе.
Наше поете су свакомъ у дѣлу већ кушали среѣу,
Нити су малу заслужили славу и они, што Грчке
Примѣре ма'нуше, народа свога и славише дѣла,
Была та одъ благородства, или простоте узета.
Нити бы Лаціумъ быо юначствомъ, славнымъ оружѣмъ
Силнии, нежели езыкомъ своимъ, да несносно ние
Свакомъ поети пилѣти трудно, и сѣдити дуго.
Вы, о Помпил'ева крви, забавите пѣсмама сваким',
Многи што дани, и пилѣнѣ много дотерало ние,
Десеть и пута' скресаваюѣ' ние довело на нокатъ.
Даръ да е природе среѣнии ядне одъ науке, држи
Тврдо Демокритъ⁴⁶⁾, па съ Хеликона⁴⁷⁾ поете онъ гони
Трезвене, зато премноги нит' нокте кады сѣку, нит' брѣо
Браду, и мѣста усамлѣна траже, и купаня с' клоне;
Еръ ѣе тако придобити цѣну и име поете,
Ако брѣачу Лицину⁴⁸⁾ непода онъ никада главу,
Кою ни три Антикира⁴⁹⁾ излѣчила небы. О мене
Лудога, гдѣ се у пролѣтно време одъ жучи я чистимъ!
Нитко да неправи стихове болѣ. Но то ми е мала
Брига. И я ѣу садъ брусу быт' подобанъ, гвожѣе што може
Ошрити, самъ пакъ сѣѣи ние онъ нимало кадаръ.
Самъ я непишуѣи ништа, казатѣу званѣ и дужность :
Одкудъ с' добыя богатство; шта пита, и прави поету;
Шта ли се пристои, шта л' не : кудъ вредность, кудъ
погрѣшка води.
Мыслити мудро, есть изворъ и основъ за писанѣ добро.
Листови Сократски хоѣе ти стваръ показати моѣи,

Рѣчи пакъ зрѣло промишлѣну стварь ће изразити вольно;
Тко е научио, шта отечеству е дужанъ, и другу,
Любити како свогъ отца, и брата, и госта му валя;
Каква е дужность совѣтника, коя ли судиѣ стои;
Шта ли войвода чинити мора у рату: тай хоће
Заишта умѣти свакоме лицу дат' прилична свойства.
Юшть некъ подражатель вѣштый живота и нарави примѣръ
Сматра; и одтуда истините изводи черте.
Често са мѣстима разным', и добре нарави пуно,
Безъ украшаваня икаква, важности, и безъ лѣпоте,
Дѣло се омили народу веѣма, и болѣ му прия,
Неголи стихови празни безъ ствари, тек' играчке звучне.
Грае⁵⁰⁾ е Муза обдарила духомъ, и дала имъ устна
Говоръ округлый, само за похваломъ они све гину;
Римска намъ дѣца рачуне све дугачке уче, те асса
Дѣле на стотину частій. Албиновъ⁵¹⁾ некъ каже намъ сынчиѣ:
Кадъ одъ квинкунца одузмешъ унцію шта ће ти остат'?
Може ли казат', да остае „Тріенс!“ О, та ты ѣешь моѣи
Твое сачуват' иманѣ. А кадъ унцію додашь,
Шта ће быт'? „Семис.“ Такова хрѣа кадъ и брига о повцу
Обузме єдномъ веѣъ душу, та каква е надежда, да ће с'
Пѣсеме извїят', што кедровъ сокъ чува, и купрессу лагкій?
Или су ползоват' ради поете, или веселити,
Скупа ил' пѣвати, приятно што е и нужно за животъ.
Чему годъ учио будешъ, краткости држи се, да ти
Науку примаю срдца жельно, и вѣрно задрже.
Све што е излишно, грудїй изъ препуны' прелитѣ с' одма'.
Смышлѣно увеселяваня ради, на истину нека
Личи, и дѣло некъ неиште, да му се вѣруе свашто,

Нити изъ утробе Ламійне ⁵²⁾ дѣте да вуче іошть живо.
Стари сви люди намъ мрзе на дѣла, гдѣ корысти не'ма;
Неће безвкусне да слушаю пѣсме високи намъ Рамни. ⁵³⁾
Свакъ є одобрио, гдѣ се са сладостю мѣша и полза,
Кадъ свомъ читателю радость и науку заедно дає.
Такова кнѣига ће Соз'яма ⁵⁴⁾ блага доносит', и пре'ћи
Море, и знатномъ списателю вѣчитый доноси споменъ.
Но безъ погрѣшке са свимъ башъ ние, ал' праштати валя;
Єрь ни жица недає гласъ, рука когъ хоће, и душа,
Ако смо низкога ради, често се явля намъ высокъ.
Нити ће згодити свагда, куда годъ нишани стрѣла.
Ал' гдѣ у стихови' веѣа часть блиста, ту забавит' неѣу
Нѣким' сумрачцима, кое ту или небрежљивость просу,
Ил' се подкрадоше слабости природе людске. Шта дакле?
Како што с' ономъ, што кнѣиге преписуюѣ' едно све грѣши,
Нити онъ совѣта слуша, опростити неће; и свирца
Узмемо на смѣх, када по одной све жици онъ гуди:
Тако кой запинѣ много, онъ мени тадъ постає Херилъ ⁵⁵⁾,
Когъ самъ вѣштини се двапутъ и трипутъ дивно съ смѣхомъ,
Іошть ми є несносно, кадъ и Хомеръ дрема намъ добрый.
Али у дугоме послу може савладати санакъ.
Као и живопись быѣе поезія, гдѣ ће с' изблизу
Нѣшто ти допасти веѣма, а нѣшто подалѣ кадъ станешъ:
Єдно милує мрачность; а друго с' у свѣтлости гледи,
Што се годъ нестраши оштрога ока судие строогогъ:
Ово се допада едномъ, а друго и по десеть пута'.
О најстарии измеѣ' младиѣа', ако те отацъ
Наукомъ къ правомъ и приводи путу, и самъ си ты мударъ,
Ове ты памти ми рѣчи: да нѣким' у стварима средность,

Сносимость пролази добро. Кой е у правама ученъ,
Распре и води текъ среднѣ, далеко одъ вредности стои
Мессале ⁵⁶⁾ славногъ, нит', кол'ко Касцеллиусъ Аулусъ,
зна онъ;
Али у цѣни е опеть: среднѣи да буду поете
Нису ни люди, ни Богови, нити допустили стуби.
Као на приятной части што несложна слика, и густа
Мастъ, и сардскій макъ съ медомъ, немогу угодна быти,
Еръ се вечера сасвимъ могла провести безъ овых:
Тако и пѣсме намъ, кое су постале, срдце да дижу,
Ако найвышій недомаше степенъ, найниже падну.
Играг' кой незна с', оружя се неће да дотакне польска,
Лопте, котура и чигре кой незна, тай сѣди на миру,
Силный да народъ га гледи, праведно недигне смѣха:
Кои пакъ незна, извѣяти пѣсме онъ опеть смѣ! Зашт' не?
Слободанъ онъ е, и доброга рода, и блага юштъ има,
К'о благородникъ, и живи одъ порока свакога чисто.
Никадъ ты ништ' безъ Минерве говорит' и чинити неѣшь;
Тако садъ судишь и мыслишь. Ал' ако опеть што кадгодъ
Спишешь, нека с' у Метіа ⁵⁷⁾ уши за суѣенѣ пусти,
Отца, и мое, на послѣ ты за деветъ задржи лѣта',
Држеѣ' подъ затворомъ листове. Избрисат' лагко се може
Оно што ние у свѣту; рѣчь пуштена незна се вратит'.
Люде дивяке юштъ свештеныи толмачъ и божескій Орфей ⁵⁸⁾
Есте одвратио гнусне одъ ране, и крвныхъ дѣла';
Одтуда кажу, да рысе и люте естъ кротио лаве.
Тако и Амѣионъ ⁵⁹⁾ подиже, кажу, Тебанова града,
Гласомъ и лиринымъ креташе стѣне, и молбомъ умилномъ
Тамо воѣшаше, кудъ захтѣ онъ. Мудрость е была то кадгодъ,

Собствено дѣлит' одъ обштега, свѣтска одъ свештеных
дѣла';

Супруге закономъ везат', и мужев'ма давати права,
Дивати градове, законе урезиват' у дрво :

Тако су божески пѣвци, са пѣсмама, именовъ, честю
Постади славни. После нѣх до'ђе прославлѣный Хомеръ,
Пакъ и Диркей, ⁶⁰⁾ те срдца юначка на ратове бойне
Оштрише пѣсомъ. За тимъ се прорицала стиховма
судба,

Стаза живота се съ нѣма казивала, царска и милость
Тражила гласомъ Пѣрскимъ, ⁶¹⁾ игра се после изнађе,
Дугимъ и пословма конацъ. Да ти на срамоту нигда
Муза са лиринымъ nebude гласомъ, ни пѣвацъ Аполло.
Пытанѣ было е, природа, наука л' изводи пѣсме
Славне. Я држимъ да нит' трудъ самъ безъ богата дара,
Нит' умъ великъ безъ науке ишта е кадаръ : и тако
Єдно одъ другога помоћи треба, и слаже е' любовно.
Кои се труди достигнути тркомъ пожелѣну мету,
Много е дѣтетомъ сносио, радио, зноио е', зеб'о;
И безъ вина и Венере живио. Кои пакъ свирацъ
Пѣва Питійски ⁶²⁾, тай найпре е учио, наставника стра-
шио с'.

Доста е казати саде : Я дивне ти пѣсне све спѣвамъ!
Ляга на последнѣгъ пала! Та срамно ми остати
натрагъ!

И што я учио нисамъ, признати сасвимъ да
незнамъ.

Као што викачъ нагони народъ, да купуе робу,
Тако поета са нѣвама многимъ, плодоноснымъ

Новцемъ ласкателъ нуди, да дођу, и корысти вуку.
Па јошть ако е човекъ, што частити може башъ добро,
Ѕмацъ за сиромаха раскошнога быт', и изплести
Црнихъ изъ парница', то ми е дивно, ако тай сређный
Разлику чинити умъ међ' лажомъ и истиннымъ другомъ.
Ты кадъ учинишь поклонъ, ил' што поклонитѣшь коме,
Пунога радости нигда неводи тогъ къ пѣснама твоимъ;
Ѕръ же онъ викати гласно: Та красно е, добро, и
право!

Јошть же му блѣдити лице; и роса же капат' изъ ока
Любови пуногъ; скакатѣ, землю и ногама бити.
Кои на погребу наймлѣни плачу, ти кажу и чине
Готово више одъ оныхъ, срдце коима тужи:
Тако изсмѣятель веђма нег' правый башъ хвалитель
горе.

Кажу, да кралѣви многим' на оногъ навалюю чашам',
Виномъ и муче, когъ провидит' желе, е л' приятельства
Достоянъ ныховогъ. Ако ты стихове узправишь, нигда
Да те непреваре душе скривене подъ лисице кожомъ.
Кадъ бы Квинтилию ⁶³⁾ прочит'о штогодъ: То поправи
брате,

Јошть и то, рѣчь бы му была. Ты кажешь, да неможешь
болъ,

Трипутъ веђь кадъ бы се мучио залуд', рек'о бы, бриши,
Зло изведене и стихове съ нова на накованъ међи.
Ако бы погрѣшку бранити волѣо, него л' измѣнит',
Више ни рѣчій, ни труда онъ суетно губио небы;
Да самъ безъ противника себе и свое ты любишь!
Поштенъ и паметанъ човекъ же забавит' стиховма мртвымъ,

Ману ќе рапавымъ на'ѣи, несглаѣене црнымъ назначит'
Хоѣе онъ знакомъ окренута пера, па наките сбрисат'
Излишне, ясно што ние, свѣтлости искатѣе ономъ,
Дигнут' двоумне ќе рѣчи, назначит' што мѣняти валя;
Онъ Аристарх⁶⁴⁾ ќе намъ быти; нит' реѣе: Зашт' друга
да вреѣамъ
Ове за ситнице? Ове ал' ситнице несреѣу носе
Велику, кадь га изсмѣю еданцутъ, незгодно приѣме.
Како одъ шугава, или кой болестъ жутицу има,
Или когъ блуѣенъ ноѣно, и Діана обузе люта,
Тако сви паметни бѣже одъ бѣсна поете, и страше с'
Дирнути нѣга; но дираю дѣца и вѣяю лудо.
Па кадь високе стихове врля, и блуди намъ овай,
К'о птицоловацъ кадь косове хватаяѣ' сасвимъ заслѣпи,
И у бунаръ падне ил' яму: па стане га вика:
„Ей помагайте люди! ал' никоме ни бриге ние.
Ако л' кой радъ е у помоѣъ доѣи, и спустити уже:
Шта знашь, ние ли скочио тамо онъ вольно, и неѣе
Да га ты спасешъ? Казатѣу, и приповѣдит' пропасть
Пѣвца Сикулскогъ: Радъ Емпедоклесъ⁶⁵⁾ е быо, да Бо-
гомъ
Безсмртнымъ постане, зато у огнѣну Етну е хладно
Скочио. Нека су властни и слободни мрети поете;
Кога ты избавишь преко волъ, убійца си нѣговъ;
Нѣму то првина ние; нити ќе, ако га спасешъ,
Постати човекъ, и проѣи се любви смрти ко славной.
Нити е ясно доволно, зашт' стихове прави; еда л' е
Отца свогъ пец'о помокрио, безбожникъ тужный Биден-
таль⁶⁶⁾

Сквернио. Заиста бѣсни, и подобно медведи, кои
Снагомъ могаше развалити гвоздене тамнице шипке,
Немило, читаюћ', разгони учена, съ нѣма и проста :
Когъ се дочепа, онога држи и мори читанѣмъ,
Докъ к'о пѣвица крви е' ненапуни, неиде съ коже.

**По начину народных пѣсама десето-
сложныхъ.**

Кады бы съ людскомъ живописаць главомъ
 Хтѣо коньску саставит' вратину,
 И іоштъ перѣмъ китит' свакоякимъ,
 Изъ свегъ свѣта б' покупио уде,
 5 Да се озгорь почне съ женомъ красномъ,
 А одоздо съ гадномъ рыбомъ сврши,
 Бы л' се браћо! тако што гледиши,
 Одъ тежкога уздржали смѣха?
 О Пизони! ¹⁾ вѣруйте ми драги,
 10 Той нагрди подобна є кнѣига,
 Коя празне извѣя образе,
 Какве боланъ у постельи саня,
 Да имъ не'ма ни ноге ни главе,
 Кое с' съ єднымъ удешаю стасомъ. —
 15 Живописци, и съ нѣима поете,
 Власть имаше довѣка єднаку,
 Свашта чинит' вольно и слободно.
 Знамо добро, зато узимамо,
 И даємо ту слободу займно:
 20 Ал' неспаруй дивѣ са кроткима;
 Нити гуе прилюби съ птицама,
 Нит' съ рисовы яганъчиѣе мале.

Стварь е важна, на велико тежи,
Ньой пришию едно, два л' парчета,
25 Да црвена сияю далеко,
Кадь Дианинъ 2) и лугъ и жертвенникъ,
Рену рѣку, коя миловидно
Све колике нъиве сѣче, кваси,
Или кишну уписую дугу :
30 Но овоме ту садь мѣста ние.
Вѣштъ ако си купресъ уписати,
На што ондѣ, гдѣ с' пише за новце,
Како яданъ изъ пропале лађе
Брегу плива безъ сваке надежде?
35 Лѣпъ си бокалъ започ'о правити,
Коло обрѣшь, зашт' лонацъ излази?
Едномъ рѣчю, кадь годъ што узрадишь,
Едно цѣло некъ буде, и просто;
Насъ поета' веѣа часть, о отче,
40 И достойна дѣцо отца свога,
Варамо се подь доброга видомъ :
Радъ самъ кратакъ быт', постаемъ таванъ :
А за лаким' кои тежи стварма,
Нит' живота има, нити духа :
45 У высину лети л', надувенъ е :
Ако і' страшивъ, и плаши се бурѣ,
Безопасанъ онъ у праху пузи.
Радъ е кои да стварь одну мѣня,
И да чудне прилике извия,
50 Делфина ѣе у шуму ставити,
Дивю свиню у воду метнути.

- Башъ кадъ желишь погрѣшку избѣжи,
Ако немашъ вѣштине, клизнутѣшь.
Хоће ковачъ найгорій и нокте
55 Изразити у игри Емил'я 3),
Меке власи извити одъ гвожђа;
Ал' у свему несрећанъ е послу,
Ерѣ изъ свега незна ставит' цѣло :
Небы овомъ желио быт' раванъ,
60 Кадъ бы я што саставити захтѣо,
К'о ни съ гадномъ живити носиномъ,
А иначе быт' доста угледанъ,
Црна ока, а и црних власій.
Узимаите, о вы кнѣгописци!
65 Предметъ раванъ са силама вашим',
Позадуго у себи сматрайте,
Шта су кадра рамена понети,
Подъ чиме ли клонути мораю;
Кой по снази стварь избере за се,
70 Нити ће га рѣчитость прекрасна,
Нити ясный редъ оставит' игда.
Оно лѣпо у реду е свойство,
К'о што мыслимъ, да с' у томъ неварамъ,
Да што треба казат', часъ садъ каже,
75 Часъ прећути засадъ, и некаже,
Па на друго мѣсто то пренесе.
Юшть се чува пѣснотвораць яко,
Непросиплѣ рѣчи у пѣснама,
Єдно прима, друго баца згодно.
80 Дивно ће ти зборе зазвонити,

Када вѣшто рѣчь познату сложишь,
И са тимь іой новѣй изгледъ дадешь.
Ако ли е потреба новыма
Стварь незнану показат' знацима,
85 И нове ти треба коват' рѣчи,
Што пасани нечуше Цетези ⁴⁾;
Просто да е, кадъ съ разлогомъ бѣва.
И нове ѣе садъ сковане рѣчи
Имат' цѣну, ако изъ извора
90 Грчкогъ теку, и срежу се малко :
Шта Римлянинъ може Цецилию ⁵⁾,
И за ньиме допустит' Плауту ⁶⁾,
А педати Виргил'ю и Вар'ю ⁷⁾?
Зашт' и мени да когодъ замѣра,
95 Ако ново што могу додати,
Кадъ мы знамо, да і' езыкъ Катоновъ ⁸⁾,
И Епшиевъ ⁹⁾ умножио матерный,
И имена нова стварма изв'о?
Было і' свагда и бытѣе слободно,
100 Ударати чекиѣемь имена,
И познатымъ бѣлжити знакомъ.
Кадъ се шуме мѣняю съ годиномъ,
Найстарие оне губе лишѣ!
Тако рѣчи старе пропадаю,
105 А коє се роде, те цвѣтаю,
На прилику младыхъ дѣвояка.
Мы смо смртни, и све наше за смрть.
Овдѣ Нептунъ ¹⁰⁾ у загрлю землѣ
Броде брани одъ вѣтрова бурныхъ,

- 110 Да е у нѣм' царскій створъ видити;
Онѣ давно безплодно єзеро,
По коме се пре весла гнюраше,
Саде рани сусѣдне градове,
И тежкога рала бремя сноси;
- 115 Овѣ больій путь узима рѣка,
А оставя старій нѣвивам' кварный;
Све е смртно, све мора гинути:
Па съ езикомъ то заръ да небыва,
Да довѣка честить, мио буде?
- 120 Опеть ѣе се родит' многе рѣчи,
Што 'згибоше, многе угинути,
Кое лѣпой садъ у чести стое,
Ако само то навичай узхтѣ,
Зашто овай волянъ е и властанъ,
- 125 Законъ своме давати езыку.
Славна дѣла цара' и войвода',
И жалостне крваве ратове,
Каквомъ валя спѣват' мѣромъ гласа,
Лѣпо намъ е Хомеръ означио.
- 130 Съ дугимъ краіій саставлѣный редакъ
Жалости е гласе найпр' оддав'о,
Послѣ желью испунѣну глас'о:
Ал' кои е онай пѣвацъ быо,
Што изнаѣе те елеге мале,
- 135 Юште ние са свимъ пресуѣено,
И данась се зато пру кнѣжници¹¹⁾.
Свога Ямба добыю Архилох¹²⁾,
Да се може бѣснило изразит'.

Стопу ову примили су сокци,
140 И високи поносни котурни¹³⁾,
Єрѣ се ньоме згодно може мѣрит'
И разговоръ између двоице,
Ньомь с' таложе и народне буне,
И велика дѣла се изводе.
145 За гусле є Муза¹⁴⁾ одредила,
Одредила Боге, и Божиће,
И за ньима надь борцы юнака,
И найбржегъ на боришту коня,
Синю бригу млађаных срдашца',
150 И распустность кодъ руйнога вина.
То су за насъ различни видови,
Разне бое књижевных дѣла';
Ако я то немогу и незнамъ,
Зашто да ме називлю поетомъ,
155 И зашт' да се стыдимъ, гдѣ нетреба,
Зашт' да волемъ незнат', нег' учити?
Стварь се смѣшна недає извести
У стихови' за жалость срезани':
Тиестина¹⁵⁾ гнѣви се вечера,
160 Кадъ се она пѣва дружбе гласомъ,
Скоро гласомъ за сокке башъ згоднымъ.
Свашто некъ є на свомъ мѣсту правомъ;
Зато валя разредит' разумно.
И Комед'я кадшто диже гласа,
165 Гнѣванъ Хремесъ¹⁶⁾ развалює уста,
Те онъ люто започинѣ кавгу:
Трагикъ тужи често низкимъ гласомъ.

- Телефъ¹⁷⁾, Пелей¹⁸⁾, сужни и невольни,
Оставляю красне дуге рѣчи,
170 Кады су ради плачемъ своимъ горкимъ
Туѣга се срдца дотакнути.
Ние доста, да су пѣсме лѣпе,
Веѣь и сладость мораю имати,
Да, кудъ нагну, срнце туѣ воде.
175 Ако с' смѣешь, смѣятѣ с' и другій,
Плачешь, плачно і' и другога лице;
Радъ си мени да сузе натерашъ,
То ты найпре самъ чайти морашъ,
Да неволя мене твоя снужди.
180 О Телефе сужный, и Пелею,
Вы неволю свою изразите,
Срѣь ѣу дремат', или се смѣяти:
Тужне рѣчи за тужно су лице,
За лютито ^инекъ су пуне премѣнѣь,
185 А за игру некъ шальиве буду,
За озбильость важне рѣчи узми,
Срѣь изнотра природа насъ найпре
Къ свакомъ станю живота намъ спрема;
Ил' подбоде, ил' на гнѣвъъ подиже,
190 Ил' са тежкомъ тугомъ и жалостю
Црной земли обара, и мучи;
Посл' узима езика толмача,
И казуе душе намѣштанѣь.
Ако рѣчма нужду т' неизяснишь,
195 Диѣиѣе се кликотъ меѣь Римляны,
Меѣь коннѣицим', и меѣу простацим'.

- Яко треба и на то мотрити,
Тко говори; небесный ил' юнакъ,
Зрѣо стараць ил' момче ватрено;
200 Властна госпа, ил' добра дойкиня;
Трговаць ли путникъ, или ратаръ,
Што се рани одъ зелене нъиве,
Бесѣди ли Колх¹⁹⁾, ил' Ассирианъ²⁰⁾,
Ел' у Теби²¹⁾ одраст'о ил' Аргу²²⁾.
205 Ил' по гласу владай се народа,
Ил' изводи по самой истини.
Ты списатель Ахилла²³⁾ си знатна
Казат' свѣту яко зажелио;
Строгъ, усталаць, гнѣвльивъ, неумолимъ?
210 Да природа нема права, држи,
Све оружѣмъ задобити, мысли;
То ће теби образъ нѣговъ быти:
Нека ти в Медеа²⁴⁾ поамна,
Некротима, а Ино²⁵⁾ плачльива,
215 Па нека в Иксионъ²⁶⁾ невѣранъ,
Ио²⁷⁾ скитница, жалостанъ Орестесъ²⁸⁾.
Нечувено ако што у сцену
Радъ си увест', и смѣшь се усудит'
Ново лице представити свѣту,
220 Само мотри, да се то немѣня,
Како почне, тако некъ и сврши.
Не'ма теже, него обште ствари
Своимъ духомъ првый представити:
Позориштна битѣе игра боля
225 Изъ юначке пѣсме Илиаде,

- Него да ты садъ изнова тражишь,
Што се незна, нит' є кадь пѣвано.
Дѣло такво, што є веѣь свачіє,
Звати ќе се породъ твога ума,
230 Ак' у маломъ познатоме кругу
Нит' останешь, нит' се рѣчій држишь,
Да башь сваку претолкуешь вѣрно;
Нит' за другимъ у тѣснацъ упадашь,
Да є срамно ногу помакнути,
235 Или дѣла неда маѣи законъ.
Ты нипошто пѣсму незапочни,
Као нѣгда циклійскій списатель :
„Я ѣу пѣват' Прямову среѣу,
И са ньоме боя преславнога.“
240 Яко зия, много обеѣава,
Єли вредно, што ќе да намъ стави?
Нѣшто ѣ' быти, горе с' пораѣаю,
Тежка смѣха, еръ се мишиѣь раѣа.
Али овай лѣпше започинѣь,
245 Кои свашто са разлогомъ чини :
„Пѣвай мени оногъ мужа, Музо,
Кои многе обиѣе градове,
Многих людій нарави изучи,
Кадь є Троя веѣь страдала была.“
250 Онъ немысли дымъ изъ ватре дати,
Веѣь изъ дыма свѣтлость произвести,
Да извия чуда невиѣена :
Антифата ²⁹⁾, Скиллу ³⁰⁾ и Циклопа ³¹⁾,
И са ньима іоште и Харибду ³²⁾.

- 255 Нит' повратакъ поче Диомедовъ ³³⁾
Одъ пропасти оногъ Мелеагра ³⁴⁾;
Нит' подиже боя Троянскога
Одъ два близна, два яйца Ледина ³⁵⁾.
Свагда тежи онъ краю управо,
- 260 Съ собомъ вуче свога слушателя,
И води га крозъ средину стварій,
Да му с' чини све ясно познато,
Што пакъ види да немож' блистати,
То оставля, исподъ руке баца;
- 265 Тако вара, лажь съ истиномъ мѣша,
Да почетакъ сличанъ буде съ средомъ,
А свршетакъ да се веже среде.
Шта я желимъ, и са многомъ шта народъ,
Послушай ме, садъ ъу ти казати.
- 270 Ако желишь да плѣскача имашь,
Кои чека, докъ с' дигне завѣса,
Дотле сѣди, докъ пѣваць невикне,
Докъ невикне : „Вы плѣскайте саде!“
Свакій узрастъ морашь оддѣлити,
- 275 И нарави добро разабрати;
Умилятость дай нѣжной природи,
Умилятость младымъ годиницам';
Када дѣте веѣ зна говорити,
И сигурно по земљи ступати,
- 280 Оно с' игра са свои вршняцы,
Смѣста с' свади, а смѣста помири,
Свакогъ часа у себи се мѣня.
А шта чини момче голобрадо,

- Кадъ изиђе веће исподъ прута?
285 Псе и конѣ око себе купи,
И мота се по полю и трави;
Као восакъ, на зло се савия,
Учителя надъ собомъ нетрпи,
Слабо с' стара за полезне ствари,
290 Немилице онъ разсипа новце;
Свагда жели, и навыше тежи,
А што люби, наскоро презире.
Кадъ настане духъ и узрастъ мужа,
Сва се мѣня и воля и наравъ :
295 Садъ се стара, да богатства стече,
Да добые многе приятелѣ,
Тражи чести, и за ньоме гине,
Нит' што чини, да после промѣни.
А на старцу многе су неволѣ :
300 Часъ онъ тражи, и налази ствари,
Али яданъ несмѣ ии дирати,
И бои се одъ njih уживати;
А часъ ради хладно и страшиво.
Све одлаже, и дуго се нада,
305 Немоћанъ е, за напредкомъ чезне,
Неволянъ е, и свакомъ се тужи;
Хвали време своєга дѣтиньства,
Дѣцу младу строго ќе казнити.
Єдна до'ђу, друга про'ђу лѣта,
310 Многа добра съ оныма долазе,
А съ овима многа изостаю.
Недай момку ты старчева свойства,

Нит' дѣтету, што приличе мужу;
Да будемо мы свагда у правомь
315 И у вѣку, и свакой прилици.
Стварь или се у сценам' представля,
Ил' с' казуе, како што е была.
Што се пушта на уши у срдце,
Неможе се тако осѣхати,
320 Као оно, шго с' очима гледи,
Кое зритель самъ у себе меће.
Што е чинит' изнутра достойно,
Ние све то и за сцену згодно:
Садъ што љу ти лѣпо назначити,
325 Изъ очию треба да уклонишь.
Нека народъ негледи Медеу,
Гдѣ убия свою дѣцу малу,
Нит' безбожный да кува Атреусъ³⁶⁾
Предъ свимь свѣтомь човечия црева;
330 Па некъ ти се Прокна³⁷⁾ непретвара
Непретвара у птицу пернату,
Нити Кадмусъ³⁸⁾ у змию отровну.
Еръ ако ми тако што представишь,
Нит' вѣруемь, нит' могу гледати.
335 Игра твоя некъ е одъ петъ дѣйства',
Нити маня, нити да е веѣа,
Ако хоѣешь, да се радо гледи,
Да се тражи и држи у цѣни.
Бога немой у игру мѣшати,
340 Ванъ ако е стварь толико важна,
Да е вредно, да Богъ е размрси:

Па некъ четир' неговоре лица,
Хоръ нека ти играчу помаже,
Некъ помаже, дужность мужа брани;
345 Да непѣва кадъ измеѣу дѣйства,
Што неводи намышлѣномъ концу,
Нит' се съ нѣиме како валя слаже :
Хоръ некъ добре приятелѣ брани,
Некъ ии брани, и совѣтъ имъ дае,
350 У ярости нека ии управля,
И милуе, кадъ се грѣшит' страше;
Некъ трапезу хвали поставлѣну,
Гдѣ у елу не'ма излишности;
Спасительну нека слави правду,
355 И законе, и тишину мира,
Кадъ су врата она отворена;
Нека тайне чува, и покрыва;
Бога моли, да се среѣа врати,
Да помогне бѣдномъ у невољи,
360 А остави горда и поносна.
Отпре ние, кано што е саде,
Тучемъ была свирала увійта,
Да се може и съ тубомъ носити,
Веѣъ е проста и танана была,
365 Нит' е много ямица' имала,
Ал' е добра за хорове была,
Гласомъ своимъ све е напунила;
Ерѣ сѣдишта нису честа была,
Нити врева одъ силногъ народа,
370 Веѣъ си лако мог'о изброити,

Кои су се ондѣ сакупляли,
Све склонито и учтиво бѣше:
Ал' како се силомъ мача бойна
Распростират' нѣвѣ започеше,
375 И бедени око' нашегъ града
Надалѣ се сташе размицати,
Па слободно и даню у светацъ
Веселити онымъ руйнымъ виномъ,
На мах поче и веѣа слобода
380 У свираю, па и у пѣваню.
Свакій простакъ, кадъ свой пос'о сврши,
И селяци скупа са граѣаны,
И безчестни са поштеным' людма,
Кои саде амо поврвише,
385 Шта су кадри судити о ствари?
Те тако намъ свирацъ се распусти,
И са старомъ лѣпомъ майсториомъ
Онъ састави брзину и раскошъ,
Неутеже, нит' паше хальине,
390 Веѣъ се вуче за нѣимъ по степени'.
И узъ гусле за важность скроене,
Почеше се нагло извияти
Подвикала, нечувене пѣсме;
Ума разборъ, што за ползомъ тежи,
395 Шта ће бити, у напредакъ, знаде.
Онъ постаде садъ Делѣскоме³⁹⁾ раванъ,
Што нагаѣа судбу изъ белеге.
Кои преѣе трагійскимъ е гласомъ
За прчава надпѣв'о се ярца,

- 400 Мало за тимъ поче уводити
И Сатире оне польске наге,
Да уплете шалу у истину,
Зашто валя примаит' гледача,
И приятномъ веселит' новостю,
405 Када сврши онъ молитву свою,
Па када се опиє, и пусти.
Ал' Сатире ⁴⁰⁾ смѣшне, говорљиве
Тако валя умилит' народу,
Тако шалу мѣшат' у истину,
410 Да неузме Бога, ни юнака,
Мало пређе кога смо гледали,
Као цара у скерлетъ хальни,
На комъ трепѣа само суво злато,
Да неводи у тамне хаяте,
415 Да простачкимъ говори ѣзкомъ;
Некъ нелети у облакъ за сѣнкомъ,
Када жели одъ землѣ се дићи.
Трагедия нетрпи стихове,
Одвѣѣхъ просте, и нѣ недостойне;
420 Ка'но госпа некъ буде у светацъ,
Када мора играт' међ' Сатире,
Ови с' пугте, она с' мало стыди.
Я ако бы кадъ Сатире пис'о,
О Пизони! небы' само рѣчи
425 Свакидашнѣ, и неукрашене
За тай пос'о радо изтражив'о;
Нит' бы тако я се разликов'о
Одъ Трагика и нѣгове бое,

Да не даемъ свакомъ своя свойства,
430 Добро знатѣу, говори ли Давусъ ⁴¹⁾,
Ил' слободна извня Пития ⁴²⁾,
Када она превари Симона,
И одъ нѣга еданъ талантъ спреми;
Ил' су рѣчи Силена ⁴³⁾ чувара,
435 А и слуге Бога заступника.
Я ѣу извест' изъ пѣсме познате
Сасвимъ нову нигда нечувену,
Да с' поузда свакій тако сложит';
Ал' кадь узме то исто радити,
440 Онъ се знои дуго, а залуду :
Редъ и свеза ту толико чини,
Толико се чести ономъ дае,
Што се узме изъ познатыхъ стварій.
Ако станемъ я Фауне судит',
445 Некъ се добро они на умъ узму,
Да недоѣу изъ шума' зеленыхъ,
К'о да су се у граду учили,
У послови' граѣански' одрастли;
Нити да се съ пренѣжны стиховы,
450 К'о младиѣи икада покажу;
Па нека се недеру и крече
Са нечистым' срамотныма рѣчма :
Ерѣ неможе то свакій сносити,
Кои има и отца и блага,
455 И іоштъ къ томе доста лѣпыхъ коня',
Нит' онъ съ вольомъ хоѣе да саслуша,
А іоштъ манѣ вѣнцемъ да увѣнча,

Нити мари, што с' онимъ допада,
Што продаю биберъ и орахе.
460 Са дугачкимъ сложи слога кратка,
Па ђешъ имат' Ямба, стопу брзу;
Одъ овогъ е име постануло,
Постануло за тримърне Ямбе,
Кадъ шесть пута' онай се положи,
465 Па све еднак', еданъ као другій:
Не'ма много одъ оногъ времена,
Кадъ е овай радо, и съ корыстю
Уз'о сталне Спондее подь свое,
Да с' у уши за дуже улива,
470 Мало више добые важности:
Али тако да буде заедно,
На другоме ил' четвртомъ мѣсту:
А рѣдакъ е овай у славныма
Тримъркама Акка и Енния.
475 Безъ тогъ они велике важности
Уведоше у сцену стихове;
То е ружна на нѣима погрѣшка,
Ил' изъ хитиѣ у послу велике,
Ил' што нису доста труда дали,
480 Или нису у томъ вѣшти были.
Не'ма свакій оне способности,
Да онъ суди, звоне л' пѣсме лѣпо;
У томе се римскимъ поетама
Доста прашта, што небы требало.
485 Заръ да зато прелазимъ предѣле,
И да пишемъ безъ свакогъ правила

Што самъ твердо я увѣренъ о томъ,
Да ће видит' сви мое погрѣшке,
Али имамъ и добру надежду,
490 Да ће они мени опростити,
И да ће ме оставит' на миру;
Та лягу самъ са тымъ избѣгнуо,
Ал' похвале нисамъ заслужио.
Вы примѣрна грчка дѣла траж'те,
495 Премеѣте и даню и ноѣю.
Али наши стари Плаутову
Хвалили су слику и шальвистость;
И едномъ се и другомъ дивили,
Но у томъ су одвеѣь благи были,
500 Да нерекнемъ да су будаласти;
Еръ садъ добро, и я, и вы, знамо,
Оддѣлти лѣпо одъ ружнога,
И правилный гласакъ познаемо,
И на прсте и на уши наше.
505 Кажу нама нѣкога Тесписа ⁴⁴⁾,
Да е наш'о првый Трагедию,
И носио пѣсме на колици',
Што пѣваше, играше простаці,
Коим' бѣху уста упряна.
510 Послѣ овогъ Ешилусъ ⁴⁵⁾ измысли
И персону и честну хальину,
И подиже онъ мале степене,
И научи саде Трагедию,
Да се диже, и снажно говори.
515 За овима дошла Комедия

Са великомъ похваломъ, и плѣскомъ;
Ал' слобода на зло е навуче,
Оте образъ, како што нетреба,
Да е послѣ закономъ стегнуше:
520 А када е подъ законъ вргоше,
Да неможе никога вреѣати,
Хоръ уѣута, и срамно очисти.
Та ништ' ние на миру остало,
Све су наши пѣвци покушали:
525 Нит' су малу славу задобыли,
Кои су се први усудили,
Оставити све грчке примѣре,
И славити дѣла отечества;
Была она благородна свѣта,
530 Ил' изъ простыхъ примѣра' узета.
Како што е Латинъ у юначеству,
И у свѣтломъ оружию силанъ,
Исто тако быо б' у ѣзыку,
Да намъ свакомъ недосади с' пѣвцу,
535 Дуго пильит', надъ посломъ чаяти.
О вы, крви оногъ Помпилия,
Забавите свакой оной пѣсми,
Коя ние задуго раѣена,
И брисана, на дотеривана,
540 И по десетъ пута' поправляна.
Нашъ Демокритъ ⁴⁶⁾ тврдо е увѣренъ,
Даръ наравный да намъ е среѣний,
Него бѣдно што е художество,
Да поете нису за Хеликонъ ⁴⁷⁾,

- 545 Кои с' држе наравнога пута;
Зато пѣвци несѣку ноката',
Нити кадгодъ власи браде брию,
Усамлѣна навѣкъ мѣста траже,
И клоне се и одъ купатила'.
550 Честь ће добыт' и име поете,
Ако неда ядну свою главу,
Да уреди Лицине ⁴⁸⁾ бриячу,
Кою небы могли улудити,
Улудити ни три Антикира ⁴⁹⁾.
555 Мене луде, у што се упуштамь!
У пролѣће одъ жучи се чистимь!
Нико болѣ заръ непѣва, нег' я;
Ал' зато ми ние башъ ни бриге.
Я ћу быти наликъ на тоцило,
560 Кое само сѣѣи ние кадро,
Ал' наоштри гвожђе за сѣченѣ :
Самъ ако я ништа и непишемь,
Я ћу казат' звание и дужность;
И одкуд' се може богатити;
565 Шта ли пита, и чини поету;
Што е за нѣг' пристойно, што ние;
Куда ће га правилность одвести,
И како ли погрѣшка завести :
Мудрость есте почетакъ и изворъ
570 За писанѣ добро и правилно :
Стварь узетѣшъ изъ Сократскихъ дѣла',
Па када е ты прокувашъ добро,
Рѣчи ће се и саме стицати.

- Кои знаде дужность къ своме отцу,
575 И шта валя драгомъ приятелю,
Како любит' свога родителя,
Како брата, како ли страннога,
Каква дужность едногъ совѣтника,
И шта стои судии чинити,
580 Шта л' войводи на бой оправлѣномъ;
Онай хоће заиста умѣти,
Свакомъ лицу слична свойства дати.
Юштъ бы каз'о вѣштомъ послѣднику,
Да с' обзире на животъ и наравь,
585 Одтуд' праве да извлачи черте.
Стварь коя е различита лица,
И нарави лѣпе напунѣна,
Написана безъ свака накита,
Безъ важности и безъ майсторие,
590 Често веѣма народу се мили,
И дуже се опъ ньоме забавля,
Него пѣсме извиена гласа,
А безъ ствари, пуне лакрдие.
Грае ⁵⁰⁾ намъ е Муза обдарила,
595 Обдарила рѣдкимъ ума даромъ,
И юштъ къ томе округломъ бесѣдомъ,
Кои само за похваломъ жедне.
Дѣца римска уче рачунити,
Ассъ како ће на сто части дѣлит'. —
600 Запытаю сына Албинова ⁵¹⁾ :
Кадъ унцию узмешъ одъ квинкунца,
Шта ти послѣ одъ тога остае?

Триенсъ оста, овай одговара.
Таманъ добро! Онай нѣму вели;
605 Ты ѣшь моѣи сачуват' иманѣ.
Шта ѣе быти, кадъ додашь унцію?
Семисъ ѣе ми онда постанути. —
Можемо л' се икада надати,
Да ѣе овай пѣсме извияти,
610 Кое треба кедромъ помазати,
И чувати у лакомъ купрессу,
Кадъ на душу таква хрѣа падне,
Да е брига све за новцы еде?
Ил' поете хоѣе да ползую,
615 Или да насъ сладко развеселе,
Ил' обое скупа да мѣшаю,
Да у корысть уплету приятность.
Кадъ наставляшь, свагда да си кратакъ;
Да ти рѣчи учна срѣца прійме,
620 И да вѣрно у себи задрже:
Ерѣ што годъ е у томе излишно,
Изъ препуных прелива се грудій.
За веселость ако што измыслишь,
Нека буде наликъ на истину.
625 Нити ишти, да се све вѣруе,
Што годъ узхтѣшь у игру увести,
Нит' да дѣте вуку изъ утробе,
Изъ утробе сасвимъ живо дѣте,
Коено е Ламия ⁵²⁾ прождрла.
630 Стари люди дѣла одбацаю,
Гдѣ годъ не'ма ползе и корысти,

А напротивъ Рамни ⁵³⁾ повысоки
Пъеме неће слушати невкусне :
Кой е мѣш'о ползу са сладостю,
635 Веселећи свога читателя,
Веселећи, и скупа учећи,
Сви су гласно ономъ поплѣскали.
Таква кнѣига есте за Сосие, ⁵⁴⁾
Кои съ нъоме силне повце стеку;
640 Таква пре'ђе преко мора синѣгъ,
И доноси своме створителю
Дуговѣчностъ са славнымъ именемъ.
Опетъ има и ту погрѣшака',
Кое треба крозъ прсте гледати :
645 Та ни жица неоддае гласа,
Кога иште рука, а и душа,
Често высокъ мѣсто низкогъ дае;
Нит' ѣшь свагда оно погодити,
Са чиме си нишанъ саставио.
650 Али гдѣ се часть повеѣа сия,
Я се нећу у ономе дѣлу
На гдѣкое тамне пруге лютит',
Небрежливость кое е просула,
Ил' природна слабость човечия
655 Одъ чег' ние сачувати могла.
Шта остае дакле ми чинити?
Кадъ списатель невлада се болѣ,
Нег' преписчикъ, комъ се пребацуе,
А онъ опеть у истомъ погрѣши,
660 Таковоме ништа неопраштамъ ;

- И свирачу смѣю се изъ гласа,
Што еднако едномъ жицомъ гуди,
Тако и я чудимъ се и смѣемъ,
Кадъ списатель еднако запишѣ,
665 Текъ што двапут' ил' трипут' погоди,
Тога држимъ као и Херила, ⁵⁵⁾
А лютимъ се, кадъ и Хомеръ дрема.
Ал' у дугомъ ние чудо дѣлу,
Да и санакъ кадгодъ насъ савлада.
670 К'о живопись некъ е пѣснотворство.
Гдѣшто некъ се допадне изблизу,
Некъ издае гдѣшто издалека.
Ово иште доста тамне сѣнке,
Друго с' може гледат' у свѣтлости,
675 Што слободно смѣ предстати судцу,
И нѣговомъ оштрое погледу:
Едно ће се допасти еданпут',
А друго ће и по десетъ пута'.
Найстариј међу браћомъ твоіомъ!
680 Ако тебе твой отацъ и учи,
И савѣтомъ на путъ правый води,
И ако си и одъ себе мударъ,
Опетъ добро ове рѣчи памти:
У нѣкима другима стварима
685 Може когодъ и средованъ быти,
Па е добаръ и сноси се радо:
На науку права' ко се дае,
И ко туђе расплеће парнице,
У свомъ послу мож' и среданъ быти,

690 Нит' способность Мессале ⁵⁶⁾ имати,
Нити знати, кол'ко Касцеллиусъ,
Па ќе опеть онъ цѣну имати;
Ал' поете да средовни буду,
Недопушта ни Богъ нити люди,
695 Нит' ии сами подносе стубови.
Несносно е на приятной части,
Кадъ слушамо слику разбиену,
И кадъ густу гледамо машѣуру,
И юштъ биберъ съ сардскимъ медомъ смѣшанъ;
700 Ёръ се могло безъ тогъ вечерати:
Тако намъ е исто са пѣсмама,
Коено су зато изнаѣене,
Да веселе и подижу срдце,
Кадъ найвышій недокуче вршакъ,
705 Оне с' клоне ко найдубльой низи.
Ко годъ незна оружѣмъ владати,
Онъ у полю тога се нелаѣа,
И ко незна лопте се играти,
Нит' котура ни обруча вити,
710 Сѣди съ миромъ, пролази се тога,
Да немора гледати очима,
Гдѣ се сильный народъ нѣму смѣе.
А стихове свакій смѣ правити,
Башъ ко ништа о томе и незна!
715 А зашт' небы, веле, и правило?
Та онъ е се родио слободанъ,
Добра рода, а изъ добре куѣе,
Има блага кол'ко благородникъ,

- Нит' на себи има какве ляге. —
720 Ты непѣвай ништа, нити чини,
Безъ великогъ дара Минервиногъ;
Знамъ да мыслишь, и садъ тако судишь:
Али опеть ако кадъ успишешь,
Нека о томъ Метиеве ⁵⁷⁾ уши,
725 Нек' отчине, и нек' мое суде,
Нека суде, и нек' претресаю,
Нек' листови леже затворени,
Затворени деветъ годиница',
Па нека се послѣ на свѣтъ даю.
730 Што е іоште у свѣтъ непущено,
Оно с' може опеть избрисати;
Испущене невраћаю с' рѣчи.
Светый Орфей ⁵⁸⁾ и угодникъ Божій,
Онъ изъ шума' дивъ люде скупи,
735 Одъ убійства и гада одврати;
Зато кажу, да е укротио
И рысове, и бѣсне лавове;
Іошть казую и за Амфиона, ⁵⁹⁾
Што е Тебу саградио града,
740 Да е сладкимъ свое лире гласомъ
Синій каменъ за собомъ водио.
У стара е то времена было,
Кадъ се мудрость искала велика,
Да се сталне поставе краине
745 Измеѣь обштых и приватных дѣла',
Измеѣь свѣтских и духовных стварій,
И бракъ да се меѣь люде уведе,

Да се права мужевима даду,
Да се дижу села и градови,
750 И закони на таблице пишу :
Те тако се пѣсме прославише,
Божји пѣвци честь, име добыше.
Послѣ славный Хомеръ, Диркей ⁶⁰⁾ дође,
Што юначка срдца поштрише,
755 И пѣснама на бой нагонише ;
У пѣснама судба с' прорицала ;
Како валя живит', учило се.
Милымъ гласомъ Пиерских ⁶¹⁾ сестара.
Молили су милость одъ кралѣва :
760 Игре су се послѣ народиле,
И послове дуге завршиле :
На срамоту нигда да ти ние
Муза съ лиромъ, нит' Аполло съ гласомъ.
Садъ се пита, каква і' она тайна,
765 Коя чини, да е пѣсна славна,
Ел' природа, ил' е художество ?
Я овако у овоме судимъ :
Трудъ великій ние ништа кадаръ,
Ако не'ма одъ природе дара,
770 Нит' е кадра оштроумна глава,
Ако ние трудомъ учинѣна :
Обоє се треба да помаже,
И дружевно међу собомъ слаже.
Кои с' труди тркомъ достигнути,
775 Достигнути пожелѣну мету,
Као дѣте много е радио,

Подносио, зноио с' и зеб'о,
Безь Венере живио и вина;
Кои свираць радъ е да заслужи,
780 И добые награду Питійску⁶²),
Пре е много томе се учио,
И іоштъ презао одъ свогъ учителя.
Ние доста само говорити :
„Я ти, брате, дивне пѣсме спѣвамъ;
785 Ко последний, на оное ляга!
Срамота е, да се я оканемъ,
И да признамъ, да я оно незнамъ,
Што никада ни учио нисамъ.“
Овай ми се поета допада,
790 Башъ к'о викачъ, што сазивлѣ народъ,
Да поврви, и робе купуе;
Тако и онъ зове приятелъ,
Да похите, и штогодъ добыю;
Еръ у нѣга простране су нѣиве,
795 Силни новци нѣму корысть носе.
Іоштъ ако е овай у томъ станю,
Да онъ гладне може на часть звати,
Да с' уемчи кесомъ за дужниѣа,
Заплетена да при томъ избавля,
800 Да избавля изъ парница' црныхъ,
Кое чудо, ако среѣе не'ма,
Да распозна лажу одъ прияна.
Ты ако комъ штогодъ кадь поклонишь,
Ил' намыслишь даръ му учинити,
805 Незови га іоштъ пуна радости,

Да онъ суди о твои' стихови':
Подвикнутѣ : „Лѣпо! Добро! Право!“
Па ѣе за тымъ блѣдность га напасти,
Капатѣ му роса изъ очию;
810 Подскочитѣ, ногомъ землю битѣ.
Они, што се на погребу найме,
Веѣма плачу, вичу, запѣваю,
Него они, кое сердце боли;
Тако исто кои што изсмѣва,
815 Веѣма хвали, негъ правый хвалитель.
Тако, кажу, да кралѣви чине :
Када хоѣе кога да искусе,
Ел' достоянъ нѣина приятельства,
Многим' чашам' на нѣга навале,
820 Намуче га опымъ руйнымъ виномъ :
Кадъ сачинишь ты твое стихове,
Недай ми се преварит' одъ духа,
Коино се у лисицу крѣе.
Кадъ бы штогодъ чит'о Квинтилию⁶³⁾,
825 То поправи, брате, рекао бы;
Кадъ бы каз'о, да неумѣшь болѣ,
А онъ бы те опеть нагонои,
Да оглешь и два и три пута';
А кадъ бы се залуду мучио,
830 Онъ бы онда каз'о, да побришешь,
Да стихове ты зло изведене
Юшть єданпут' на накованъ метнешь.
А кадъ бы ты волѣо бранити,
Нег' погрѣшку свою поправити,

- 835 Онъ бы онда труда поштедио,
Нит' бы залуд' рѣчи просипао,
Да бы тако ты безъ противника
Себе любіо и послове свое.
Добаръ човекъ, и при томъ разуманъ
- 840 Забавитѣ стиховыма мртвымъ,
Ману х' наѣи крутымъ и несвиткимъ,
Нечешляне хоѣе прекрстити,
И наките излишне скинути,
А тавныма додати ясности,
- 845 Измѣнитѣ, што двояко гласи,
Назначитѣ, што промѣнит' треба;
Едномъ рѣчи, Аристарх⁶⁴) хе быти;
Нехе реѣи, зашт' да я увредимъ
Приятеля збогъ овых ситница'?
- 850 Ал' ове хе за собомъ ситнице
Превелику довуѣи истину,
Кадъ га едномъ зло приѣме, иземѣю.
Свакъ паметанъ бои с' и укланя,
Да недирне занета поесту,
- 855 К'о и оногъ, кои шугу има,
Ил' жутицу болестъ, или блудню,
Кога мучи лютость Дианина;
Само дѣца нѣга луда драже,
Несмотрено за нѣиме се воде.
- 860 Овай кадъ се у высину дигне,
И стихове стане избацати,
Спотиче се, као птицоловацъ,
Кои упре у косове очи,

Па у бунаръ ил' яму упадне,
865 И онъ виче дуго и предуго :
О грађани! помагайте браћо.
Ал' се они чине и невѣшти,
Нити хите, да га ослободе.
Ал' башъ кадъ бы ко у помоѣ дош'о,
870 И спустио уже у дубину,
Тко зна, хоће л' онъ се ухватити,
Ерѣ можда се съ вольомъ увалио.
Чуй ме само, садъ ѣу ти казати,
Како умре Сикулскій поета :
875 Желио е быо Емпедоклесъ ⁶⁵⁾,
Да га држе за Бога безсмртногъ,
Зато е онъ садъ емыслио хладно,
И скочио у Етну огнѣну.
На часть право тако поетама,
880 Нека тако слободно пропадну :
Кои другогъ противъ волѣ спасе,
Све едно е канда га убия ;
Ние нѣму то саде првина,
Нити ѣе се икад' учовѣчат',
885 И смртъ славу избацит' изъ главе,
Ако саде ты нѣга одвратишь.
А и незнамъ, зашт' стихове прави ?
Онъ се мор'о кадгодъ помокрити,
Помокрити на останке отца,
890 Ил' жалостный биденталь ⁶⁶⁾ осквернит' ;
Ерѣ онъ бѣсни, као истый медведъ,
Коино е шишке препречене

У тамници силомъ развалио,
Тако овай лютитъ и помаманъ,
895 Растеруе просте и учене :
А кога се опеть онъ дочепа,
Тога држи и мори читанъмъ,
Упие се као пиявица,
Пре која се съ коже неодпушта,
900 Докъ се пуна ненапуни крви.

Г.

ПРИМЪТЪЕ.

- 1) Пизони были су благороднога племена, одъ породице Калпурниеве, коя е постала одъ Калпа, сына Нуме Помпилия, краля Римскога. Луцій Калпурній Пизо было е године 739. Р. са Друзом Либономъ консулъ, и, по свѣдочби нѣких, поета и надзиратель слободных наука'. Другій Пизо было е год. 731. Р. са Августомъ консулъ; служио е у войничкомъ чину заедно са Хорациемъ, и имао е два сына, Кнея и Луция. Тако излази, да е Хораций кнѣигу ову о пѣснотворству на ове управио; зашто о сыновима Луция Калпурния Пизона нитко ништа неспомынѣ.
- 2) Диану држали су Римляни за Богиню лова, и зато су іой у светим' луговива жертвенике подизали. Тако е славный такавъ жертвеникъ было у Лациуму у лугу Арицинскомъ, гдѣ су се бѣли елени на жертву приносили; свештеникъ нѣговъ звао се краљ лугова. Другій е было у Херсонесу Таурійскомъ, гдѣ су се странни на жертву приносили. Овамо е Орестъ ишао, да се покае одъ грѣхова.
- 3) Емилиева игра е управо борба — Fechtkunst — коя е добыла име одъ Емилия Лепида.
- 4) Цетези были су стари Римски писатели. М. Корн. Цетегъ было е у време другога Пунскаго рата консулъ, дакле до 200 година пре Хорация. Онъ е у Риму првый было, кои се витійствомъ прославио. Кодъ Цетега' е дуго обычай было, поясомъ се преко Тогѣ опасивати.
- 5) Цецилій было е родомъ Инсуберъ изъ Медиолана; живио е год. 590. Р. као писатель комедия'.
- 6) Плаутъ живио е у време другога рата Пунскаго, и писао е комедие.
- 7) Виргилій и Варій. Да е Виргилій у време Августа живио, и да е найславни поета Римскій у пастирскомъ, поучитель-

номъ, и юначкомъ пѣснотворству, то е познато. Луцій Варій быо е такођеръ славанъ поэта, и живио е у исто време са Виргилиемъ и Хорациемъ. Нѣму е Виргилій на смрти предао Енеиду, да е спали, као дѣло неизрађено, и несавршено; али Августъ недопусти то чинити, но заповѣди Варию, кога е одвећъ любиио, да недостатке у Енеиди поправи; кое е овай и учинио.

8) Порцій Като старии писао е повѣсти, и што е за животъ потребно, па е у томе многе нове рѣчи ковати морао.

9) Енній, најстари Римскій poeta, но грчке крви; родио се у Рудию селу у Калабрии године 514. Р. У нѣгово време быо е Латинскій езыкъ јоштъ неучинѣнъ; и онъ е првйи, кои га е по грчкомъ крою къ правилности доводио. Онъ е, Хомеру подражавајући, пѣсму юначку о славнымъ дѣлима Сципиона Африканскогъ, свога најболѣгъ пријателя спѣвао, и јоштъ къ томе повѣстницу Римскога народа у хексаметрима саставио. Римляни су нѣга за другогъ Хомера држали. Ево шта Хорацій о нѣму пише у кнѣ. II. писму 1.

Енній мударъ, и силанъ е, Хомеръ и другйи е кодъ насъ,
Као што Критици кажу.

Римляни су, као што и данасъ кодъ свию народа или изъ незнаня, или изъ превелике любви къ своме роду, обычно бива, свое поете са грчкими славнымъ споређали, и нѣовымъ именовъ красили: тако е Енній быо другйи Хомеръ, Пакувий другйи Еврипидъ, Акцій другйи Софоклесъ, Африканъ другйи Менандеръ, Плаутъ другйи Епихармусъ, и. т. д. — Тако Нѣмци држе Клопштока за другогъ Хомера, Рамлера за другогъ Хорація, Геспера за другогъ Теокрита и. т. д. А Србљи — — — ?

10) Нептунъ, т. е. море.

11) Грамматици у оно време были су сви књижевници; тако Квинтилианъ употреблюе часъ рѣчь „Grammatica, а часъ „Literatura,“ књижество.

12) Архилохъ быо е poeta Грчкйи; родио се у острову Пару, у оно време, кадъ е Нума Помпильи у Риму владао. Одъ нѣговыхъ дѣла' мало се до нашихъ временахъ сачувало.

13) Succi, Cothurni. Соккусъ была е обућа, коя се у комедии обувала, а котурни обућа, коя се у Трагедии носила.

- 14) Муза т. е. Богиня, која е научила люде пѣвати, по мнѣ-
нію старыхъ.
- 15) Тиестесъ быо е сынъ Пелоповъ. Подъ овимъ именовъ пи-
сао е Еврипидъ дѣлаце едно; и одъ Сенеке имамо Трагедию
едну подъ именовъ Тиестесъ.
- 16) Хремесъ. Теренцій уводи подъ овимъ именовъ едно лице
у Евтонтиморумени.
- 17) Телефъ быо е сынъ Херкуловъ, краль Мизие. Кадъ су се
Грци на Трою подигли, овай имъ на супротъ стане, но
Ахиллесъ га рани, па послъ изъ кралѣвства изгнанъ буде;
но на молбу нѣгову опросте му Грци, и опеть кралѣвство
врате; послъ ње, на совѣтъ пророчества, копѣмъ Ахилло-
вымъ, или хрѣомъ одъ копя, излѣчити се.
- 18) Пелей быо е отаць Ахилловъ, кога е Бакъ, отаць нѣговъ,
будући да е Фота, Баматова сына убио, изъ отечества
у Егину у Тессалию изгнао. Софоклесъ и Еврипидъ ова два
страдалца, Телефа и Пелея, у своима Трагедияма наводе.
- 19) Колхъ. — Колхида, быо е предѣлъ у Азиі између Евксина
и Кавказа на рѣци Фази. Колхи су были варвари, зликовци
и отровници.
- 20) Ассирия лежала е такођеръ у Азиі на югу; и Ассириани
су были люди мекане нарави, и сладострастию подложни.
- 21) Теба. Ово су име многи градови у разныма предѣлима
имали. Овдѣ се разумѣва она Теба, кою е подигао Кад-
мусъ у Беоцији, и која е была отечество Вакха, Херкула и
Пиндара. Тебанци были су сурови, неупитомлѣни, и неизо-
бражени.
- 22) Аргосъ быо е градъ у Пелопонесу; нѣгдашня столица краля
Агамемнона. Аргивци су были изображени и славолубиви.
- 23) Ахиллесъ быо е Пелеевъ и Тетидинъ сынъ, највећій
юнакъ између Грка' у рату Троянскомъ.
- 24) Медеа была е кћи Еете, Колхскога краля, и жена Ясонова.
Овай ню пусти, а узме Креусу кћеръ Креонтову за жену.
На то се Медеа тако разярила, и жельомъ освете горѣла,
да е на Ясонове очи сынове свое убила, и Креусу заедно
са отцемъ нѣнымъ пожаромъ спалила. Изъ овога случая
многи су списатели саставляли Трагедие. Тако имамо
подъ именовъ „Медеа“ Трагедию одъ Еврипида, одъ Се-

неке; и кодъ Нѣмаца е Клиндеръ двѣ Трагедіе подѣ овимъ именовъ саставио. —

- 25) Ино е была кћи Кадмова, а жена Атамантова. Мужъ е нѣнъ до те ярости дошао, да е ню убити хтѣо, и зато, кадъ е она са сыномъ Мелицертомъ збогъ тога побѣгла, вияо е ню до мора. Онда Ино, немогавши се спасти, скочи заедно са сыномъ у море: и послѣ постане Богиня мора подѣ уменомъ Левкотеа, а сынъ се нѣнъ назове Палемонъ.
- 26) Иксионъ быо е краль Лапитскій у Тессали. Пишу, да е овай свога таста съ преваромъ убио зато, да му остане женинъ миразъ, кои бы иначе платити морао. Кадъ га е Юпитеръ на часть Богова дозвоа, онъ е Юнони о срамоти мыслио, и зато га Юпитеръ баци у адъ, даде га привезати за коло, кое се еднако окретало, и пусти на нѣга змие, да га стежу. Тако поете приповѣдаю, или измышляваю. Нѣга држе такоѣеръ за отца Центавра, съ коима су Лапити рать водили.
- 27) Ио была е кћи Инаха, првога краля Аргивскога. Ню е Юпитеръ любіо, и будући да га Юнона еданпутъ затече, зато овай свою любезну претвори у краву, да супруга нѣгова, познавши е, небы ярость свою на ню излила. Но опеть ню Юнона осуди, да се по свѣту скита и потуца; и тако скитаюћи се, найпослѣ доѣе у Египетъ, гдѣ су е као Богиню поштовали.
- 28) Орестъ быо е сынъ краля Агамемнона и Клитемнестре. Овай удіе матеръ свою зато, што е она Агамемнона и Егиста прелюбодѣйца смрти предала; и зато су га Фурије мучиле. Овога е Ешилусъ представио заедно са Фуријама, а Еврипидъ послѣ изостави Фурије, и Ореста съ таковымъ разтрзаннымъ и мученымъ срдцемъ и душомъ представи, да е свакога зрителя мысао таки на Фурије повести морала. Еврипиду подражаваюћи представио е и славный Гете Ореста у своіой Ифигеніи дивно.
- 29) Антифатесъ, краль Лестригонскій, кои е обычно люде прождирао, и самъ Улисесъ е одъ нѣга едва утекао.
- 30) Скилле су двѣ быле кодъ поэта: една кћи краля Мегаренскогъ, о коіой Овидій пише у VIII. Метаморф. а друга е кћи Форка, коіой е Цирца, отровавши изворъ, коимъ се

- она прала, претворила дольний трупъ у псеѣиѣ главе са отворенымъ челюстима. Ово є морскій страховитый вртлогъ између Италиѣ и Сицилиѣ.
- 31) Харивда было є чудовиште, или страшный вртлогъ у мору Сикулскомъ спрођу Скилле.
- 32) Циклопъ. По старой Митологiи были су Циклопи сынови Целума, кое є земля породила, па отаць у адъ сбацио. Кадь є Целумъ съ престола сбаченъ, онда Титани брађу Циклопе натрагъ позову, и владанъ предаду Сатурну, кои ныи опеть везане у тартаръ оправи. Кадь є Юпитеръ одрастао, и са Сатурномъ и Титанима заратио се, ослободи их, и съ нима се сдружи. Ови даду Юпитеру мунъ и громове, Плутону галеу, а Нептуну трезубаць, те тако они Титане надвладаю, и у тартаръ затворе, па поставе сторуке стражаре, а царованъ подъле коцкама измеђ' себе : Юпитеръ добые небо, Нептунъ море, а Плуту тартаръ.
- 33) Мелеагеръ быо є уякъ Диомедовъ, а сынъ Оенеовъ и Алтеинъ, аргоната'. Нъга є мати убила.
- 34) Диомедесъ быо є сынъ Тидеевъ; нъга су Омиръ и Виргилій прославили.
- 35) Близна яя. Леда, Тиндара краля Лаконскога супруга, зачне одъ Юпитера, кои се у лабуда претворио быо, и роди (или снесе) два яета : па изъ єднога изиђе Касторъ и Клитемнестра, а изъ другога Поллуксъ и Елена. Тако Митология каже. Ову Елену отме Парисъ, и тако она буде узрокъ Троянскога рата.
- 36) Атрей быо є краљ Миценскій, отаць Агамемноновъ и Менелавъ, сынъ Пелоповъ и Ипподаминъ, братъ Тиестинъ. Овай яростю пламтећи збогъ нарушене вѣрности супруге, црева одъ сынова донесе за єло.
- 37) Прокна была є супруга Трачскога краля Тереа, кћи Пандиона Атинянина; одъ тежке ярости, што є Терей Филомелу сестру нъну насилно обезчестио, даде овоме сына Итина да єде, кое кадь є Терей по глави сыновльой познао, и жену свою вияюћи веђь скоро мачемъ пробуразио, претвори се она у ласту. Ово є Софоклесъ у своме Тереу представио.

- 38) Кадмусъ быо е сынъ Агенора Финикійскога краля. Овога пошалъ отаць, да тражи сестру свою Европу, и заповѣди, да се безъ нѣ невраћа кући. Кадмусъ прође многе предѣле свѣта, и ненашавши сестру очас; зато сазида Тебу градъ у Беоци. Послѣ одъ Зета и Амфиона изъ кралѣвине свое изгнанъ буде, и отиде къ Илирима, гдѣ га и старость затече. Богови се смилую, и нѣга заедно са супругомъ Хармониомъ у змиѣ претворе, и у Елисейска поля приме.
- 39) Делфи градъ Фокиде на Парнасу, гдѣ се храмъ Аполлоновъ славио.
- 40) Сатири были су шумски или польски Богови, са козійм' ногама, несташни, и за игранѣмъ и хоромъ гинули.
- 41) Давусъ. Ово име у Комедияма често се употребљавало.
- 42) Пития, служкиня, која е у Комедии Луцилиевой преварила сребролюбива Симона, и сребро му однела, као да то миразъ кѣри нѣгове буде.
- 43) Силенъ. Подъ овимъ именовъ бывало е важниѣ лице у Трагедиама.
- 44) Тесписъ е быо поета Атинскій, у време Солоново, на 60 година' пре Ешила, а 80 пре Софокла.
- 45) Ешилусъ е быо славанъ поета: општаръ и слободанъ у писаню, као и у воеваню. У бою Маратонскомъ е лѣпу славу задобью. Свѣдоче, да е 90 дѣла' списао, но мы едва седамъ одъ свию овыхъ имамо.
- 46) Демокритъ быо е Философъ Грчкій, родио се у Абдери. Овай се свачему смѣяо; кажу, да е дао очи ископати, да му се мысли ума незабунюю предметима свѣта. — Виландови Абдерити су и кодъ насъ већъ познати у преводу.
- 47) Хеликонъ, было е брдо у Беоци, не далеко одъ Парнасса, посвећено Музама.
- 48) Лицинъ быо е бриячъ Юлиа Цезара, кои га е у Сенатъ примио. Послѣ смрти толико е овај новаца оставио, да су му споменикъ одъ мрамора подигли. Ово да нѣкоме несташни поводъ, те му овај надписъ напише:
- Лицинъ у гробу мраморноме лежи, у никаквомъ Като,
Помпей у маломе пакъ. Има ли Богова садъ?
- 49) Антикира е островъ у мору Егейскомъ. Овдѣ е раст'о хеллеборъ, лѣкъ за оне, кои нису сасвымъ при себи были,

- т. е. занешени. Кажу да е два таква острова было. Хорацій овдѣ овако мысли: да е три острова Антикира, па да се савѣ хеллеборѣ, што на њима расте, скупи, јошть небы се овакови стихотворци излѣчити могли, т. е. на правый путь извести.
- 50) Грѣи, т. е. Грци.
- 51) Албинъ быо е Римскій грађанинъ и трговацѣ.
- 52) Ламия была е чудовиште, озгорѣ на подобие жене, са маргареѣма ногама. Ово е, по мѣнью старых, несташну дѣцу мамило и прождирало. — Кодѣ насѣ гвоздензубе, шарентѣре и т. д.? — —
- 53) Рамни были су младиѣи Римскога благородства.
- 54) Сосии были су знатни Римски књигопродавци, кои су о своемѣ трошку књиге преписивати давали, и сѣ њима трговали.
- 55) Херилѣ. Три или четри грчка стихотворца позната су подѣ овымѣ именовѣ. Овдѣ Хорацій онога мысли, што е у време Александра великогѣ живио, и њгова славна дѣла у стихови' описао. Акронѣ свѣдочи, да е Александерѣ великій овоме слабомѣ поети за свакиѣ добарѣ стихѣ обеѣао дукатѣ, а за свакиѣ неваляо по едну ѣушку дати. Но оваи ѣне Александру цѣло дѣло јошть ни прочитао, а веѣ е подѣ ѣушкама умро.
- 56) Мессана Корвинѣ быо е благороднога рода. Њга Цицеро хвали у писму на М. Брута. Быо е у свое време најславниѣ вития.
- 57) Метій Спурій Тарпа быо е добарѣ критикѣ; умѣо е разумно о стиховима судити. Подѣ Августомѣ быо е еданѣ одѣ оных петѣ критика' или судия', кои су о дѣлима драматійскимѣ судили, пре, него што су се на позоришту представляла. Кажу, да е дуго живио.
- 58) Орфей, Трачанинѣ, быо е најстариѣи најславниѣи поета кодѣ свога рода, о коме се казуе, да е тако умилно свирао, да су дивии звѣрови, и шуме за њговымѣ гласомѣ се поводиле, и сѣ мѣста кретале.
- 59) Амфионѣ, сынѣ Јовишевѣи Антиопинѣ. Кажу, да е у лиру свирати одѣ Меркурия научио.

- 60) Диркей. Пиндаръ се зове Диркей одъ Диркее, еднога предъла Беоцие. Онъ е найславниій лирійскій поета. Нѣки новии читаю овдѣ „Thyrtbaeus,“ кои е быо Атинянинъ.
- 61) Пиерия быо е храмъ у Македонии кодъ Олимпа, Музама посвећенъ.
- 62) Питійске игре, у коима су борбе бывале, заведене на честь Аполлону, што су змию Питону убили. Сваки' петъ година' су бывале.
- 63) Квинтилиј Варъ изъ Кремоне, быо е благородникъ Римскій, и приятель Virgiliевъ; славанъ поета, и искренъ критикъ. Умро год. 729. Р. Нѣгову смртъ оплакуе Хораций у кнѣ. I. оди 24. кою самъ я на србски превео у Лѣт. год. 1826. части 3-ой.
- 64) Аристархъ быо е критикъ, књижевникъ Александрійскій, одвећъ учинѣна ума. Онъ се найвише трудио, да Хомерове истините стихове одъ подметнутых разпозна и разлучи.
- 65) Емпедоклесъ быо е ученикъ Питагоре, Агригентскогъ поете у Сицилии. Овай по приповѣданю Диогена Лаерция скочи у огань горе Етне, да бы га люди, ненашавши нѣгова тѣла, за вышнѣгъ Бога држали.
- 66) Бидеталъ, было е мѣсто, у кое е громъ ударио. Римляни су таково за свето држали, ту жертвенникъ начинили, и овце съ два зуба, одъ куда е и названъ Бидеталъ (Двзубнякъ, двизаць) на жертву приносили. Ко е ограду прескочио или покварио, или што друго по слабости природе човечие учинио, тай е држанъ за светотатца.

2. Писмо 10. кнѣ. I.

(Хексаметромъ.)

Фуску Аристію.

Полскій животъ болій одъ Градскога.

Града любителю Фуску мы поздравъ пошилѣмо
Поля любительи; у той одной ствари будући
Различни одвеѣъ, у другомъ свемъ скоро близанци.
Братски дишуѣ' што еданъ одриче, то и другій:
Слажемо с' опетъ, к'о два позната стара голуба.
Гнѣздо чувашъ ты, я поля хвалимъ приятногъ
Потоке, и маховиномъ стѣне обрастле и шуме.
Па шта ѣешь? Живимъ и владамъ, одкако оставих
То што вы подижете небесима веселымъ гласомъ
К'о свештениковъ ѣакъ бѣгунацъ погаче неѣу;
Едемъ леба, слаѣегъ одъ саме замедляне пите.
Живит' природи ако сходно треба, и за куѣу
Гдѣ да се постави, валя тражити найпре куѣиште;
Знашь ли тадѣ згодниѣга мѣста одъ поля блаженогъ?
Та гдѣ е топлия зима? Ил' гдѣ приятній воздухъ
Блажи и бѣснило Псета и силовитость Лава,
Кадѣ еданпуть бѣснеѣ' сунце преузме оштро?
Да л' гдѣ манѣ санѣ разбиа завидльива брига?
Да л' горе трава мирисна се с'я одъ Либійска камечка?
Да л' вода бистрия там' у граду на олово цури,
Нег' што у стрмнои потоку струѣѣ' са жуборомъ игра?
Башѣ меѣу зидинам' градским' подраніюю шуму,

И куѣна хвалѣна естъ кадѣ гледи на поля дугачка.
Природу изтури ты вилама, опетѣ ѣе се вратит',
И стуже зле пробитѣ крадомѣ побѣдоносна.
Пре ни оногѣ, кой тражеѣ пурпуре Сидонске,
Непознае напоене вуне боіомѣ Аквинатскомѣ,
Штета постиѣ неѣе, ни ближе дотаѣи се живца,
Нег' кой одѣ истине немож' разликоват' лажность.
Кога е среѣна безмѣрно веселила, промѣна тог' ѣе
Сломити. Чему си е' дивно, то ѣешь оставити нерадѣ.
Одѣ высокостій бѣжи; могу се подѣ сиромашкимѣ
Кровомѣ цари и царски надмашит' любимци животомѣ.
Єленѣ коня больій у борби обштимѣ гоняше
Полѣмѣ, докле овай слабий дугимѣ уморенѣ боренѣмѣ
Помоѣ човека неизпроси, па уздицу прійми :
Ал' кадѣ е' одѣ душмана к'о сильный побѣдитель спасе,
Нит' коньника еѣ леѣа, нит' узду етера изѣ уста.
Тако, боеѣій е' сиромашства, неѣма слободе
Дражѣе одѣ злата, онѣ господарѣ ѣе носити яданѣ
И вѣчно ѣе служит', еѣ малымѣ живит' незнавшій.
Когѣ свое недоволяваю етвари, бытѣе к'о еѣ чизмомѣ,
Ако е одѣ ноге веѣа, запетѣе, а маня ѣе жульит',
Задоволянѣ судбомѣ, мудро ѣешь живит' Аристе;
Нит' ѣешь оставит' безѣ казни мене, ако видишь
Да те веѣь сувише нагонимѣ, престат' незнавшій.
Скуплѣный новацѣ влада или свакому служи,
Тогѣ валя водит', а не да онѣ води, уже му дати.
То самѣ ти писао изза храма тропина Вакуне,
У свемѣ задоволянѣ, осимѣ што тебе іошѣ немамѣ.

3. Ода 4. кнѣ. I.

(Размѣромъ народнымъ осмосложнымъ.)

Секстію.

Пролеће е настало. Дай да се веселимо. Та животъ довѣка нетрае.

Любкость юга и пролећа

Разблажава люту зиму;

Справе вуку съ сува лађе,

Нит' е мила стоки штала,

Нит' ратару садъ веѣ ватра;

Нъиве инѣмъ небѣле се.

Веѣ Венера коло води,

Кадъ наступи мѣсець младый;

Съ Грацияма Нимфе кротке

Све за руке узеле се,

Землю ногомъ редомъ бию;

А огнѣный Вулканъ пали

Тежкій пос'о за Циклопе.

Садъ е време свѣтлу главу

Ил' зеленымъ миртомъ китит',

Или цвѣтемъ топле землѣ.

Садъ Фауну с' обратимо,

Коме валя жертвовати

У лугови' хладовити?

Ягнѣ, яре, шта онѣ воле.

Смрть свудъ едномъ блѣда погомъ

На простачке куѣ лупа,

И на куле краля' гордых.

Ой Секстіе преблаженный!
Вѣкъ живота кратакъ не да
Надежду намъ дугу почет'.
Єдномъ ѣ те покрит' ноѣца,
И духови, што с' причаю,
И Плутонска худа куѣа :
Куда кадь се єдномъ спустишь,
Неѣешь добыт' таква вина,
Нит' се дивит' нѣжномъ Лики,
За кимъ пламти сва садъ младежь,
И скоро ѣе и дѣвице
За нѣмъ жаромъ зажарит' се.

---

4. Ода 23. кнѣ. I.

(Размѣромъ Алкайскимъ.)

Х л о и.

Укорава Хлою, што бѣжи одъ нѣга.

Одъ мене бѣжишь подобно срни, ты
О Хлоіо, коя страшльиву майку по
Горам' безпутнымъ тражи, не безъ
Суєтна страха одъ вѣтра, шуме.

Єрѣ како само пролѣтни вѣтриѣи
Са лакокретнымъ лишѣемъ затрепте, ил'
Зеленый гуштерѣ текъ покрене
Купину, срдце и ноге стрепе.

Ал' я невиямъ Хлоію, к'о лютый рысь,
Ил' лавъ гетульскій, тебе да разтргнемъ.

Та престан' садъ за майкомъ иѣи,
Кадъ си веѣь млада за мужа зрѣла.

(Лѣт. 1826. Ч. I.)

---

5. О д а 24. к н ѣ. I.

(Размѣромъ Алкайскимъ.)

Виргилию Марону.

На смерть Квинтилия.

Тко ѣе се мѣре држати, стыдिति,
За тако миломъ чезнуѣи главомъ? О,
Процвѣли, Мелпомено, тужнымъ
Гласомъ; одъ отца ты ясно грло,

И цитру имашь. Дакле Квинтилия
Ах! вѣчный санакъ тишти? Ей кадъ ѣе му
Стыдъ, чиста вѣрность правде сестра,
Истина нага веѣь одсадъ на'ѣи

Так' равна друга? Добри проливаю
Премноги за нвимъ суза' токъ; ничия
Виргилій, туга твоіой ние
Равна. Ал' исплакат' Квинтилия

Одь Бога нећешь съ молитвомь; такавъ ах!
Аманеть ние онъ. Да умилние
Нег' Орфей, за кимь шума с' крета,
Изводи лира ти гласе, неће с'

У празну сѣнку крвца повратити;
Кадь ню еданпутъ Меркуръ съ шибицомь
Страшномь у црно стадо сагна;
Каменно срдце му с' плачемь неда

Склонит', да ядне судбине отвори
Двери. О тежке туге! Ал' оно, што
Богъ поправити неда, лакше
Пастѣ намъ, срдце кадь сноси вольно.

(Лѣт. 1826. Ч. 3.)

6. Ода 26. кнѣ. I.

(Размѣромъ Алкайскимъ.)

Музи, о Елію Ламѣи.

Сва му е брига, да Ламию свога хваломь увѣнча, и на то
Музу позива.

Любимацъ Муза' пуститѣ жалость и
Страх, да носе вѣтрови кретиски
У море бурни: кои краљ подь
Арктомь садь студену страну плаши;

Одъ шта Тиридатъ стрели, не тражимъ кадъ
Самъ миранъ. О ты, Пимплеіо сладка ми,
Извора' главомъ коя с' дичишь,
Цвѣће развито вѣй, о вѣй вѣнаць

Ламии моме; ништа безъ тебе ми
Неважи хвала моя: тогъ жицама
Новим', Лезбійскимъ плектромъ славит'
Пристой теби, и сестрам' твоимъ.

(Лѣт. 1826. Ч. I.)

7. Ода 31. кнѣ. I.

(Размѣромъ Алкайскимъ.)

Аполлону.

Неиште богатства одъ Аполлона; онъ е съ малымъ задоволянъ.
Само жели здравлѣ и добру старость съ цѣлымъ разумомъ и
пѣсне даромъ.

Шта иште пѣваць на освештаваню
Твомъ, о Аполло? Новый сокъ ливаюћ'
Изъ чанка, шта онъ моли? Жетве
Богате неће онъ плодне Сардске;

Нит' мила стада жели Калабрие
Прежарке; злато не, нити слонове
Изъ Индіе кости; неће нѣиве,
Штипуће тиха што Лирисъ рѣка

Спокойномъ водомъ. Кога і' обдарила
Чокоѣемъ среѣа, кривымъ нек' ножемъ онъ
Каленскимъ лозу реже; богатъ
Трговаць вино да узме сирску

За робу, па да чаше искаплюе
Онъ златне, кои е Бозима самыма
Драгъ; лѣтомъ еръ по трипутъ четыр'
Водомъ Атлантскомъ онъ плови невредимъ.

Дост' мене малве лагане, маслине
И цикорие питаю. О! дай да
Здравъ текъ уживамъ Фебе! Съ умомъ
Здравымъ дай старость къ томъ лѣпу съ лиромъ.

(Лѣтол. 1825. Ч. 3.)

8. Ода 3. кнѣ. II.

(Размѣромъ Алкайскимъ.)

Деллию.

Сви ѣмо едномъ умрети. Зато валя сваку судьбину сносити
равнодушно, и уживати, што имамо.

Єднакогъ духа бурномъ у времену
Да имашь мотри, пакъ и у среѣноме
Устегни нѣга одъ веселя
Великогъ, роѣный за смръть Деллій;

Или у туги животъ проводио,
Ил' пакъ удалѣнъ дане у светчане
На трави пруженъ добрымъ старымъ
Виномъ фалернымъ залаг'о с' среѣанъ :

Гдѣ боръ высокій съ бѣломъ тополomъ намъ
За госте сѣнку съ гранама сдруженимъ
Дае, и вода брза нагло
Скакуѣ потокомъ извибнымъ :

Дай нек' се вино, масти мирисаве,
И ружа цвѣѣе за мало приятно
Носи намъ амо, докле среѣа,
Године, жице и црне даю

Сестара. Поля куплѣна остатѣе,
И куѣа и станъ, мутный когъ Тиберъ ти
Рони, све ѣе то остат': пакъ ѣе
Наслѣдникъ гомилу счепат' блага.

Све едно ил' к'о старога Инаха
Породъ у благу, ил' у сиротиньи
К'о рода пукогъ сынъ подь ведрымъ
Умрео небомъ, ты с' жертва Орка

Немилостива. Една насъ судбина
Све гони : Свакомъ судъ се окреѣе, и
Пре или после ѣ' коцка изиѣ',
Чуну насъ предат' за вѣчну таму.

9. Ода 11. кнѣ. II.

(Размѣромъ Алкайскимъ.)

Квинтію Хирпину.

Остави светске брига, и живи весело.

Шта мысли бойный Скита и Кантаберъ,

Оддѣльнѣ моремъ Адриюмъ, остави,

Нетражи знат', Хирпине Квинктій :

Ити ми стрени ты надъ животомъ,

Съ малымъ довольнымъ. Остае лагка намъ

Младость и дичность изза насъ; сѣдина

Пакъ сува лагкій санакъ намъ, и

Раскошне любви гони нагло.

Ни цвѣће ние пролѣтно свагда у

Еднакой чести; мѣсець нит' сѣйный намъ

Све еднымъ свѣтли лицемъ : зашт' да

Моришь умъ слабый одъ вѣчна реда?

Зашт' подъ высокимъ яворомъ, или тымъ

Боромъ лежеѣи, небы мы безбрижно

Мирисномъ ружомъ памъ китеѣи,

Докъ намъ се може іоштъ, сѣде власи,

И сирскимъ народомъ мастеѣи, пили? Та

Евий бриге разгони грижльиве.

Кое ѣ дѣте брже чаше

Яка фалерна разблажит' туда

Текућомъ водомъ? Ко' ќе измамити
Изъ куће Лиду разпустну? Съ слоновомъ
Дай, нек' похита лиромъ, стегнувъ
Ка'но Лаконка на узао власи.

(Лѣт. 1827. Ч. 4.)

---

10. Ода 17. кнѣ. II.

(Размѣромъ народнымъ десетосложнымъ.)

Болестномъ Мецену.

Зашт' ме моришь ты яданѣмъ твоимъ?
Нит' е Богу, нити мени драго,
Ты да пређе умрѣшь, о Мецене,
Дико силна и подпоро моя.
Ако тебе, душе м' половицу
Ахъ! рания каква сила счепа,
Мени другой шта остае поли,
Нит' веѣь милой нит' безъ тебе цѣлой?
Еданъ данъ ќе оба оборити.
Нисамъ лажанъ завѣтъ учинио :
Иѣиѣу я, кадъ годъ напредъ по'ѣешь,
Пратити те свагда самъ ти готовъ,
Да вѣчнога пута путуемо.
Неће мене нигда одтргнути
Нит' духъ оне Химере огнѣне,
Нит' сторукій Гигесъ да устане :
Моћна правда то иште и Парке;

Гледе м' вѣси ил' Скорпионъ страшный,
Часть силния могъ часа роѣая,
Воде л' тиранъ Есперске Козорогъ;
Насъ обадва чудно с' звѣзде слажу!
Ювиша те любовь осинула,
Одъ нечиста одтргла Сатурна,
Перне судбе уставила крыла,
Када трипутъ сильный народъ пусти
У театру превеселе гласе :
А мене бы стабло оправило,
Кадъ се свали одозго на мозагъ,
Да десницомъ Фаунъ незадржа,
Кои чува Меркур'ѣве люде.
Опомени с' жертве приносити,
Опомени с' завѣтнога дома :
Я ѣу младо заклати ягнѣшце.

(Лѣтоп. 1828. Ч. 2.)

---

11. Ода 18. кнѣ. II.

(Размѣромъ осмосложнымъ са десетосложнымъ.)

Не лакоми се. Та неѣнешь живити довѣка.

Не кость слона, нити златно

У момъ дому скровиште почива :

Нити гредѣ химетійске

На стубови' леже, усѣчени'

Чакъ на край Африке : нит' самъ

Я незнанный к'о наслѣдникъ дворе

Атталове заузео;
Нит' ми с' вуче багорскутъ лавонскій
За честнима питомицам'.
Ал' е вѣра, ума жила блага,
Богатъ тражи убога ме;
Непенѣмъ се я выше Богова;
Нит' одъ друга богатога
Ишта молимъ, доволянъ съ Сабиномъ.
Данъ се даномъ отискуе;
Новый мѣсецъ иде да опада:
Ты мраморе за сѣченѣ
Предъ самъ погребъ спремашь, и немислишь
На гробъ, веѣ ты куѣе видашь;
Самогъ бурногъ да мора краине
Къ Баямъ додашь, навалюешь;
Мало ти е до сувога брега.
Юшть краине ты закидашь
Одъ сусѣдне нѣиве, и пружашь се
Пуреко бразда' питомаца
Чезнуѣи за солю; бѣжи жена,
И мужъ бѣжи, у крылу имъ
Бози отца, и дѣца прлява!
Свогъ богатогъ господара
Пріймит' неѣе дворъ ни еданъ, као
Станакъ Орка грабљивога.
Што с' лакомишь? Та една се земля
За убогу и за царску
Отвора намъ дѣцу: Орковъ другъ е
Подмыѣенъ са златомъ, али

Прометея лукава неврати.

Овай кроти родъ Танталовъ

И Тантала горда : званъ и незванъ

Свагда чуе, утруженогъ

Сиромашка одъ посла опрашта.

(Лѣтоп. 1828. Ч. 2.)

---

12. Ода 19. кнѣ. II.

(Размѣромъ народнымъ десетосложнымъ.)

На Баха.

БАХОВУ ПѢВА СЛАВУ.

Видио самъ у дальнымъ стѣнама,

Гдѣ Бахъ учи (вѣруйте потомци)

Пѣсме водит', а Нимфе пріймаю,

Ковоногих Сатир' оштре уши.

Ев'е! душа одъ стра' живогъ стрепи,

Забунѣна съ пунымъ срдцемъ Баха.

Весели се Ев'е! Прости Либер'!

Праштай съ тежка страховитый Тирса!

Валя пѣват' несташне тияде,

Изворъ вина, сильный потокъ млека,

Юште къ томе обновити меда,

Што се пушта изъ шуплѣга дебла,

Валя славит' честь ереѣне любовце,

Кою звѣзде нъойзи придадоше,

И Пентеовъ кровъ порушенъ яко

И Ликурга пропасть Трачанина.

Ты варварско море, рѣке кротишь :
Ты навшенъ по горама разнымъ
Бистонійске власи безъ преваре
Виюћи се к'о гуя смотавашъ :
Кадъ безбожна чета Гигантійска
Ста се пенят' у высъ къ царству отца,
Ты си Рета тадъ узбио оногъ
Съ лавскомъ шапомъ и вилицомъ страшномъ,
Ако тебе за веселѣ болѣгъ
И за шале, и игру и кажу,
А за боякъ не тако окретна :
Ал' си и рать и миръ учинио.
Тебе Церберъ съ златнымъ рогомъ красна
Смерно гледа, и репомъ е' омиля;
У повратку твое ноге, руке,
Съ триезичны усты додирнуо.

(Лѣтоп. 1828. Ч. 2.)

13. Ода 20. кнѣ. II.

М е ц е н у.

Прориче, да ће онъ као Пѣсникъ быти безсмртанъ; и славитѣ
се по сви' краєви' свѣта на вѣки.

Не обычно, нит' ће слабо перѣ
Мене пѣвца дволика посити
У небеса ясна : нит' љу остат'
Я на земљи дуже : оставитѣу

Я градове, одъ зависти ячій.
Я не умрѣх, любимый Мецене,
Небу умрѣт' кровь убога рода,
Не я, кога ты къ себи позивашь,
Нит' ѣе Стижка мене заптит' вода.
Веѣь рапаве на руке ми коже
Насѣдаю, и у бѣлу птицу
Претварамъ се озгоръ : веѣь прокля
Лако перѣ на плеѣа и прсте.
Я ѣу брже, нег' Икаръ Дедалскій,
Обиѣь звучна Босфора брегове,
Пустошъ Гетскій, хиперборска поля,
Све гледати као гласна птица.
Мене ѣь познат' и Колхъ и Дакъ, кои
Неѣе да се Марзске чете страши,
И Гелони крайнѣи : мене ѣь учит'
Вѣштый Хиберъ, и кой Роданъ пие.
На погребу суетномъ нетреба
Ни опѣвке, нити туге ружне,
Ни запѣвке : ты вику утишай,
Лишнѣь чести надгробне остави.

(Лѣтоп. 1828. Ч. 2.)

14. Ода 2. кнѣ. Ш.

(Размѣромъ Алкайскимъ.)

Какавъ треба да буде параштай Римскій.

Оскудость тѣснѹ радостно трпѣти
Некѣ снажно момче оштрой у войсци намѣ
    Научи с', и Партяне люте
    Некѣ мота коньникѣ страшанѣ копѣмѣ ;

Подѣ ведрымѣ небомѣ животѣ некѣ проводи
Средѣ страшны' дѣла'. Съ душманска бедена
    Гледеѣ' га госпа воююѣегѣ
    Тиранна некѣ са узрастломѣ дѣвомѣ

Узда'не : „Ей! да заручникѣ кралѣвскій
Невичанѣ бою само недирне у
    Кострешна лава, когѣ крвава
    Посредѣ убійства одвлачи ярость.

Сладко и' и дично мрет' за отечество :
Смртѣ и бѣжеѣа вѣятѣе човека,
    Нит' прашта слабачка дѣтиньства
    Клечаню, страшльвивымѣ нѣти леѣма.

Врлина душе ружно одбачена
Немари, чистымѣ свѣтлеѣи чест'ма; нит'
    Прійма нит' оставля сѣкире
    Власти по вољи народна вѣтра.

Врлина душе, мрет' незаслуженымъ
Отворивъ небо, стреми с' пробияти
Путове пове, сборе пучке
Презире, блатну и землю перѣмь

Дижуѣи с'. Само вѣрно и мучанѣ
Извѣстну прійма награду : Церере
Кой тайне светыню пронесе,
Неѣу га са мномя подѣ еднымъ кровомъ,

Нит' съ нымъ да с' возимъ едномъ у чуну я.
Презренъ Юпитеръ често і' узъ блуднога
Вук'о невинногъ : редко і' злога
Кавнѣ оставила хромомъ ногомъ.

(Голубица 1842. кнѣ. IV.)

15. Ода 3. кнѣ. III.

(Размѣромъ Алкайскимъ)

На Августа Цесара.

Постоянство отвора путь на небеса.

Праведногъ, твердогъ мужа у намѣри
Нит' жаръ граѣана' на зло устремлѣны'
Нит' грозный ликъ тирана креѣе
Умне са крѣпости, нити Австеръ,

Водитель бурный несташне Адрие,
Нит' веля рука Ювиша огнѣна :
Скрушено небо нань' да с' с'урва,
Неће ударци му задат' страха.

Томь згодомь Поллукесь, скитный и Херкулесь
Узнешень, дворе домаши пламенне :
Меѣ' коим' Августъ посадившій с'
Устма пурпурныма пие нектарь.

Томь, Бахе Отче, ты си заслужио,
Да т' твои носе рисови, неукимь
Вратомь ярамь вукуѣ'. Томь Квиринъ
Избѣже Ахеронъ съ коньма Марса;

Кадь е Юнона Божѣмь на совѣту
Изрекла згодно : Илионъ, Илионъ
Несреѣный любострастанъ судаць,
Странна и женица преобраѣа

У прах, одкада остави Богове
Лаомедонъ за награду, проклетъ прах
Одъ мене, и Минерве чисте,
Съ народомь, войводомь варалицомь.

Веѣ' нит' Лаконке блиста облюблѣне
На гласу гость іой, нит' вѣроломный домъ
Приямовъ бойне Ахивляне
Хекторскомь силомь узбѣя натрагъ :

И нашимъ воѣнъ раздоромъ стиша се
Рать. Я ъу скоро ярости тежке, и
Унука мрзка, когъ е Троя
Свештена родила, опеть дати

Марсу на поклонъ. Нѣга ъу пустит' я
Да се ко свѣтлымъ столицам' пошинъ,
И пиюѣ' сокъ нектара, счисли с'
Редовма мирнымъ Богова вышнѣи'.

Дугачко докъ се волнуе море меѣъ
Илиомъ и Римомъ; среѣни некъ владаю
Прогнанци на све стране. Докъ на
Прияма, Париса гробу скаче

Стока, и дивѣ звѣрине крью одъ
Освете штенце; некъ Капитолиумъ
Блистаюѣ' стои, Римъ и сильный
Сяйныма Меѣанма права дае.

Са страхомъ име крайне у землѣ некъ
Далеко простре, срединомъ вода гдѣ
Европу дѣли одъ Африке,
Нилъ и изливаюѣ' нѣиве плави.

Незнано злато, болѣ и смѣштено
Што земля скрива, лакше да презире
Нег' скупля, за потребу людску
Грабльивомъ рукомъ све свето вукуѣ'.

Све нека свѣта краеве дирне онъ
Оружѣмъ своимъ, тежеѣи доспѣт' там'
Гдѣ с' огань вие у радости,
Магле се дижу и кишне каплѣ.

Ал' ратоборнымъ 'вако Квиритима
Изричемъ судьбу : „Да, на побожность и
На среѣу ослонивши с', небы
Древну зажелили диѣи Трою.

Ерѣ ако Трое съ тужнымъ прорицанѣмъ
Узрасте среѣа, пропастьѣ жалостно;
Я ѣу побѣдоносне водит'
Войске, я жена и сестра Зевса.

Да с' трипутъ дигне видина гвоздена
Са вольомъ Феба : трипутъ ѣе пропасти
Одѣ мой' Грка'; трипутъ жена ѣ'
Плакат' у робетву за мужемъ, дѣцомъ.

Шальивой ово лири неприличи!
Кудѣ тежишь Музо! Престан', продрзльива,
Испричат' говорѣ Божій, пакъ и
Велика таньити мѣромъ маломъ.

(Голуб. 1839. кнѣ. 1.)

16. Ода 4. кнѣ. Ш.

Каллиопа.

О, сиѣи съ неба, казуй де, съ тѣбиомъ
Дугачку пѣсну, властна Каллиопа,
Ил' гласомъ волешь сада танкимъ,
Съ гуслам' и китаромъ или Феба.

Чуете л'? Ил' ме вара заръ любимый
Заносъ? Чуюмъ я веѣъ и по лузима
Божеским' чисто ходамъ, там' гдѣ
Приятне теку и воде и зракъ.

Я самъ к'о дѣте, бывший ванъ границе
Апулске там' у Волтур' Апуловомъ,
Савладанъ игромъ и сномъ, новомъ
Граномъ одъ чудесны' голубова

Покривенъ быо. Дивно то свима е,
Кои висока гиѣздо Ахеронта,
Бантинска стрма и Форента
Равнога дебелу држе землю,

Невредимъ како црны' одъ гуя' самъ
Спав'о и мечкѣй; како самъ свештенымъ
Лавромъ и сбранымъ миртомъ чуванъ,
Я одушевляно Бозим' дѣте.

Вашъ, о Камене, вашъ се у високе
Дижемъ Сабине; ил' ми се студена
Пренеста, или Тибуръ жупный
Ил' ми с' омилиле течне Бав.

Любеѣа ваше изворе, хорове,
У Филиппима ние м' гонѣій полкъ,
Нит' свето дрво уморило,
Водомъ Сикулекомъ нити Палинуръ.

Вы некъ сте са мноми, радо ѣу бѣснога
Пловеѣи водомъ, дражити Боспора,
Жегуѣій пѣсакъ и Ассирскогъ
Брега прегазити путуюѣи.

Я ѣу Британне, душмане страннымъ,
Конканъ полазит', коньску што любви кровь;
И меѣъ Гелоне тулоносце,
Скитеку на рѣку невредимъ идемъ.

Вы и високогъ Цезара, полке кадъ
Знойне на одморъ смѣсти у градове,
Желеѣи да'нут' самъ одъ труда,
Сѣнкомъ поравляте пиерійскомъ.

Вы благій совѣтъ даете, данымъ и
Кушате радость благе. О знамо мы,
Безбожне како е Титане,
Бѣсну и гомилу громомъ стремнымъ

С'урвао онай, земльомь надъ мртвомь што
И моремь бурнымь, градовма, царствам' и
Печалным', Бозим', людскимь пукомь
Єдиный праведнымь скиптромь влада.

Страх она великъ зададе Ювишу
Са снагомь мишце младежь страховита,
И браћа упиноюа с' дићи
Пелионъ горе на Олимпъ мрачный.

Али шта Тифей, якій шта л' Мимасъ, ил'
Шта Порфирионъ стасомь са претећимь,
Шта Ретусъ, шта л' Енцеладъ дрво
Чупаюћ' съ кореномь, гаћачъ смѣлый,

Противу звучна штита Палладина
Успѣти могу? Лакомый Волканъ ту
Стаяше, госпа Юно ту и
Съ плећа' неснимаюћ' нигда лука

У чистой роси кои Касталие
Летеће власи праше, кои Лицие
Гае и древну држи шуму,
Делскій Аполлонъ и Патарейскій.

Безъ ума сила пада са бременомь
Своимь! Са мѣромь силу Богови подижу
На выше сами; исти силе
Презиру, теже кадъ на зло свако.

Свѣдокъ е мой' рѣчій тій сторукий
Гигесъ, Диане и цѣломудрене
Познатый Орионъ обласкатель,
Укроѣенъ дѣвичне стрѣле махомъ.

Земљи е тежко сносит' чудовишта,
И породъ жали громомъ оправлѣный
Ко гнусномъ Орку. Нит' проеда
Етну наваляну огань брзый;

Неситогъ нити Тития слезину
Оставля птица, са невалялства за
Чуванъ дана; Пиритоя
Лапаца триста збогъ любви стежу.

(Голуб. 1840. Кнь. II.)

---

17. Ода I. кнь. IV.

(Размѣромъ народнымъ десетосложнымъ.)

В е н е р и.

Давно си ме, Венусь, оставила,
А сада ме опеть на бой гонишь.
Мани ме се, молимъ ти се лѣпо!
Садъ я нисамъ, ка'но што самъ быю,
Кадъ нада-многъ добра Цинар' влада.
Окапи се, о ты люта майко!
Коя сладке раѣашь намъ Купиде;
Петдесеть е скоро веѣ година',

Несавияй мога крута врата
А у ярамъ твое блага власти.
Иди тамо куда те призивлю
Умиляте молитве младића'.
Саде иди у Павлове дворе
Ты птичица међу лабудове,
На којима румень се прелива,
Ту е за те и мѣсто и време,
Ако желишь да имъ срдце палишь;
Брѣ онъ ти е и виђенъ и чувенъ,
И пристоянъ, бранитель криваца,
И на свашто брѣ е и способанъ,
Онъ ће за те добаръ войникъ бити,
На далеко тебе прославити:
И ако се ко съ нѣмъ узнадмеће,
Обылне ти дарове чинећи,
Онъ ће само на то с' насмѣяти;
Брѣ онъ има неброена блага,
Изсѣћи ће тебе изъ мермера,
Край езера албанскогъ дигнутће,
Изподъ стуба одъ кедрова дрва;
Ту ће т' често тамянъ мирисати,
Ту ће тебе пѣсме веселити,
А узъ лиру, Берединте трубу,
И јоштъ къ томе танку свиралицу.
Ту ће момци съ нѣжнимъ дѣвицама,
Свакій данакъ, а све по два пута,
Тебе славит', и светиню твою,
Бѣломъ ногомъ трипутъ землю бити,

Као што су чинили Салини.
Мени ништа радости нечини,
Нит' женица, нити сынчићъ малый,
Нит' надежда любви узаймне,
Нит' здравице са руйниємъ виномъ,
Нит' са цвѣтемъ увѣнчана глава.
Али шта е то ах! Лигурине,
Да ми каплю сузе низъ образе?
Да ми езѣкъ на срамоту нѣми,
Кадъ просиплѣмъ ово мало рѣчій?
У ноћноме долази ми санку,
Да я тебе часъ хватамъ и грлимъ,
Часъ за тобомъ летимъ по травици,
Кадъ се носимъ по Марсовомъ полю,
Часъ те виямъ, о каменно срдце,
По водама онымъ валовитымъ.

(Лѣтоп. 1826. Ч. 2.)

---

18. Ода 2. кнѣ. IV.

(Размѣромъ Сафѣйскимъ посрѣблѣнымъ.)

Антонию Іулу.

Само Антония Іула пѣснопѣвца држи, да е кадаръ славити Цезара,
и нѣговъ триумфъ. Нѣга и позива на то; сматраюћи себе као
помоћника нѣговога.

Пиндару койгодъ радъ е подражават',
Лети на крыли', Іуле, онъ Дедалски'
Воскомъ залійти'; онъ ће дати име
Стакленомъ мору.

К'о што се потокъ силно съ брда носи,
Даждомъ кой расте надъ обаломъ знаномъ,
Пиндаровъ тако силанъ гласъ и высокъ

Хуи изъ грла :

Нѣговъ е вѣнацъ лавровъ Аполлона,
Кадъ онъ на смѣле Дитирамбе рѣчи,
Извия нове, и носи се гласомъ

Слободнымъ, простымъ :

Ил' кадъ Богове и кралѣве пѣва
Божеске крви, одъ коихъ Центаври
Падеше смртю; паде страховите

Пламеньъ Химере :

Или кадъ слави онъ небесне оне,
Елейскомъ палмомъ што с' враѣаю дому,
Борца, коньница л', веѣй одъ сто столпа'

Даръ имъ чинеѣи :

Съ невѣстомъ плачномъ за отетымъ момкомъ
Када онъ тужи; снагу, ердце, златне
Нарави диже у звѣзде, и црномъ

Завиди Орку.

Обылный воздухъ, Антоние, диже
Лабуда Дирчекогъ, кадъ годъ у облаке
Высоке тежи : я по обычаю

Пчеле матинске,

Майкину коя душицу претрудно
Сиса по' лугу, и Тибурскомь брегу
Лозномь, слабачакъ са трудомь и зноємь
Изводимъ пѣсме.

Вѣштиимъ плектромъ ты ꙗеши пѣсмонѣвче
Цезара славит', кады онъ буде вук'о
Сигамбре люте светымъ путемъ киѣенъ
Достойнымъ вѣнцемъ :

Оды нѣга веѣе нити болѣ земли
Недаде судба ни Богови благи,
Нити ꙗе дати, ма дошла и златна
Времена стара.

Радостне дане славитѣешь и игру
Народну града, при повратку среѣномь
Августа храбра; и къ томе судиште
Лишено распрій.

Онда ꙗу и я, ако м' пѣсма важи,
Сдружити мой гласъ : О сунце красно, о,
Пѣватѣу, славно! Кады намъ се Цезаръ
Вратио среѣно.

И ты кады будешь пѣв'о, ой Триумфе,
Оритѣ с' свуда често, ой Триумфе,
Цѣломь по граду; палитѣемо тамянь
Бозима благимъ.

Тебе ће десетъ быка', десетъ крава',
Мене пакъ нѣжно ослободит' теле,
Што се безъ майке там' на трави рани
Мою за жертву;

Чело му красе два пламена крива
Башь као мѣсець трећій путь кадъ с' раѣа,
Киѣно гдѣ е, као снѣгъ се бѣли,
Цѣло е тавно.

(Лѣтоп. 1826. Ч. 2.)

---

19. Ода 3. кнѣ. IV.

(Размѣромъ народнымъ десетосложнымъ.)

Мелпомени.

Сву славу и честь има Музи благодарити. Онъ у другомъ и
нетражи славе, но само у пѣснама.

Кога едномъ ты, о Мелпомено!
У повитку благимъ окомъ гледнешь,
Онай неће блистати к'о бораць,
Мучеѣи се Истмискиемъ трудомъ,
5 Нити ће онъ мейданъ одржати,
Кадъ га носи огнѣный коньицу
На колима лакима Ахейским';
Войводоват' нити ће у бою,
Да се кити са Делійскимъ лишѣемъ,

- 10 И покаже Капитолу свѣтломъ,
Што онъ узби краля' горде претнѣ :
Веѣъ же нѣга учинити славна,
Задунююћ' пѣсмама Еолским',
Течна вода край плодна Тибура,
15 И лугова оне густе шуме.
Сви дѣтићи града овогъ Рима,
Коино е свима другимъ глава,
За вредна ме држе и ставляю
У хорове любимы' пѣваца :
20 Нити мене веѣъ саде угриза
Зависть едка своимъ оштрымъ зубомъ.
Ой Пиерко, коя сладка гласа
Вѣшто водишь на лири намъ златной :
Ой, кадра си и нѣмымъ рибама,
25 Ако хоѣешь, дати гласъ лабудовъ!
Та све имамъ одъ твоега дара,
Што ме люди претомъ показую,
Да самъ пѣваць узъ романску лиру :
И што дишемъ и што се допадамъ,
30 (Ако се я допадамъ) естъ твоє.
(Лѣтоп. 1826. Ч. 1.)

20. Ода 4. кнѣ. IV.

Хвала Друзова.

Каквогъ е нѣгда слугу громовнога,
Пернатогъ (коме Божескій даде царь
Надъ скитнымъ птицамъ власть, познавши
Вѣрна га кодъ Ганимеда плава)

Младость и силна живость му племена,
Изъ гнѣзда, послу невѣшта изгнала;
И вѣтри га пролѣтни, послѣ
Бурнога времена, страшльивога

Понели летомъ невикимъ; мало часъ
Залеѣе с' живо къ стада кой наслону
К'о душманъ, после на убойне
Змаеве пушта се, тежеѣ' жельно

За боемъ, плѣномъ : наши на веселой
Брстеѣа коза каквога угледа
Лава одъ сисе одбіена,
Зубъ гдѣ новъ оштри на нѣну пропасть :

Таквогъ у бою Ретскомъ подъ Алпама
Друза намъ нашегъ Винделци гледаше.
(Одкуда ови онай наукъ
Имаю, сѣкиру Амазонску

Да свагда носе своіой у десници,
Я писамъ дозн'о : нити се пристои
Башъ свашта знати.) Али ове
Войске су познале, премда е' дуго

Држале мейданъ, када ии мудростю
Юнакъ намъ младый надби, шта і' кадаръ умъ.
Шта духъ, когъ домъ среѣный пита,
Срдце и Августа отеческо

Шта садъ у дѣци чини Неронима.
Одъ добры', храбры', храбри се раѣаю :
На быка, коня родителя
Прелази сила : нит' слабомоѣно

Голубче легу орлови огняни.
Ал' ову силу наравну наука
Развия, добро воспитанъ
Крѣпи намъ прси; и како і' наравъ

Зла, ту срамоте пороци племена
Высокогъ породъ : Шта си Неронима
О Риме ! дужанъ, то свѣдочи
Рѣка Метавра и іоштъ Аздрубалъ

Надбиенъ, данъ и онай прекрасный, кадъ
Тама се разгна съ Лациа, кои намъ
Засину славно, кадъ проклетый
Остави градове наше Аферъ,

Кое држаше, пламенъ к'о луча, ил'
Еуръ Сикулске воде. Садъ с' диже веѣъ
Народъ намъ Римскій среѣанъ дѣлы;
Срушени безбожнымъ гнѣвомъ пунскимъ

Славе се Бози: и вѣроломный веѣъ
Овако вели Ханнибалъ: „Елени
Мы смо, и плѣнъ за вуке люте,
Преварит', избѣх', то намъ триумфъ,

И юште напредъ тежимо **Н**ародъ тай
Храбрый, когъ послѣ Иліа спалъногъ
Светогъ све буре Туска мора
Ломише, дѣцу и старце слабе

У Аузонске градове донесе,
И расту тврдомъ подобно, када му
Гране се съ лишѣемъ скрешу тавнымъ
У плодоносномъ Алгиру, самогъ

Одъ гвожђа снагу и срдце добия онъ
Крозъ смръть и ране. **Н**ие се силние
Ни хидра пресѣчена вѣйла
Тужногъ узъ Херкула; нити Колхи,

Нит' Ехидонска Теба е имала
Кадъ чудовиште веѣе. Загнюри га
Дублъ, онъ ѣе изиѣи лѣпшій:
Бори се съ ньиме, а онъ ѣе съ славомъ

Обыльномъ мейданъ одржати, водит' и
Рате, што ће пѣвати любе. Ах,
Я одсадъ нећу у Картагу
Улаке шилати горде : за'ће

Ах за'ће сва већ надежда, срећа за
Честъ, име наше; Аздрубалъ погибе.
Та ништа не'ма већ, што неће
Свршити Клавдія руке : кое

И Јовишъ брани благостю духа му
И къ томе мудростъ собствена смотрена
У оштре рате води бойне,
Сваке опасности срећно крчи.

(Лѣтоп. 1827. Ч. 1.)

---

21. Ода 7. кнѣ. IV.

(Размѣромъ народнымъ сложеннымъ, одъ 12 и 10 слогова.)

Торквату.

Пролеће наступа, и опоминѣ на уживанѣ живота, и на смртность
човека.

Снѣгъ е окопнио, полю трава е' враћа,
И дрвлѣ се већ листомъ одѣва.
Сва се земля мѣня, рѣке се сливаю,
Оставляю за собомъ брегове.

Грация съ Нимфама, съ двѣ близне сестрице
Гола нага смѣ водити коло.
Година и Хора, што данъ свѣтлый гута,
Да вѣчито ништа ние, учи,
Зиму зефиръ блажи; а пролѣће лѣто
Гони, кое ће намъ изчезнути,
Како плодоносна есенъ проспе плоде :
А за ньоме мртва с' зима враѣа.
Ове съ неба штете скоро к' съ луномъ про'ѣи;
Ал' када се мы едномъ спустимо,
Кудъ побожный Еней, Анкъ, и Туллъ богатый,
Онда само сѣнка смо и прашакъ.
Тко зна, хоѣе л' Бога вышнѣгъ воля быти,
Да сутрашній данъ дода къ данашнѣмъ ?
Другу што дашь срдцемъ добрымъ, измаѣи ће с'
Изъ лакомы' шака' наслѣдника.
Кадъ еданпутъ са свѣта изчезнешь, и Миной
Веѣъ изрекне свѣтлый судъ надъ тобомъ :
Неѣе те Торквате, повратит' ни племе,
Ни витѣйство, нит' побожность твоя;
Када ние спасла стыдногъ Хипполита
Ни Діана изъ таме вѣчите :
Нити може Тезей Пиритою драгомъ
Разтргнути самртне окове.

(Лѣтоп. 1826. ч. 3.)

22. Ода С. кнѣ. IV.

(Размѣромъ народны' пѣсама десетосложны'.)

Цензорину.

Нема болѣга дара одъ пѣсама; ерѣ се пѣсама безсмртность
добия. Пѣсама онѣ има, пѣсме и Цензоринѣ воли, па му пѣсме
и дае.

Драговольно я бы' Цензорине
Друговима моима поклань'о
Све кондире и драго каменѣ,
И триподе, дарѣ за храбре Грае:
И тебе бы льно обдарю,
Кадъ бы им'о тій утварій драги',
Што подиже Пархазій, ил' Скопасѣ,
Обоица люде и Богове
Одъ камена овай е правю,
А онай е красномъ боіомъ пис'о.
Ал' у мене тога блага не'ма;
А и твоя куѣа то неште,
Нити срдце те красоте жели.
За пѣсама твоя душа тежи:
Я пѣсама могу даривати
И дарима пѣсме извяти.
И мраморни столпи подигнути,
Гдѣ се градски урезую знаци;
Да по смрти храбрымъ войводама
Опетъ даду и душу и животѣ;
И пѣгове претнѣ узбиене;
А и палежѣ безбожне Картаге,
Одъ кога се оногѣ слава води,

Што покори землю Африканску,
Коя му е дично име дала,
И бѣжанѣ нагло Ханнибала,
Све то хвалу прича, приповѣда;
Али ние свѣтла, као она,
Кою дижу Калабре Пиерске :
Ты ако ћешь кол'ко добра чинит',
Нећешь за то награде добыти,
Када кнѣиге о томъ неговоре.
Шта бы было чедо Илиево,
Коено е и Маворса дѣте,
Да е зависть заслугам' Ромула
Супротъ ишла и све прећутала?
Еака е изъ воде Стигие
Извадила храбрость и доброта,
И јоштъ езыхъ гласнихъ пѣваца,
На богатомъ адомъ обдарила.
Неда Муза човеку умрети,
Достойноме похвале и чести;
Та подиже у небеса Муза.
Тако Херкулъ многоутруђеный
Садъ заедно руча са Јовишемъ :
Она свѣтла Тиндариде звѣзда
Разбиене и несрећне лађе
Са дна морскогъ диже и избавля;
Са зеленымъ на глави вѣчићемъ
Либеръ води завѣтъ добромъ концу.

23. Епод. Ода 7. кнѣ. V.

Народу Римскому.

Куд', куд' сте нагли безбожни? Десницомъ ил' зашт'
Мачи се ваде скривени?
Мало л' по поляма заръ и царству Нептуна
Крви се лило Латинске?
Не да горда и завистна града Картаге
Римлянинъ тврдинъ пали,
Ил' недирнутый іоштъ Британацъ да слази
Укованъ свештенымъ путемъ;
Но да се Партяна' испуни желя, и своіомъ
Десницомъ пропадне градъ тай.
Ту ни вуци, ни лавови немаю наравъ,
Звѣрствомъ туѣимъ текъ страшни.
Бѣснило слѣпо л', ил' сила оштрія гони?
Грѣси ли? Одговоръ дайте.
Муче; и лица имъ блѣдость напада бѣла,
Душе убѣѣне страве с'.
Тако е: горка Римляне судбина мота,
Братска убійства и порокъ,
Како е невинна Рема окропила землю
Света потомцима крвца.

(Уранія.)

24. Епод. Ода 16. кнѣ. V.

(Хексаметромъ и триметромъ.)

На народъ Римскій.

Тужи се, да граѣанскимъ бунама края не'ма; зато очаява о држави, и мысли, да треба друге землѣ и острове тражити, коѣ и другима совѣтуѣ.

Другій се веѣ тарѣ вѣкъ са граѣанскимъ бунама ратнымъ,

И самъ одъ своихъ Римъ ѣе да падне сила':

Когъ немогоше згубити снагомъ ни гранични Марзи,

Хетруска нити Порзене грозна рука,

Нит' надмеѣуѣа се храбрость Капуе, Спартакъ ни оштрый,

Нити новости неприймаюѣ' Аллоброгъ;

Дивя нит' Германія свлада са породомъ плавымъ,

И нашимъ предцимъ онай Ханнибалъ мрзкій;

Безбожный породъ крви проклете мы ѣемо 'згубит'

Землю, и ню ѣе звѣрѣ освоити опеть.

Варваринъ, ей! к'о побѣдитель газитѣ пеп'о, и града

На коню ездеѣ' копытомъ битѣ звучномъ;

Кости Квирина, къ коимъ недопиру вѣтри ни сунце, —

Грозна позоря! — онъ ѣе разсут' помамацъ.

Можда ѣете сви или боля васъ пытати часть садъ,

Како бы с' овы' злы' опростили мука'?

Найпречій овай приимите совѣтъ: К'о што Фокейска

Нѣгда проклета побѣже држава сва;

Нѣвѣ и куѣе и храмове свете оставила она,

Да живе вепри там' и грабљиви вуци,

Да с' иде тамо, кудъ поге однесу, по водама кудъ годъ
Повуче насъ Нотъ, ил' буроносный Африкъ.
То ми се види, и заръ ко болъга совѣта има? —
При среѣнномъ лету што нехитимо къ лаѣи?
Ову ал' заклетву даймо : Кадъ са дна се дигнувъ каменѣ
Доплови натрагъ, онда с' повратили мы;
Онда се сѣтили куѣи окренути платна, када бы
Матинске падусъ врхове сапирао,
Ил' кадъ бы у море высокій пропао Апеннинъ, и кадъ
Нова бы чуда садружила страстностю
Любовь чудесна, да съ елены милую с' водити рыси,
И съ голубицомъ да се спаруе ястребъ,
И лаковѣрна да с' стада неплаше суры' лавова,
И лакій елень тежи да води сланой.
Тимъ и свимъ, што бы могло намъ пресѣѣи повратакъ сладкій,
Заклевши с' дай да идемо са свимъ градомъ,
Или баръ боля насъ часть одъ глупога пука; слабъ нека
И неодважанъ чами у клетым' собам'!
Вы ал' мужествомъ сяйни, плача се проѣдите женскогъ,
Хетруске и брзо пролеѣите обале!
Насъ чека океанъ околоструеѣ', къ полям', блаженнымъ
Там' полям' айд'мо, островма и богатымъ,
Земля гдѣ сваке године непоорана Цереру
Дае, и лоза сама цвѣта безъ реза,
Тера и гранчица маслине нигда неоманувше,
И свое дрво смуглаета смоква краси;
Медъ изъ шуплѣга кладе се раста, и съ высоки' гора'
Поточиѣь брзый скакуѣе шушномъ ногомъ.
Тамо негонѣне долазе къ ведрома музаре козе,

И стадо мило вимена носи бречна;
Тамо ни ноћный медведъ немумла около тора,
Нит' бубри земля одъ гуя' узвышена.
Тамо болештине пагубне за стоку не'ма, нит' звѣзде
Какве пресилна прижега мори стадо.
Бытѣе и више, чему ꙗко с' дивити среѣни: да силномь
Нит' кишомь ныве воденый сноси Еуръ,
Нити одъ сува бусеня гору сѣмена мастна;
Небесный царъ еръ обое тако води.
Ние овамо допра съ Арговским' веслама лаѣа,
Нит' е безсрамна унела ногу Колхисъ;
Нису овамо Сидонски окренули едра лаѣари,
Многострадална дружина нит' Улисса.
Юпитеръ те е одлучио бреге побожноме роду,
Како е тучемь златно осквернио време,
Тучеве за тимь стврдн'о вѣкове гвожѣемь, изъ коих
Побожни среѣно, я велимь, избѣх' могу.

(Голуб. 1842. кнѣ. IV.)

IV.

ИЗЪ МАРЦИАЛА.

Надписи.

1. Авиту,

Има и добра, па доста и среднѣга, хрѣва много,
Овдѣ што читашь: другче, Авите, непостае кнѣига.

2. Титу.

Титусъ ме гони, терати парнице,
Често ми вели, стварь е то велика;
Велика, Тите, стварь, што простакъ чини.

3. Еліи.

Чини ми с', ты си четири, Еліа, имала зуба.
Еданъ кашаль два, другій исплюва два.
Садь веѣь безъ бриге по васъ цѣлый данъ кашляти можешь;
Треѣій кашаль веѣь посла не'ма ти ту.

4. Фидентину.

Гласъ е пук'о, да наше кнѣжице, о Фидентине,
Читашь народу к'о свое собствене ты.
Ако ѣешь назват' ій моим'; послатѣу стихе ти туне.
Ако ѣешь твоима зват', купи, да нису мои.

5. Сабидію.

Я те нелюбимь, Сабидій, нит' могу казати зашто;
Могу ти казати то, тебе нелюбимь я.

6. Фидентину.

То є моя, Фидентине, што ты читаешь, кнѣжица:
Ал' кадь читаешь ты хрѣаво, тадь постане быт' твоя.

7. Лелію.

Свое неиздаешь, Леліе, а мое стихове штипашь.

Штипаня мани се, ил' твое стихове дай.

(Лѣт. 1830.)

V.

ИЗЪ ХЕРДЕРА.

По Шпанскимъ романцама.

Die Geschichte Cid's z. B. ist in ihren Romanzen so reich an trefflichen Scenen, an hohen Empfindungen und Lehren, als (wage ich's zu sagen?) — als Homer selbst.

Herder.

1. СИДЪ,

полазећи на войску, прашта се са своіомъ женомъ
Ксименомъ.

Сидъ удари на себе оружъ :

Осланя се на мача своєга,

Па говори онъ своіой Ксимени;

А Бабъка жвале свое гризе,

Па изгледа свога господара;

И опрема Сидова звекеће,

Те и она чека господара.

„Што ты плачешь, о Ксимено драга,

Заръ в тако слаба наша любовь,

Да поднети ни то ние кадра,

Кадъ с' замало одъ мене разстанешъ?

Кои годъ в срдца племенита,
Дужанъ есте краля послужити,
Неправедна као и праведна,
Праведноме служи по дужности,
Неправедномъ валя да поклони.

Бодра духа имашь по наслѣдству,
Кѣи си вртна юначкога рода,
И любовца едногъ раторборца,
Одъ слабости сваке женске чиста,
Тако тебе оставлямъ Ксимено.

У послу се непрестано на'ћи,
Цѣлый данъ се съ швомъ и везомъ бави;
А вечеромъ са кѣерима пѣвай;
Ты са зоромъ постелю оставляй,
Рано рани, да куфу надгледашь.
Сва забава нека ти су стада,
Око вуне и живине труди с',
Никадъ немой безпослена быти.

У послу кешь крви балзамъ на'ћи,
Крви балзамъ и врлини изворъ.

Ты заключай све богато рухо,
А отвори кадь се я повратимъ;
Ние зато, да с' мени умилишь,
Но да съ тиме мени честь оддаешь.
Кадъ кодъ куѣ мужа жени нейма,
Жена с' тада текъ просто одѣва.

Младе дѣве укланяти валя,
К'о кучине одъ те ватре живе.
Ал' опасность када ты укланяшь,

Пази, кѣри да то неосѣте,
Съ тобомъ некъ се непрестано на'ѣу,
Съ тобомъ нека ноѣи ноѣиваю,
А безъ тебе нигда неизлазе,
Ера кѣри безъ матере свое,
То су ягнядь безъ свога пастыра.

Предъ млаѣима ты важность задржи,
Са женама буди разговорна;
Приятельма учтивости пуна;
Али себи и дѣчици своіой
Строга буди, ништа непопуштай.
Писма мога никомъ непоказуй,
Ни наибольой твоіой другарици,
К'о што ни я твога писма неѣу
Показати никомъ приятелю.
Свеза мужа съ женомъ есте нѣжна,
Нѣжна свеза пуна повѣреня.

Ондѣ не'ма за те поштованя,
Гдѣ све свое на видѣло даешъ,
Да те други виде и превиде,
Жена свака многоговорльива
Свога мужа у говоръ увлачи,
А презрѣнѣ на себе навлачи,
На поштению ал' само куѣвномъ
Лежи сила и снага куѣвна.

Ако ли бы теби тяжело было,
Кадъ одъ мене гласъ радостанъ примишь,
Сачувати тайну писма мога,
Ерь е тяжело гласъ радостанъ таитъ.

Онда само кѣрима покажи,
Па их учи тайну сачувати;
Єрѣ за волю свога родителя,
Я се уздамъ, да ће преѣутати.

Ни одъ кога совѣта непримай;
Пытай себе, я шта бы ти каз'о,
Када бы се кодъ тебе десио,
Па таковогъ совѣта се држи.
Ако ли бы што потеже было,
А ты писмомъ на мене с' обрати;
Мое ће те перо послужити,
К'о и сабля, а и срдце мое.

Дваестъ и двѣ теби мераведе,
Да потрошишь на данъ, я оставлямъ.
По томе се можешъ управляти;
Благородство нестои у штедњи,
Ал' нестои ни у расипаню.
Ако до'ѣнешъ у нужду новчану,
Никомъ живомъ немој казивати,
Него хитай, па текъ мени являй;
Твое люде у залогу недай,
Болѣ дигни на рѣчь мою новца.

Само на рѣчь мою, о Кеимено!
Рѣчь да моя к'о небесна тврѣа,
Єсте тврда, то се добро знаде.
Я како се за све друге биємъ,
Тако, вѣруй, хоће се и други
Радо трудит' за ме и за мое.

Съ Богомъ остай! Юштъ полюбаць еданъ!

Само еданъ; я теби съ боишта
Нећу донет' натрагъ ни еднога.
Съ Богомъ оспай, о моя Ксимено!
Садъ већъ одох; ерѣ ће ратоборци
Мои рећи, да самъ младоженя.

2. С И Д Ъ

ИЗЪ ВОЙСКЕ НА ОПАДАНЯ ОДГОВАРА.

Краль написа горде кнѣиге Сиду,
У кнѣигама многа опаданя
Одъ душмана' и увода' своих.
Ал' на ове чуйте одговора,
Кога Сиде посла Консуегри,
У коѣму овако бесѣди :

„Племенита господо Виллалеска,
Изъ Валверне храбри витезови,
Изъ Вилалде люди добродушни,
И христјани добри Салсвенјани,
Зле уводе туђега владаня,
Сви читайте добро, што я пишемъ :

„Донъ Родриго есте име мое,
А зову ме Сидомъ Кампидоромъ,
Кралою моме я самъ тако вѣранъ,
К'о Ксимена мени жена моя.

Животъ ми е к'о проста войника,
Едва двапут' у недѣљи дана'
Я са себе оружје скидамъ,

Све единако подъ шаторомъ спавамъ,
Приятелю никомъ зла нечинимъ,
Башь да могу кол'ко ми е драго.
Само мачемъ моимъ я ударамъ,
А никада езыкомъ и перомъ,
Я сѣдеѣи на земли ручавамъ,
Брѣ трезе поставлѣне не'мамъ;
Нико са мною нигда неручава
Осимъ храбрыхъ и добрыхъ юнака',
Да се тако и други другари
Угледаюѣ' на юначство дижу,
Разговоромъ мртве недирамо,
Нит' гробова нѣиныхъ претресамо,
О живима текъ оно држимо,
Што Богъ о нѣимъ и држи и суди.
Я Сидъ главомъ неговоримъ много,
Нити водимъ бригу о другима,
Само пытамъ, да ли е Бабѣка
Наранѣна и веѣъ зауздана,
Како ручамъ да с' у седло бацимъ,
Па наново да у бой полеѣемъ.

А када се на спаванѣ спустимъ,
Нисамъ буданѣ нити онда мыслимъ,
Каквымъ путемъ да другогъ обманемъ,
И да туѣ добро преотимамъ.
А како се я одъ сна пробудимъ,
Одмахъ летимъ у бой на боиште,
Да тврдиню кою гдѣгодъ узмемъ
Ил' оставимъ, како среѣна хоѣе,

И како ми кадгодъ руке до'ђе,
Ако ли се кадъ усамлѣнъ на'ѣмъ,
Уздишуѣи я на жену мѣлимъ,
Коюно самъ съ плачемъ оставио,
И тужеѣи к'о грлицу тужну;
Па садъ она усамлѣна живи
У туѣинству тужна и невольна;
Али опеть она среѣно живи.

Преко свега о господо сѣйна!
Сидъ смѣ свакомъ одъ васъ одговорит',
Кой годъ пита, никога с' неплаши,
Свою душу свакомъ онъ открыва,
Нит' ѣе лагат', нити се постыдит'.

3. Загонетка Саффина.

Знаете ли одну чудну матеръ?
Многу дѣцу свою има,
Па их носи у нѣдрима;
Нит' говоре нит' роморе,
Нит' одъ себе гласа даю,
Ал' их сватко опет чуе,
И нѣинъ говоръ свак' разумѣ,
Съ нѣима лети преко мора,
Преко ~~мор~~^{мора}, преко свѣта.
Свуд' их чую, свуд' разуму.
Нѣи и глувакъ добро чуе,
И казуе онъ другима,
Шта е чуо одъ нѣмака.

Ова мати есте писмо :

У нѣдрима дѣцу носи,
Многа слова преко мора';
Преко мора' и земаля,
Удалѣнымъ да се кажу.
Она сама нѣма есу,
Ко нѣи чита, тай пакъ чув,
И разумѣ рѣчи нѣине.

---

4. С ѣ д е в л а с и.

Я познаемъ сребро едно сѣино,
За кимъ тежи мало и велико,
А кадъ г' има, воли неимати,
Ал' га неда ни за какво влато.

VI.

ИЗЪ ГЕТЕА.

1. У полю ружица.

Видло момче ружицу,
 Видило е у полю,
 Младу красну ружицу,
 Ближе дође видити,
 Бы му мило гледати.
 Ружо, ружо румена,
 Ой у полю ружице.

Момче ружи бесѣди :
 Узбратѣу те ружице !
 Ружа нѣму говори :
 Я ѣу тебе убости,
 Навѣкъ ѣшь ме памтити ;
 Я то неѣу трпити.
 Ружо, ружо румена,
 Ой у полю ружице.

Момче было несташно,
Узбра ружу у полю;
Ружа с' брани и боде,
Непомаже, а јао;
Морало е трпити.
Ружо, ружо румена,
Ой ружице у полю.

(Гол. 1842. 4.)

2. Пстражено нађено.

Шетао самъ шумицомъ,
Истомъ зато да шетамъ,
Немыслећи ни на што,
Камо л' да што потражимъ;

Па у ладу опазимъ,
Ѓдногъ цвѣтка угледна,
К'о звѣздице свѣтлога,
К'о очице лѣпотна.

Я га хтѣдох узбрати,
А онъ тихо бесѣди:
Зашто да ме узберешъ,
Да я узбранъ увенемъ?

И я нѣга изкопамъ,
Са свим' своим' жилицамъ,
И у башчу однесемъ,
Поредъ куће лѣпотне.

И опеть га посадимъ
На спокойномъ мѣстанцу;
Сада гране избия,
И све цвѣтомъ цвѣтава.

(Гол. 1842. 4.)

VII.

ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

1. Цвѣће.

Дѣцо сунца помлаѣена,
Цвѣће поля киѣена,
Васъ извела на сласть, радость,
Васъ любила природа.

Лѣп' одѣло съ свѣтомъ везла,
Лѣпо Флора украсила

Васъ са боя' дивотомъ.

О пролеѣа чеда плач'те,

Душу вама ние дала,

Па живите у ноѣи.

Славуй скупа съ шевомъ пѣва

Вама любве блаженъ рокъ,

Силфиде се любко вию,

По крылу вамъ с' премеѣу.

Ние л' вашегъ цвѣта круну

Кѣи Діоне у высъ свела

За любви узглавлѣ?

О пролеѣа чеда плач'те,

Любови е васъ лишила,

Оногъ чувства блаженогъ:

Но е л' мене налогъ майчинъ
Съ гледа Милке изагн'о,
Кадъ васъ мое руке беру
Нбой за залогъ любви?
Животъ, езыхъ, душе, срдца,
Нѣме вѣсти сладких боля',
Овай додиръ ули вамъ,
Наймоѣнни па іоштъ и Богъ
У листиѣе ваше крые
Высоко му божество.

2. Надписи.

1. Цѣна и достоинство.

Имашь ли ты што, дай ми, платитѣу што буде право;
Єси ли ты пакъ што, душе тад' мѣняймо мы.

2. Ключь.

Радъ ли си познати себе, гледай послове других;
Радъ ли си разумѣти те, бащи у срдце ти взоръ.

3. Изборъ.

Ако се неможешь допасти свима ты дѣломъ и створомъ,
Нѣкима угоданъ буд'; допасти с' многимъ е зло.

4. Наклонность Муза'.

Съ Филистромъ мре му и слава. О небесна Музо, ты носишь
Твое любимце све къ нѣдрам' Мнемозине там'!

5. Омирова глава на печату.

Вѣрный, старче Омиру, нѣжну ти предаемъ тайну;
Узаймне любви некъ среѣу пѣвацъ ми зна.

6. Лажанъ нагонъ къ науци.

Нови о кои су душмани истине! Душа ми с' цѣпа,
Гледећи сова' тай родъ, што е навал'ю на свѣтъ.

7. Вредность жене.

Човекъ вредности треба, смѣло се баца у животъ,
Ячомъ са среѣомъ онъ ступа у двоумный бой.
Єдина вредность жени є доста, а та є ту, на'ѣе с',
Срдцу и очима некъ буде умилна све та.

VIII.

ИЗЪ ПОЛИЦИАНА.

(Съ нѣмачкогъ.)

Пастырка дѣвойка.

Пастырка е рано уранила,
На пашу е яньце изводила.
У танану ризу обучена
Поскакала рада и весела;
Ах! срдце е она ми однела.

Несташно е она поскакала,
Прискочила цвѣћу на извору;
На извору быстра вода струи,
Цвѣће сия свакояке бое;
Она бере цвѣће у крыоце.

И рукаве танке засукуе,
Па умива нѣжно ружу-лице.
Ружу-лице несташно облећу
Зефирићи разлаћуюћ' любе;
А поля се на ню осмѣхую.

Она сѣда на зелену траву,
Цвѣће вие, за се вѣнаць плете,
Па подъ вѣнцемъ и пастыръ и Нимфа
На игру су весело хитали;
Свакомъ живомъ бы мила пастырка.

А кадъ яснымъ она пѣва гласомъ,
Ту птичице узъ ню попѣваю,
Птице пою, яганьчићи скачу,
Живо козе све една за другомъ
Весело се редомъ натркую.

А вечеромъ она лако скаче
Съ пунымъ сердцемъ ко колеби своіой,
Съ пунымъ сердцемъ, веселѣмъ и шаломъ,
Она с' руга больи одъ любви.
Тако живи пастырка дѣвойка.

IX.

ИЗЪ КЛОПШТОКА.

Одломакъ изъ Месіяде.

Сгрченъ на праху землѣ, коя е' у страху предъ судьемъ
Къ нѣговомъ лицу надвышеномъ съ тихимъ потресла ужасомъ,
И тресуѣи с' прахъ в небройне Адамове дѣце,
Све сасушене кости покренула грѣшника' мртвыхъ,
Месія лежа; убочене очи на Таворъ упревши,
Ништ' одъ створеня невидѣв', но лице текъ судіе гледи',
Тужанъ, самртнымъ зноємъ покрывенъ, руке скрстивши,
Безгласанъ, чувствам' ал' тиштенъ! Силно к'о смртъ што гаѣа,
Брзо к'о Божіе мысли, страве на страве су тресле,
Чувство на чувство, вѣчне и смрти в разило чувство
Онога, кои е быо човекъ и Богъ. Онъ е леж'о,
Чувствов'о и занѣмио. Али кадъ е тегоба
Све тежа, и мука бывала жешѣа, и мрачнія ноѣца,
Силніе трубила труба громовна, и тутнѣио веѣма
Таворъ подъ Іеховомъ; мѣсто самртнога зноя кровь лила
Са страдалника лица :

— — — — —
Онда с' диже изъ праха, и руке небесима пружи :
Ах, како смртности чувствуемъ судьбу я! И я самъ роѣенъ,

Да умремь! Ты, кои руку судіе пружену дижешь,
Мое и земляне кости твоимь ужасомь потресашь,
Дай да ме страшный часъ што скоріимь пре'ђе летомь.
Отче! Све ти се може, ах дай скоро да пре'ђе!
Гнѣвомь твоимь и страхомь твоимь испунѣну ты си
Рукомь пружену чашу страданія излио на ме.
Сасвимь осамлѣнъ я самь, одъ свію, кое я любимь,
Одъ выше люблѣны' Ангела', и людій, браће ах! мое,
И одъ тебе, одъ тебе, о отче мой, оставлѣнъ я самь,
Призри овамо, гдѣ судишь, доле, о Боже на бѣду!
Шта смо мы, я и Адамова дѣца! О престан' страхоте
Смрти изливати на ме!

— — — — —
Ал' не моя воля да буде!
Отче, да Твоя воля буде!

— — — — —
Мое там' укочено око
Гледи у поѣ и плакати немож'; рука ми дркѣ.
Къ небу се диже укочена помоћи ради. Я падамь
На землю! земля є гробъ! Крозъ све дубльине говори душе
Мысао мысли гласно: Мене є одбацио отаць!

. . . . .
Ал' мое земляне кости и божество носе! Я страдамь;
Я самь вѣчанъ к'о Ты, о Отче, буди воля Твоя!

Х.

ИЗЪ ШЕКСПИРА.

Одломакъ изъ Макбета.

Амо брже дуси нечастиви

Са вашима мыслима убійства,

Свлачите ми сву природу женску,

Пуните ме одъ главе до пете

Сву съ кравим' оним' свирѣпствама;

Вы сгустните мою црну крвцу,

Заградите пута покаяню,

Да ми къ срдцу то недопре како,

И незгоди своимь оштрымь жалцемь,

Те ми црну намѣру помете,

И съ намѣромь дѣло непомири.

Чуйте мене, о вы даватели,

Гдѣ годь были съ невидимымь тѣломь

На несреѣу природе мыслиѣи,

Улазите садь у груди мое,

Узимайте млѣко за жучину!

— — — — —
— — — — —

б) Одломакъ изъ Хенр. V. дѣйства 4. хоръ.

Жуборъ тихій одъ обадвѣ войске

Иде гласомъ одъ стана до стана

Крозъ то густо црне ноѣ нѣдро,

Да веѣ прве намѣштене страже

Єдна друге шапутъ разбираю.

Ватра ватру свѣтомъ надсвѣтлява,

Блѣдый пламень освѣтлява войске,

Крозъ кои се обѣ прогледаю.

Конь узъ коня силно захрзава,

Продирѣи уво ноѣ главо;

Изъ шатора' оружя ковачи

Стеру страшне приправляня гласе,

Удараюѣ' оклопъ на юнаке,

И желѣзне спояваюѣ' краке

Съ чекичнима ударцима честим'.

Пѣтли пою, а и звона звоне,

Те казую лѣна ютра време,

Лѣна ютра, треѣегъ часа време.

ХІ.

ПѢСНА (СЛОВО.)

о

Полку Игоревомъ (XII. вѣка).

Съ подлиннога Русскога или болѣ рѣчи съ старога црквенобиблійскога Славенскогъ на Србскій языкъ преведена, и сложена по начину юначких наших народных пѣсама, съ доданымъ примѣчаніемъ.

По изданію Михаила Максимовиѣа — Кіевъ 1837. првый путь издана у Голубици год. 1842. — а садъ прегледана и исправлѣна по изданію Николая Гербе ля — С. Петербургъ 1854.

Небы ли намъ, браѣо, лѣпо было,
Тужну повѣсть полка Игорева,
Та Игоря Светославлѣвиѣа, ¹⁾
Започети сада старымъ рѣчма?
Но почети ту пѣсну онако,
Као што су управъ дѣла была,
А не Боянъ како бѣше смышляо?
Боянъ вѣштый кадь е коме пѣв'о,
Онъ с' носио умомъ по дрвеѣу,
10 Па по земли ка'но сурый вуче,
Ка'но ор'о летеѣ' подь облаке.
Кадъ поведе рѣчь о рату старомъ,
Онда пушта десеть соколова,
А на ято бѣлых лабудова.

Како кои соко' долеташе,
Тако пѣсну онъ напредъ пояше :
Или старомъ ономъ Ярославу, 2)
Или храбромъ ономъ Мстиславу, 3)
Што посѣче Редѣју предъ войскомъ,
20 Та предъ войскомъ ономъ башъ Касожскомъ,
Ил' Роману красномъ Светславльиѣу.
А то Боянъ, браѣо, непушташе,
Непушташе десеть соколова,
А на бѣло ято лабудова,
Веѣ меташе свое вѣште прсте,
Вѣште прсте а на живе струнѣ,
Кое славу кнезим' издаваше.

Айд'те, браѣо, да мы започнемо
Одъ старога повѣсть Владимира,
30 Па до овогъ садашнѣгъ Игоря,
Кой изтегну умъ са снагомъ своіомъ,
И поштри срдце са юначствомъ,
Напунивши с' онъ духа ратнога,
Свое храбре полке изводио
За границу свое Русске землѣ,
Наводеѣ' их на землю Половску.

Тад' погледа Игоръ свѣтло сунце,
Ал' одъ сунца тама се прострла,
Те сву войску бѣше покрывала;
40 Па бесѣди онъ дружини своіой :
„Чуйте браѣо, и дружино моя!
„Болѣ намъ е сада изгинути,
„Него пасти у робство душманомъ :

„Да яшимо наше брзе конѣ,

„Да мы синя Дона сагледамо.“

То е кнеже онда пожелю,

Па у жельи онъ е предвидю,

Да ће сгледат' Дона великога,

„Я ѣу, рече, копѣ обломити

50 „На краини поля Половачкогъ,

„Съ вама, Руси, мои соколови,

„Хоѣу мою изгубити главу,

„Илъ се Дона я шлемомъ напиги.“

О Бояне, нашъ славуу вѣштый,

Ты славуу оногъ старогъ доба!

Ты када бы ове полке пѣв'о,

Као славуу скачуѣ по дрвеѣу,

Гдѣ се мысли роеѣ разраю,

Умомъ летеѣ подъ облаке тамне,

60 Извигиюѣ славе съ обѣ поле,

Съ обѣ поле онога времена,

Носеѣи се Трояновымъ путемъ,

Преко поля на горе дижуѣи с';

Ты бы 'вако пѣсну запѣвао

Томъ Игору, Олговомъ унуку:

„Ей, буря соколе занесе

„По поляма широкима,

„Чавке бѣже ятама

„Къ Дону великому.“

70 Ил' бы 'вако пѣсну започео

Вѣштый Боян', Велесовъ унуче⁴⁾:

„Коньи хржу изза Суле,

„Звони слава у Кієву,
„Трубе трубе у Новоме граду,
„Стое стѣзи у Путивлю.“

Игоръ чека брата Всеволода ⁵⁾,
Нѣму вели Буй Туръ Всеволоде :
„О мой брате, мой единый свѣте,
„Обоица мы смо Светславиѣи!
80 „Сѣдлай, брате, твое брзе конѣ,
„Мои су ти веѣ сасвимъ готови,
„Осѣдлани веѣ стое у Курьскомъ ;
„Куряни су мои ти познати,
„Какови су они добри момци,
„Подъ трубама они повияни,
„Подъ шлемима есу одлюляни,
„Юште врхомъ копя одранѣни;
„Сви путови нѣима су познати,
„И яруге врло добро знане,
90 „Луци у нѣих есу натегнути,
„Тули стое свагда отворени,
„Саблѣ су имъ здраво изоштрене,
„Они скачу ка'но сури вуци,
„Себи чести, кнезу славе тражеѣ.“

Игоръ ступи на стремена златна,
Па пояха по полю чистому.
Сунце тамомъ путъ му изиречило,
Па ноѣ стенѣ, птице узбуѣуе,
Те га страше, грозомъ нападаю.
100 Стои врисакъ звѣря у пустинѣи,
И дивѣ кликѣ по врху дрвеѣа,

Да саслуша земля непозната
Око' Волге, приморя и Суле,
На Сурожу, па и на Корсуню,
Юштѣ кумире да и ты послушашь,
Ой кумире ты Тмутороканьскій.
Ал' Половци брзо побѣгоше
Странпутицам' къ Дону великому.
Стои шкрипа кола' у попоѣи,
110 К'о лабуди кадь су расплашени.
Игоръ войску къ Дону доводио;
Али птице бѣде предсказую,
Вуци грозомъ страже по яругам',
И звѣрове орли дозиваю
Своимъ гласомъ на кости юначке;
Лиси лаю на штите црвене.
Русска земльо! Веѣ си за планиномъ.
Ноѣ е мркла, свѣтлостъ изчезнула,
Магла поля веѣе притиснула,
120 Гласъ славуя' сномъ е уснав'о се,
Чавчи се гласи пробудили.
Русаци су поля заградили
Дуга поля црвеним' штитима,
Себи чести, славе кнезу тражеѣ'.
Па зарана у ютру у Петакъ
Ударише на погане полке,
На погане полке Половачке;
Разсуше се полѣмъ ка'но стрѣле,
Потискоше дѣве Половачке,
130 И са нѣима злато и одѣло,

Скупоцѣнне къ томе оксамите.
Са ортмама и япончицама,
И съ кожусы мосте помостише,
И съ другима сваким' узорцима,
По блатишту и мѣстам' глибовним'.
У храброга есте Светславльиѣа
Стѣгъ црвеный са заставомъ бѣломъ,
И челенка лѣпа црвеника,
И юштъ свѣтло сребрно оружѣ.
140 Но Олгово храбро гнѣздо дрема,
Коено се далек' залетѣло.
Нероди се оно на обиду
Нит' соколу, а нити ястребу,
Нити теби, о црный гавране,
Црн' гавране, поган' Половчане.
Гзакъ побѣже ка'но сурый вуче ⁶⁾,
А Кончакъ му пута отвараше,
Отвараше къ Дону великому.
Кады другій данъ ютро освануло,
150 Ал' крвави зраци свѣтъ являю;
А одъ мора црный облакъ иде,
Да четьри сунца онъ покрыве.
Изъ облака синѣ мунѣ сиплю,
Грмлявине велике ѣе быти,
Бытѣ дажде одъ сильных стрѣла',
Сильных стрѣла' съ великога Дона.
Ту ѣе с' копя силна поломити,
И саблѣ се оштре потупити
О шлемове оне Половачке,

160 А на рѣци тамо на Каяли
Кодъ онога Дона великога.
Русска земльо! Веѣь си за планиномъ.
Ето вѣтри, унуци Стрибожски,
Съ мора с' вию на полкове храбре
Игореве са стрѣлама многим';
Земля тутъи, рѣке теку мутно,
А прашиномъ поля с' покрываю;
И баряци веѣе показую:
Да Половци долазе одъ Дона,
170 И одъ мора, и одъ свию страна'.
Русске войске сада одступише;
А изроди вражѣи наступише,
И сва поля викомъ притиснуше;
А и Русси храбри преградише,
Преградише црвеним' штитима.
Ты Ярѣ Туре, храбрый Всеволоде!
Ты се држишь юначки у бою,
На войнике прштишь са стрѣлама,
И ты лупашь шлеме са мачима,
180 Са мачима оним' желѣзнима.
Куда скаче Туре Всеволоде,
Засвѣтливший своимъ шлемомъ златнымъ,
Тамо леже главе Половачке,
И Оварски шлеми разлупани
Са сабляма оним' калѣнима,
А одъ тебе Ярѣ Турѣ Всеволоде.
О! каква е, Браѣо, рани цѣна,
Бадь се животъ и честь заборавля,

Градъ Черниговъ, отчинъ златный престолъ,
190 Мила желя прекрасне Глѣбовне 7),
И завичай, па и свой обычай?
Были вѣци, па прошли, Троянски,
И прошла су лѣта Ярославска;
Проше войске Олга Светславльиѣа 8).
Олегъ овай мачемъ буне кова,
Буне кова, земльомъ стрѣле сѣя.
Онъ се диже на высину златну
Там' у граду у Тмутороканю.
Тако слуша звона Ярославе,
200 Ярославе вельій и давнашній;
А Владимиръ, Всеволодовъ сыне 9),
Свако ютро уши запушаше,
Запушаше там' у Чернигову.
А Бориса Вячеславльвиѣа 10)
На судъ слава есте доводила,
И пружила на зелен-канину,
За обиду Ол'гу учинѣну,
Ол'гу храбромъ и младоме кнезу.
И са ове іошть исте Каяле
210 И Светополкъ есте уредио 11),
Да доведу отца изъ Угара',
Изъ Угара' оных туѣеродных,
У Кіево ко светой Софії.
А подъ Ол'гомъ Гориславльвиѣемъ 12)
Сѣяле се распре и растиле;
Животъ гину Даждбожя унука,
И вѣци се людма скраѣиваше

У опима кнезовским' распрама.

Рѣдко с' онда гласи разлегаше

220 Одъ ратара' а по Русской земљи :

Но еднако гаврани гракаше,

Измеѣ' себе трушине дѣлише;

Юшть и чавке чавчеѣ' говорише,

Хотеѣ' летѣт' тамо на еденѣ.

То е было у ратови' они',

То с' чинило у войскама оним';

Ал' овака рата нечувено :

Лете стрѣле одъ ютра до мрака,

А одъ мрака до бѣлога данка;

130 Бритке саблѣ о шлемове грме,

И тресу се копя убоита,

А у дальномъ у незнаномъ полю,

Усредъ землѣ оне Полочачке.

Црна земля подъ копытам' лежи,

Костима е она посѣяна,

Сва е крвлю юште поливена,

А на тугу по Руссiйску землю...

„Шта ми шуми, шта ми звони,

„Тако рано пріе зоре?

240 „Игоръ войску то повраѣа

„Жао нѣму брата мила,

„Мила брата Всеволода. *)

---

*) Что ми шумитъ, что ми звенитъ
Давеча рано предъ зорями?
Игоръ пѣлки заворочаетъ;
Жааль бо ему мила брата Всеволода.

Ово ми се чини да непринадлежи у редъ ове повѣсти, и показуе се као почетакъ нѣке друге нѣсме оvdѣ уметнутъ.

- Єданъ данъ се васданъ они бише,
И другій се они данакъ бише,
И трецій се данъ бише до подне,
Тад' падоше Игоревѣ стѣзи.
Ту се браћа онда разставише
А на брегу те Каяле брзе.
Ту педоста вина крвавога;
250 Храбри Руси часть су довршили:
Они свате есу напоили,
Ал' и сами есу полегали,
Полегали за землю Руссійску.
Клону трава одъ жалости тежке,
Дрво тугомъ къ земљи с' оборило.
Єръ веѣ тужно наста, Браћо, време,
Пустинѣ е силу веѣ покрыло.
И веѣ е устала обида
У силама Даждбожя унука,
260 Наступила на землю Троянску,
Наступила к'о пагубна дѣва,
Лабудовы крылы затрескала,
Затрескала на синѣму мору,
Синѣмъ мору и ономе Дону:
Тежко време есте пробудила.
Ратовати Кнези престали су
На погане на душмане свое.
Єръ братъ брату 'вако говорио:
То е мое, а и то е мое;
270 Тако кнези сташе говорити,
Па малено држат' за велико,

Те на себе сами кавгу коват':
Поганици на то долазише,
Са свих страна' они продираше
Съ побѣдама на землю Руссійску.

Ой! далеко соколе заиђе,
Птице гонеѣ' ко синѣму мору:
Али неѣе више васкрснути
Она войска храброга Игоря.

280 Карна и Жля ню су окупили ¹³),
На Русску су землю насрнули,
Поморѣ носеѣ' у пламенномъ жару.
А Русске су жене заплакале,
И плачуѣи 'вако нарицале:
„Ей не'ма намъ наших милых драгих,
„Нит' ѣемо их у мысли смыслити,
„Нити умомъ кадгодъ сатворити,
„Ни очима веѣе сагледати,
„Златомъ, сребромъ нити с' нажитити.“

290 Тако Кіевъ тугомъ протужио,
И Черниговъ, Браѣо, напастима;
И жалость се свуда разливала,
Разливала по свой Русской земљи;
Тежка печаль свуда протицала,
Протицала средъ землѣ Руссийске.
А кнезови сами с' заваѣаше,
А погани на то нападаше,
Съ побѣдама землю Русску треше,
Па іой іоште данакъ наметнуше,
300 Све по бѣлку одъ свакога двора.

Бра храбри ови Светславльићи,
Ньих двоица Игоръ и Всевладе,
Зло су саде оно пробудили,
Што имъ отаць бѣше успавао,
Грозный Светславъ великій Кіевскій.
Гроза бѣше, онъ трепеть задава
Съ силномъ войскомъ и съ огнѣны мачи;
Онъ удари на землю Половску,
И прегази брда и яруге;
310 И узмути рѣке и езера;
И изсуши блата и потоке,
Па изтрже погана Кобяка,
Ка'но вихоръ изъ морскога лука,
Оте нѣга одъ желѣзне войске,
Та одъ войске оне Половачке:
Паде Кобякъ сужанъ у Кіеву,
И у двору Светославльвومه.
И ту Нѣмци, съ нѣима Венедици,
Ту и Грци, съ нѣима и Моравци,
320 Славу пою ономъ Светославу,
Каю кнеза овога Игора,
Што е войску силну утопио
У Каялу рѣку Половачку,
Засипавши ню са Русскимъ златомъ.
Ту остави кнеже седло златно,
А онъ пре'ѣе у седло сужника:
На градови' стѣне унѣиваше,
А веселѣ никомъ понукнуло.

А Светославъ смутанъ санакъ снιο,
330 Санакъ снιο, у санку видио,
И санакъ е 'вако казивао :
„Съ вечера ме ту ноѣ одѣвасте
„Са покровомъ црнымъ на кревету,
„На кревету ономъ тисовоме.
„Други мене виномъ напоише,
„Црнымъ виномъ са жучю смѣшанымъ,
„У крыло ми бисеръ просипаше,
„Бисеръ крупный поганыхъ школькй,
„Просипаше са тулима таштим',
340 „Па ме лѣпо онда неговаше.
„Остадоше даске безъ слемена
„У момъ трему са врховы златны.
„Враж'и врани сву ноѣ одъ вечера
„Гракали су у Плѣнскомъ на дрвлю,
„У Кисаньской были су дубрави,
„Нит' се сишли ко синѣму мору.“
А Бояри кнезу бесѣдили :
„Веѣъ е туга умъ намъ заузела.
„Два сокола ерѣ су салетѣла
350 „Са отчина злаѣена престола,
„Да поишту Тмурокань' града,
„Ил' с' напую шлемомъ оногъ Дона.
„Ал' соколма крыльца осѣчена,
„Осѣчена саблям' поганика',
„Па падоше у пута желѣзна.
„Ера тамно треѣй данъ быяше :
„И два сунца тамомъ помркоше,

„Два црлѣна стуба угаснуше,
„И са нѣма два млада мѣсеца,
360 „Два мѣсеца, Олегъ и Светославъ;
„У таму се они обукше.
„Пала тама на рѣци Каяли,
„На Каяли свѣтъ е притиснула;
„По Русской се земљи простирали
„Све Половци к'о пардово гнѣздо;
„Па на мору браћа пропадоше,
„Велю дрзость Хину подадоше.
„Садъ се снесе хула на похвалу,
„И већъ тресну нужда на слободу;
370 „Дивъ се врже на землю Руссійску.
„Ерѣ на брегу тамо синя мора
„Запѣваше Готске дѣве красне;
„Звонећ' Рускимъ златомъ оне пою,
„Оне пою то време Бусово,
„Шароканю освету питаю ¹⁴);
„А мы друзи жедни смо веселя.“

Ал' великій Светославъ бесѣди,
Онъ бесѣди златне свое рѣчи,
Збори рѣчи, сузама с' облива :
380 „Мои сынци, Игоръ и Всевладе!
„Рано есте вы почели цвѣлит',
„Мачим' цвѣлит' землю Половачку,
„И за себе славу поискати.
„Ал' одолѣт' съ честю немогосте,
„Крвь погану съ честю непролисте.
„Храбра су вамъ срдца сакована,

„Сакована у ковници лютой,
„Па дрзостю есу прекалѣна.
„Заръ то одъ васъ да дочекамъ саде,
390 Та у моіой сребрной сѣдини!
„Веѣъ невидимъ власти Ярослава,
„Брата мога силна и богата,
„Многобойна съ людма Черниговскимъ,
„Съ Могутима и са Татранима,
„Са Шельбиры и са Топчацима
„Съ Ревузима и са Ольберима.
„Съ ятаганы они безъ штитова
„Подвикуюѣъ войске побѣжую,
„Пѣваюѣи у славу прадѣдку.
400 „Али вы сте 'вако говорили :
„Айд'те сами да се опремимо,
„Да мы славу прву преотмемо,
„И последню сами подѣлимо.
„Дивно л', Браѣо, стару подмладити с' ?
„Када соко' перѣ свое скида,
„Онъ високо тад' птице одбиа,
„Нити дае гнѣзда на обиду.
„Ал' е то зло, што е одъ кнезова,
„Што ми одъ нѣих помоѣъ недолази;
410 „Ей, времена на зло с' окренула.“

Ет' у Риму вичу подъ сабляма,
Подъ сабляма оним' Половачким',
А Владимиръ лежи подъ ранама,
Туга, жалость за Глѣбова сына.
О великій кнеже Всеволоде ¹⁵⁾!
Да ти бѣше мышлю прелетѣти,

Да златъ престолъ ты отчинъ сачувашь;
Ты мож'шь Волгу веслам' разплюскати,
А и Дона шлемим' изцрпити.
420 Ты да си се тамо удесно,
По ногатъ бы робиньца была,
А робова и по резань доста.
Ты ерь можешь на суву стрѣляти
Живим' стрѣл'ма, съ вретны сынцы Глѣба ¹⁶⁾.
Ты Давиде и смѣлый Руриче ¹⁷⁾!
Нису л' ваши у крви пливали
Са шлемима оним' злаћенима?
Нису л' ваши они храбри друзи
Там' рыкали ка'но и быкови,
430 Изранѣни саблям' калѣнима,
Изранѣни на полю незнаномъ?
Дижите се до два господина,
Дижите се у седло злаћено
За обиду онога времена,
А за милу за Русійску землю,
И за ране оне Игорева,
И дрзостна оногъ Светславльиѣа!
Ярославе, Галичк' Осмомысле!
Ты високо сѣдишь на престолу,
440 Твомъ престолу златокованоме.
Подупр'о си ты угарске горе
Желѣзнима твоима войскама,
Пута краю ты си препречио,
И Дунаву затворио врата,
Непогоде меѣуѣ' крозь облаке,

Ређаюћи лађе по дунаву.
Грозе твоје по земляма теку;
Ты отворашь и Кіеву врата;
Юште стрѣляшь на землѣ Салтана,
150 Са отчина златнога престола.
Стрѣлай, стрѣлай, Господине драгій!
Тогъ Кончака, погану мрцину,
На освету той земљи Русійской,
И за ране оне Игореве,
И дрзкога оногъ Светславльића.
Мстиславе, и дрзкій Романе 18)!
Храбра мысао умъ вашъ къ дѣлу носи,
Дрзко летишь ты у высъ на дѣло,
Ка'но соко' е' на вѣтрима ширек',
460 Дрзко птици одолѣт' желећи;
Єрь су у васъ оклопи желѣзни,
Подъ шлемима опим' латинскимма.
Потресе се одъ нихъ земля црна,
А и многе те Хинове стране.
Къ томе Литва, Ятвези, Дер'мела,
И Половци коня повргоше,
Повргоше, главе подклонише,
Свое главе а подъ маче люте.
Но кнезови! Шта е ово саде?
470 Свѣтло сунце Игору е' угаси,
Лишѣ паде съ дрва безъ плодова:
И градове они подѣлише
По Руссиі, и тамо по Сули.
Игореве храбре войске не'ма,

Не'ма войске, неће васкрснути.

Донъ ти виче, кнеже, и дозива

На побѣду све кнезове редомъ.

Олговићи кнези dospѣли су,

На бой храбрый они долетѣли.

480 О Ингваре, па и Всеволоде,

И вы сва три Мстиславльвића,

Шестокрылци не худога гнѣзда,

Непобѣдним' што сте жребіяма

Међу собомъ власти подѣлили.

На што вама ваши шлеми златни,

На што штити, а и копя Ляцка?

Заградите ономъ полю врата

Са оштрима своима стрѣлама

За Русійску землю, и за ране

490 Игорева, дрзкогъ Светславльића.

Та ни Сула већь тамо нетече

Оним' своим' сребрним' струяма,

Та струяма къ граду Преяславлю,

А и Двина сада блатомъ тече,

Блатомъ тече Половчаномъ грознымъ,

А подъ викомъ оных поганника'.

Текъ Изяславъ, сыне Васильковый,

Самъ удара своимъ оштрымъ мачемъ,

Оштрымъ мачемъ о племе Литовске;

500 Онъ затрпа славу дѣда свога,

Дѣда свога, онога Всеслава,

А самъ оста на кровавой трави

Подъ штитима оним' црвенима,

А сагублѣнъ мачимъ Литовскима.
Када ову онъ постелю доби,
Овако е кнезу говорио :
„Ето теби, кнеже, заодѣше
„Птице крылы дружиницу твою,
„А звѣрови кровь іой полизаше.“
510 Ту небыло брата Брячеслава,
Ни другога оногъ Всеволода.
Самосамъ е душу изпустио,
Бисер-душу изъ храброга тѣла,
А крозъ златну ону огрлячу.
Гласови су саде умукнули,
И веселѣ никомъ поникнуло.
Затрубили трубе Городеньске.
Ярославе, и вы сви унуци
Всеславови, стѣге приклоните,
520 Ваше маче меѣте у корице,
Ваше маче оне окрзане.
Ерѣ изъ славе вы веѣъ изпадосте,
Изпадосте изъ дѣдовске славе.
Ерѣ вы вашимъ распрама почесте
Наводити оне поганнике,
Поганнике на землю Руссійску,
И на животъ онога Всеслава.
Какво бѣше онда насиліе,
Насиліе одъ землѣ Половске! — —
530 У седмоме вѣку Трояновомъ
Всеславъ врже жребій о дѣвицу,
О дѣвицу за себе любовцу.

Онъ посѣде коня виловита,
Подупре се ка'но на штакама,
Па онъ скаче ко Кіеву граду,
Престола се златна дотакнуо
Кіевскога оружіемъ своимъ.
Одъ нѣх скаче ка'но лютый звѣре
У поноћи изъ Бѣлога Града,
540 Па се носи онъ по магли синьой,
А у ютру съ овномъ стѣнобойцемъ
Онъ отвори врата Нова Града,
И разметну славу Ярослава,
Юште скаче ка'но горскій вуче
Ко Немизи тамо са Дудуткій,
На Немизи али снопе слажу,
Снопе слажу одъ людскихъ глава',
И цѣпама млате гвозденима,
А на гумну ондѣ животъ вуку,
550 И одъ тѣла они душу вѣю.
А брегови Немизе крвави,
Они нису благомъ посѣяни,
Већь костима Руссійскихъ сынова.
Всеславъ кнеже судъ судио людма,
И дѣлио кнезовима граде,
А самъ ноѣю к'о вукъ тумараше;
Одъ Кіева тамо допираше
До дворова Тмутороканьскихъ;
Грдномъ Хрсу онъ путъ претицаше ¹⁹⁾,
560 Претицаше ка'но горскій вуче.
Нѣму рано звона су зонила

На ютреню у Светой Софіи;
А самъ слуша звона у Кієву.
Вѣшта душа ако є и была,
Вѣшта душа у другу у тѣлу,
Опетъ често бѣде є трила.
Нѣму вѣштый Боянъ поѣв'о є
Првый пѣсму 'вако починаюћи :
„Ни хитаръ ни искусный,
570 „Да с' извѣя к'о птица,
„Суда Божя неизбѣже.“ *)
Юште Боянъ пѣва и походе
На Светелава, ка'но Коганъ пѣваць
Старогъ доба оногъ Ярослава
Олговића, 'вако починаюћи :
„Тяжко ти си глави безъ рамена',
„И зло тѣлу есте безъ главе : **)
Русской земли тако безъ Игоря.
О тяжкога яда Русской земли,
580 Кадъ с' првога времена сѣтимо,
На кнезове прве помыслимо.
Недаде се старый Владимире
Приковати за горе Кієвске :
А одъ нѣга стѣзи Рурикови
Сада сташе, па и Давидови;

---

*) Ни хитру ни горазду
Ни птицею горазду
Суда Божія неминути.

**) Тяжко ти головѣ кромѣ плечю ;
Зло ти тѣлу кромѣ головы.

Рого носеѣ' они врхомъ ору,

А копія пою на Дунаву.

Ярославкинъ гласъ се сада чуо²⁰);

Кукавица немож' закукати,

590 К'о што ютросъ она закукала :

„Полетитѣу ка'по кукавица,

„Полетитѣу низъ тихо Дунаво,

„Умочитѣу я рукавъ одъ видре,

„Умочитѣу у Каялу рѣку,

„Па ѣу кнезу ране утирати,

„Утирати те ране крѣаве

„На жестокомъ нѣговоме тѣлу.“ *)

Ярославка плаче у Путивлю,

Рано плаче, беденомъ нариче :

600 „Ой вѣтре вѣтрило, зашто силно вѣешь ?

„Зашто носишь стрѣле ты оне Хиновске,

„На твоёмъ лагкомъ крылцу на могъ драгогъ войску?

„Заръ е мало гора' подъ облаке вѣяти,

„Люляюѣи лаѣе на синѣму мору?

„Зашто мое веселѣ по ковилю развѣя ?

Ярославка рано плакала е

У Путивлю граду на бедену,

У плачу е 'вако говорила :

„Ой ты Диѣпре, гласовитый Диѣпре!

610 „Пробио си ты каменне горе,

---

*) Полечю зегзицею по Дунаеви ;

Омочю бибрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ ;

Утру князю кровавыя его раны

На жестоцѣмъ его тѣлѣ.

„А крозъ землю ону Половачку.

„Ты си лађе на себи носио

„Светславѣве къ войсци Кобяковой.

„Дай донеси мени мога драгогъ,

„Да я рано непошилѣмъ суза’,

„Къ нѣму суза’, а на море синѣ.“

Ярославка рано плакала в

У Путивлю граду на бедему,

И крозъ плачь в ’вако говорила :

620 „Ой ты свѣтло и пресвѣтло сунце!

„Свима тепло и прекрасно еси :

„Зашто пусти ты лучу палеѣу

„На драгога моего войника?

„Зашт’ у полю ономъ безводноме

„Съ жеѣю луке ты нѣма сапреже,

„И напуни тугомъ нѣине туле?“ —

У поноѣ се море уплюскало,

Вихори се дигли у маглама;

А Игору Богъ пута показа

630 Изъ Половске землѣ у Русійску

Ка отчину златноме престолу.

На вечерь се свѣтлость угасила.

Игоръ спава, Игоръ и неспава,

Игоръ поля у мыслима мѣри,

Одъ великогъ Дона па до Донца.

Коньницъ му в готовъ у поноѣи.

А Овлуръ му звиждну изза рѣке ²¹⁾,

Изза рѣке кнеза опомынѣ.

Игоръ кнеже нѣму с’ неодзива.

640 Тад' онъ викну да се земля тресла,
И одъ гласа трава зашустала.
И Половцим' веѣе с' подигоше.
А кнезъ Игоръ брзо поскочио
Ка'но видра къ риту похитао,
Бѣла патка на воду наплив'о.
Онъ се врже на брза коньница;
Съ нѣме скаче ка'но горскій вуче,
И потече къ луку мала Донца,
И полети ка'но соко сивый,
650 Кадъ се вие подъ облаке густе,
Хватаюѣи гуске и лабуде,
За ютреньку, обѣдъ и ужину.
Кол'ко Игоръ к'о соко полеѣе,
Тол'ко Овлуръ потече к'о вуче,
Собомъ воду брчкаюѣи хладну,
Потргоше свое конѣ брзе.
Ал' бесѣди Донаць : „Игоръ кнеже!
„Доста теби есте величїя,
„И Кончаку доста огорченя,
660 „Земљи Русской доста е веселя.
Игоръ нѣму на то одговара :
„Доста теби, Донче, величїя,
„Што си кнеза на волнама люляо,
„Нѣму стер'о зелену травцу
„На сребрным' твоим' бреговима,
„Што си нѣга топлиномъ одѣвао,
„А подъ сѣнкомъ зелена дрвета,
„Чувавши га к'о патку на води,

„И к’о шайке на буйним’ струяма,
670 „И к’о црнадъ на брзим’ вѣтрима.
„Така, вели, ние рѣка Стугна,
„Коя воду незгодну имаде,
„Прогутавши туђе поточиѣ,
„Те чунове у шипрагъ заплела,
„Младомъ кнезу ономъ Растиславу ²²⁾
„Днѣпаръ пута къ брегу затворио.
„Заплакала мати Растислава
„А за младымъ кнезомъ Растиславомъ.
„Клонуло е цвѣѣ одъ жалости,
680 „Дрвлъ тугомъ къ земљи с’ приклонило.“
Свраке онда нису закректале.
Гзакъ съ Кончакомъ за Игоремъ лети.
Па тад’ врани нису гракотали,
Чавке муче, свраке некрекеѣу,
Текъ дѣтлиѣи по плазинам’ скачу,
И путь къ рѣци гласомъ показую.
А славуи весело пѣваю,
И пѣснама свѣтлость обявлюю,
Гзакъ Кончаку тихо бесѣдио :
690 „Када соко’ своме гнѣзду лети,
„Дай соколче да мы устрѣлимо
„Злаѣенима нашима стрѣлама!“
Кончакъ Гзаку ’вако одговара :
„Када соко’ своме гнѣзду лети,
„Да соколче мы тад’ оженимо,
„Оженимо лѣпотомъ дѣвойкомъ.“
„Ал’ Кончаку Гзакъ е говорио :

„Ако нѣга мы садь оженимо,
„Оженимо лѣпотомь дѣвойкомь,
700 „Нити ѣмо имати сокола,
„Нити имат' лѣпоте дѣвойке,
„Но ѣ птице насъ почети бити
„Усредъ поля нашегъ Половачкогъ.“

Сунце ярко свѣтли на небеси,
Игоръ кнеже на земли Русійской.
И дѣвойке пою на Дунаву,
Оре с' гласи моремь до Кіева.
Игоръ оде преко Боричева
Там' ко светой ко Богородици
710 Пирогоштой. Радую се землѣ,
И градови сви се веселили,
Пѣваюѣи пѣсму старымъ кнез'ма,
Старымъ кнез'ма, на после и младымъ.
Игору буд' слава Светславльиѣу,
И Буй-Туру опомъ Всеволоду,
Владимиру юшть Игоревиѣу!
Здрави были кнези и дружина,
За Христяне што бию погане.
Кнез'ма слава, а дружини аминь! —

а) Примѣтбе по Николаю Гербелю.

1. Игорьъ Святославичь, Кнезь Новгородо-Сѣверскій, сынъ Святослава Ольговића Черниговскога. Онъ е предметъ овога Слова или Пѣсме. Сѣдио е у Новгородо-Сѣверскомъ.
2. Ярославъ Святославичь, братъ Олега Тмутороканьскога и Романа Святославича краснога.
3. Мстиславъ Владимировичь Тмутороканскій, дѣдъ Олеговъ. Онъ е год. 1022. на мейдану убио великаша Касожскога кнеза Редедю, и заробио му жену и дѣцу. — Романъ Святославичь, роѣный братъ Олега Тмутороканьскога, Игорева дѣда. Погинуо 1079. год.
4. Велесъ, Богъ скотоводства.
5. Всеволодъ Святославичь Курскій и Трубечевскій; млаѣій братъ Игоревъ.
6. Гзакъ и Кончакъ — хани Половачки.
7. Ольга Глѣбовна, супруга Всеволодова, кѣи кнеза Глѣба Юрьевича Кіевскога, и сестра Владимира Глѣбовића Переяславскога.
8. Олегъ Святославичь быо е главный виновникъ раздора и меѣусобногъ ратованя онога времена.
9. Владимиръ Мономахъ.
10. Борисъ Вячеславичь, сынъ Вячеслава Ярославича Смоленскогъ. Погинуо год. 1078. у бою кодъ села Нѣжатињ (Нѣжинъ).
11. Святополкъ Изяславичь, сынъ великога кнеза Изяслава, кои е погинуо на ниви Нѣжатиной.
12. Олегъ Гориславичь (Святославичь). Гориславичь названъ одъ Рогнѣде, супруге Владимира I. коя се Горислава звала.
13. Жля и Карна, хани Половачки.
14. Шароканъ, предводитель еданъ Половачкій.
15. Всеволодъ Юрьевичь, великій кнезь Владимирскій.
16. Сынови Глѣбови — кнезови Рязански — Романъ, Игорьъ, Владимиръ, Всеволодъ и Святославъ Глѣбовићи, кои су

год. 1180. признали Всеволода кнеза Владимирскога за Главара свога.

17. Давидъ и Рурикъ, Ростиславићи, унуци Мстислава великога.

18. Мстиславъ Ярославичъ, сынъ Ярослава Луцкога. Романъ Мстиславичъ, кнезь Владимирскій.

19. Хрсь (Хорсь), Богъ брзине.

20. Ярославна — Евфросинія Ярославна, кћи кнеза Ярослава Владимировића Галичкога, друга супруга Игорева.

21. Овлуръ или Влуръ (одъ Лѣтописца названъ Лаверъ или Лавръ) быо е Половацъ, коєга е мати была Рускиня, и онъ е Игору поднео услуге свое.

22. Растиславъ Всеволодовичъ, сынъ Всеволода и Анне, кћери хана Половачкога, и братъ Владимира Мономаха. Овай младый кнезь после несрећне битке съ половцима, бѣжећи да у робство непадне, баци се у рѣку Стугну да преплива, но тежко оружје доле га одвуче, и онъ се утопи. Было му е онда само 22. године.

б) Кратко извѣстіе о овомъ слову по Николаю Гербелю.

Ово Слово (пѣсна) о полку Игоревомъ нашао е 1795. год. Мусинъ-Пушкинъ у едномъ старомъ Сборнику. Прво е извѣстіе о томе учинѣно у „Spectateur du Nord за год. 1797. а издано е одъ пѣга 1800. год. у Москви. Одъ тога времена па до данасъ више пута' су и Руси на Русскій езыкъ, а и други на странне езыке то преводили и у бесѣдномъ и у спѣвномъ слогу, и више су нѣх то и толковали и у редъ ставляли, и разнога мнѣнія о томе бивали.

Русских перевода' има досадъ 16. и то седамъ у бесѣдномъ, а деветъ у спѣвномъ слогу. Бесѣднымъ слогомъ преводили су : 1) Мусинъ-Пушкинъ, са А. Ѡ. Малиновскимъ и Бантишъ-Каменскимъ год. 1800. 2) А. Шишковъ 1805. год. 3) Яковъ Пожарскій 1819. 4) Николай Грамматинъ 1823. 5) Александеръ Вельтманнъ 1833. 6) Михаилъ Максимовиъ 1837. 7) Дмитрій Дубенскій 1844. — Спѣвнымъ слогомъ преводили су : 1) Сѣряковъ 1803. 2) Александеръ Палицынъ 1807. 3) Язвицкій 1812. 4) Иванъ Левитскій 1813. 5) Николай Грамматинъ 1821. 6) Михаилъ Де ла Рю 1839. 7) Минаевъ 1846. 8) Л. Мей 1850; и ево наипосле 9) Николай Гербель 1854.

Одъ превода' на странне ѳзыке найпознатіи есу : 1) Нѣмачки — одъ Юнгманна 1810. одъ Мюллера и пастора Зедерхолма 1825 — 2) Французски — одъ барона Екштайна, и Бланшарда 1823. 3) Польски — одъ Кухриана Годабескога и Августина Бѣлевскогъ 1833. 4) Чешски — одъ Вячеслава Ханке 1821.

У извѣстію своме Гербель е и Србскій преводъ напоменуо; и навео е почетакъ свію Русских перевода' осимъ еднога Язвицкога, коега, каже, нигдѣ ние могао на'ћи, да бы се изъ овога одъ прилике начинъ разновиданъ превођеня видити могао. Примѣтио е далъ, да су многи списатели око те древности задржавали се, и ню филологично обяснявали и критично испытывали, између коих су : Малиновскій, Бантишъ-Каменскій, Калайдовиъ, Тимовскій, Ермолаевъ, Карамзинъ, Полевой, Болтинъ, Бутковъ, Востоковъ, Погодинъ, Шевыревъ, Руссовъ, князь

Вяземскій, Глаголевъ, Снегиревъ, Сахаровъ, Головинъ, Туловъ; а између иностранца: Добровскій, Шлецеръ, Шаффарикъ, Вишневскій, Гай, и многи други.

Да бы и Србљи древность ову Славенску познали, я самъ 1842. год. исту на Србскій языкъ превео, и за уши Србске по начину юначких наших пѣсама десетосложных удесио, и у Голубици за год. 1842. печатао, заедно са мнѣніемъ моимъ о истой древности, кое и садъ ево додаемъ.

в) Моє мнѣніє о овой пѣсни (слову) о полку Игоревомъ.

Производъ овай XII. вѣка, я мыслимъ, не може се сматрати као пѣсна народна онога вѣка. Изъ свега садржанія види се, да е то повѣсть о полку Игореву, кою е морао написати каковый монахъ онога вѣка; еръ онъ самъ таки у почетку опоминѣ, да онъ неће писати пѣсню, као што е чинио Боянъ, кои е као пѣснопѣвацъ познатыи (на 100 година' пре живившій) пѣвао пѣме старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Роману Светославићу. Боянъ е, вели онъ, много самъ измышлявао, а я ћу да пишемъ повѣсть о полку Игоревомъ онако, као што се управъ догодило. Но при свемъ томъ онъ е врло обузетъ быо пѣсама Бояновимъ и нѣювимъ красотама, зато ние могао избѣћи, да у своіой повѣсти нѣгова израженія,

гдѣ бы му се згодна чинила, неупотреби. Онъ описуе повѣсть свою овако :

„Небы ли лѣпо было, Браћо, написати старымъ языкомъ повѣсть о трудима дѣлима полка Игорева, Игоря Светславића? но написати пѣсню онако као што се стварь догодила, а не као што е Боянъ измышлявао, Ёръ Боянъ вѣштый, кадъ бы коме пѣсму спѣвати хотѣо, онъ е летио мыслима по древеѣу, са силнимъ вуцима по земљи, и сивимъ орловима подь облаке“ — и т. д.

Подь старымъ языкомъ неможе се другій разумѣти но црквено-библейскій, кои е и онда према Русскомъ народномъ быо старый, и наличио е више на Србскій, а понѣшто и на Бугарскій, као што е у свой овой повѣсти характеръ онога языка и задржанъ. *) Ёръ Боянъ ако е и быо пѣснопѣваць старога времена, нѣговъ языкъ ние се опеть назвати могао старымъ по томе, што е нѣгова пѣсма живити морала у народу, кои ние могао другоячѣ пѣвати, него како е говорио, као што се и наше старе пѣсме, ма како старе оне были, обычнымъ народнымъ языкомъ пѣваю.

*) Да бы читатели о томе увѣрили се, не пропуштамъ навести нѣколико рѣчій, изъ коихъ ће се овай характеръ языка видити моћи, тако

пѣлкъ,	русски полкъ.	яругы и данасъ кодъ Србаля
града	— города.	ягуге.
злата	— золота.	славій (славуевъ — соловей.
вѣлкъ	— волкъ.	храброе — хороброе
първыхъ	— первыхъ.	преградиша — прегородиша.
почнемъ	— начнемъ.	храбра и млада князя
напѣлнився	— наполнився	Угри — венгри
бързый	— быстрый	угорски — венгерски
глава	— голова.	врани — ворони и т. д.
въспѣти	— воспѣти.	

„А мы, вели онъ, Браѣо, почетѣмо ову повѣсть одъ старогъ Владимира до садашнѣга Игора, кои е — свое полке навео на землю Половачку, за Русску землю. — Нѣму се зло предсказало, али е онъ опеть казао своіой дружини, да е болѣ погинути, него у робство пасти, и завѣтова се, или главу изгубити, или шлемомъ Дона се наптити.“ —

Овдѣ текъ што е почео повѣсть, а онъ е оставля, и обраѣа се Бояну, коѣга е пѣсме по свой прилици предъ собомъ имао, или их е на изусть знао, говореѣи, како бы Боянъ ту повѣсть у пѣсми описао овако :

„О Бояне! Славою старога времена! Кады бы ты ове полкове опѣвао, носеѣи се мыслима по дрвеѣу, и летеѣи умомъ подъ облаке и т. д. . . ты бы овако пѣсму пѣвао:

„Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая,

„Галицы стады бѣжатъ къ Дону великому.

Или бы ты, Бояне, пѣвао овако :

„Комони ржутъ за Сулою

Звенить слава въ Кіевѣ;

Труби трубятъ въ Новѣградѣ;

Соятъ стязи въ Путивлѣ.“

И ово су стихови, прва форма одъ 16 и 14. слогова, а друга одъ 9 и 7. или 8 и 7. ако небы изъ уста' Бояновыхъ изишло у треѣемъ реду мѣсто „въ Новѣградѣ“ „въ Новѣгородѣ.“

За овимъ наставля повѣсть о полку Игоревомъ у прози по начину слога црквено-библійскогъ :

Игоръ чека мила брата Всеволода. И рече нѣму Буй Туръ Всеволодъ : Єдиный брате, єдиный свѣте свѣтлый

ты Игоре! Оба смо мы Светславиѣа. Сѣдлай, брате, твое
брзе копѣ, а мои су ти готови.“ —

Тако онѣ после сву повѣсть води. Но свуда се види,
да е изѣ пѣсама нзваѣена, и да е садржанѣ изѣ више
пѣсама сашивено и накаламлѣно, као одандѣ: „Ужѣ бо,
братіе, не веселая година вѣстала; уже пустыны силу
прикрыли“ — и т. д. — види се друга или садржанѣ
друге пѣсме; а одандѣ: „Ярославнинѣ гласѣ слышитѣ:
зегзицею незнаемѣ, рано кычетѣ:“ — опетѣ друга пѣсма.

По свршетку судеѣи, гдѣ споминѣ свету Богородицу
Пирогошту, могло бы се реѣи, да е морао истый монахѣ
сачинитель те повѣсти изѣ реченогѣ монастыра у Кіеву
быти.

И зато се я никако неслажемѣ са онима списате-
льима, кои држе и исповѣдаю, да е ова повѣсть чистый
производѣ пѣснотворный народнога Русскога духа онога
времена по матеріи и форми; премда се и они сами пре-
суђуюѣи то у великой незгоди налазе, немогуѣи стварѣ
опредѣлити, као што самѣ Востоковѣ у свомѣ Опыту о
Русскомѣ стихосложеніи 1817. год. признае уобште, да
е слогѣ пѣсме Игореве прозаическій, али опетѣ потврђуе,
да се дае раздѣлити на довольно равномерных періода'
или стихова, али непринадлежи великоросійскому народ-
ному стихосложенію; а и М. Максимовиѣ на пытанѣ: да
ли е та пѣсма сложена была за пѣванѣ? одговара: „Рѣ-
шить ето я неумѣю;“ па опетѣ додае: „впрочемѣ она
могла быти пѣтою и небывѣ стихотвореніемѣ;“ — а най-,
после налазеѣи истина у нъой нѣке періоде или стихове
као и Востоковѣ, али опетѣ видеѣи да „стихи ети вообще

нестоль опредѣленнаго склада и однообразнаго размѣра, како народныя великороссійскіе, но столько разнообразныя и вольныя, какъ стихи Украинскіе, особенно въ Думахъ.“ — онъ мысли, да бы се родъ овай стихотворства правилнѣе могао назвати „древнымъ повѣстнымъ складомъ Русскимъ.“ —

Я дакле о пѣсни овой, као старомъ споменнику Русскога духа онако судимъ, као што ми се она сама по своемъ составу и крою показуе. Као што се сачинитель исте повѣсти таки у почетку изражава, да онъ не намѣрава пѣсню писати, као познатый пѣсполѣваць Боянъ, но жели описати дѣла како су се догодила, тако е и чинио, и повѣсть исту у прози описао, а не у стихови'. Она е форме поетичне лишена, дакле и за пѣванѣ неудесна; али опеть изобилуе многима поетичнимъ красотама и израженіями, ако и не еднимъ и свагда слогомѣрнымъ токомъ изливенима. У ньой е више примѣтити езыкъ црквено-библійскій ондашнѣгъ времена него народный, и слогъ и видъ повѣствованя поступа и тече начиномъ и духомъ израженія црквено-библійскогъ, Русскимъ фразима измѣшаногъ. Одкуда слѣдуе, да е сачинитель повѣсти Игореве морао быти какавъ монахъ онога вѣка, и по свой прилици судеѣи по свршетку быо е у Кіевскомъ монастыру свете Богородице Пирогоште, но да сачиняваюѣи повѣсть исту ние друго за источникъ имао, но народне пѣсне, изъ коих е преображеных, и у прозу и езыкъ црквено-библійскій преложених и преливених иста повѣсть саставлѣна, гдѣ су се наравно и све пѣснотворне красоте оных народныхъ пѣсама, премда свогъ првобытнога вида лишене,

задржале и сачувале. Слѣдователно како годъ што повѣсть
Игорева у себи ние саставъ пѣснотворный, тако се неможе
ни као у форми и езыку правый и чистый одпечатакъ
духа народнога Русскога онога времена сматрати, но само
као духъ и израженіе народнога пѣснотворства крозь
душу и езыкъ монаха онога вѣка пропуштено и у форми
црквено-библійской сачувано и потомству предано, крозь
кою и зраци народнога пѣснотворства и нѣговых красота'
онога вѣка изъ исте повѣсти нама свѣтле.

ХИ.

ПРЕВОДИ

пѣколикѣ Ода' славенскихъ Лукіана Мушицкогѣ.

1.

Благородному и високоученому

Господину

Павлу Юс. Шаффарику,

достойному Гимназіе Новосадске Директору

год. 1820.

Веѣ ми ко брегу плаваю желѣ. У

Храмъ Србскихъ Муза' у'ѣе намъ Шаффарикъ!

О, ты ѣешь, когъ іошть лично незнамъ,

Дальна што пустыня држи м' крѣпко,

Ты ѣешь отворит' народа сыновомъ

Путаню нову; коима душе су

За све, што годъ е красно, добро,

Истинно, готове. Ты ѣешь открыт'

Прекрасанъ союзъ сви' добродѣтельный

Имъ. За Минервомъ Граціе нѣжне кодъ

Грка' су ишле, чиме цѣлый

Постаде човѣкъ, са умомъ здоровымъ

Сагласивъ чисте прси и танакъ вкусъ.
Да, танка чувства равне намъ раѣаю
Мысли. Да мудри с' у томъ они!
Нѣим' подражават' как' радъ, как' брзъ ты!

Наука' благомъ пунити главу, а
Срдца оставит' празна у природе
Простоти Ты с', комъ Титанъ прси
Болъ одъ земљице створи, нерадъ!

Да среѣни тимъ су твои ученици!
Душа ѣе срдце раномъ наптити,
А то ѣе души жеѣ умножит',
Трудъ и усладит'. Мазда *) имъ прва!

Готови они Флакковой лири су
Слух предат', за пьомъ къ чертам' Евклидовым'
Савъ умъ упрети, трудомъ среѣни,
Являю радость и другимъ свою.

Па юштъ се стремишь сборишту веѣему
Отворит' улазъ у воспитаня храмъ.
Да среѣанъ тимъ свакъ зритель Србскій!
Бесѣде дѣца, нѣи ѣ' обузети

Пресладакъ восторгъ. Чини ми с', гледимъ то!
Утѣха отцим' дѣтско ображеніе,
Утѣха нѣина дѣци радость.
Вкусъ добывенъ у родъ лию сыни.

---

*) Награда.

Как' плодна хитрость, красно казивати

Задатакъ! Полза колика езыку

Матернѣмъ ту! Што красно есть у

Пійти, у витіи, зна веѣ и простъ,

Иде Поезіи, вышньимъ любимици,

Почестъ и цѣна! Расте Поета младъ!

Ироя' младых Србских воѣо!

Огня твогъ искре имъ лій у душе.

На парнасъ дижи духове имъ. Твой трудъ

Златнымъ ту српомъ сладку ѣ' пожнѣт' мазду.

Не бы нашъ Волный милый среѣанъ

Воспитат' нам' травослова равна.

Дай, ты велике воспитаѣ Пѣвце намъ,

Кои ѣе дигнут' Србске у гробови'

Лежеѣе юнаке у свѣтъ живѣ.

Пиндара, Флакка, Омира стварай!

Мой ако варвितъ ушима т' чини садъ

Трзанѣ сладко, духу се мили твома,

То мени даде светъ источникъ,

Коега отвори Шед'юсъ мени.

(Ч. II. Ода 34.)

2.

Петру Петровићу,

Православномъ Епископу

и Митрополиту Црногорскому и црногорски' Србаля Повелителю

1. Январ. 1821.

— possunt, quia posse videntur.

Virgilius.

„могутъ, зане мнитъ имъ ся, яко могутъ.“

И ты намъ у'ђи Србскій у Пантеонъ!

Моя већъ Муза диви се дѣлама

Твоимъ издавна, съ тайнымъ жаромъ,

О митроносна ты главо црне

Горе! Свак', кои Србско са честію

Име намъ носи, срдцу е најближій

Момъ. Садъ изъ красны' Шишатовца

Соба' спрамъ високогъ Цера Србека

Лежећегъ, славна древномъ намъ гранчицомъ

Кнезова снажны' (свето Штиляновићъ

Єсть име ньой,) гле покрай Дрине

Брзе узлеће духъ мой ко Теби!

У самой дивіой земљи е умна тварь

Другой приятна. Страшне у предѣле

Свѣта Хумболди лете. Кол'ко

Сродно е племе приятнѣ!

Како на крылу мыслій порођены'
Любовомъ ко роду лакше кудъ хоѣшь текъ
Летѣтъ' есть! Чамеѣ' у затвору,
Нуждна ты подвоза лишен', храбри с'

Съ любовомъ къ Делию. Тму ѣешь ты забава'
У себи на'ѣи. Жизни і' ах! лабиринтъ
Суета' пунъ. Ту і' мало добра,
Истине мало. Мечта насъ тѣши!

У гори Твоіѣй веѣь самъ ти духомъ я!
У гори! гди е іоштъ независимость
Остала древногъ Србскогъ царства;
Златна отаца гдѣ намъ свобода

Сыновомъ блиста! Дугъ благодарности
Коликій Теби Црна е Гора за
Ту дужна! Дальной Србской браѣи
Радость колику те ради чинишь.

Юнаке Твое цѣни Рагуза, зна
Галлъ, Османъ стрепи одъ нѣих, и диви се.
Савъ свѣтъ нѣи съ плѣскомъ руку хвали.
Србскомъ у духу та цѣна лежи!

Веѣь вѣкъ е петый, Србски о сынови,
Свободе ове скоро съ половиномъ
Преш'о! Отаца светъ останакъ!
Дивна сынова та борба, слава!

Горе имъ даде Немезись строга за
Штитъ, да б' кровь браће свое осветили,
Кою на голомъ полю судба
Остави грозну на жертву ордам'

Османскимъ. Но ти равно (ко Сербіе
Юнаке незна, Црнымъ са Борѣмъ што
За десеть лѣта' лавре браше?)
Казаше с' достойни старе славе.

О ты, кои ѣшь народу свему на
Честъ Сербіяду срећанъ запѣвати!
Иди у Црну гору. Древне
Видитѣшь прси, и мышце тамо;

Оружѣ силно, вриштанѣ коня', ко
Сраженю походъ съ викомъ и хрванѣмъ.
А дондѣ варвить мой ѣ трести
Краеве народне. Мудри сыни

Хоће написат' рода повѣстницу,
Ту ѣ ти Петре, пространо мѣсто быт'.
Твою и стѣне ѣ' казат' храбрость;
Закони открытѣ мудрость Твою.

Двогубымъ држишь штитомъ отечество,
И страстій бурны' таласе кротишь ты
Грмеѣи бодаръ сильнымъ словомъ.
Меѣшь зле нрави подъ ярамъ ума.

Веѣхъ питоміе диже с' колѣно
У крылу землѣ! Твой е нагаѣенъ трудъ
Одъ пола скоро вѣка. Дугій
Миръ ꙗко Тобомъ утврѣенъ видѣтъ!

На части видѣтъ двѣ ꙗко раздѣлѣнъ
Родъ, какъ подъ мудрымъ кралѣмъ у Таліи
Готскимъ; фаланге правитъ една,
Музама жертвоватъ часть ꙗко друга.

(Ч. II. Ода 43.)

3.

Къ самомъ себи.

3. Ноемвр. 1821.

„Тежко мени безъ мене!“

Мысли, о Лукіане, средъ злоба', пакостій звѣрски'
Шта бы чинио ту Сенека, шта л' Епиктитъ.
Несреѣе бездне іоште небо с' : безплотный те диже!
Заслуга' ризомъ покрый с', умъ у безсмертна упри!
Стрѣле врагова затупитѣ с', пастѣ неправедне мишце,
Єзыкъ занемитѣ имъ : ты ꙗешь остати ты.
Врази су злобомъ нападали тако на Райѣа крѣпка,
Живи у слави пакъ онъ, — врагове прогута тма,
Храбра Иракла врагова лютъ полкъ диже на небо.
Люто ту гонѣнымъ есть краснымъ примѣромъ онъ.
Ево и теби е судьбина дала задатакъ не лагкій :
Славе узлетѣтъ на врхъ, вѣчну ил' пасти у тму!

Исто ќе реѝи то : данасъ са народомъ живит', па вѣчно;

Ил' умрети юшть са дь, па ни по смрти съ нѣимъ быт'.

Горчине чашу, за кою ты незнаде, поднесе Саборъ;

Ты си испио тврдъ. Живитѣешъ оставши живъ.

Данъ ни еданъ незаборав' себе у несреѝи овой.

Плываюѝ' ако с' на часъ смете, веѝь прогутанъ — есть!

Бывшій несреѝанъ славе на путу, ты съ нова се крѣпи:

Крѣпкой се намѣри заръ икада отело што?

Имашъ у души ты велику силу, у духу пакъ храбрость.

Достиѝи наравне врхъ высине, красоте мож'шь!

Кога су Бози узвысити ради, томъ меѝу предъ ноге

Силный препятствія' тму. Расте побѣдившій ту.

Славе се храмъ изъ препона' диже. Силе сдруживше с'

Тѣла и душе изъ тѣй степене праве ко храму.

(Ч. II. Ода 46.)

4.

Е к л о г а

на смръть

Василія Петровиѣа

у цвѣту живота свога преминувшегъ Мѣсеца Апр. 17. (29.)

год. 1802.

*Durum; sed levius fit patientia,
Quidquid corrigere est nefas.*

Horatius.

Мелибей, Дафнисъ, Меналкасъ.

Мелибей.

Каква тайна скорбь вамъ лице помрачава,
У приятномъ овомъ мѣсту шта вамъ грудь смуштава?
Овдѣ гдѣ с' зелене красновидне траве,
А птице веселе поля и дубраве;
Среброзрачна роса луге орошава,
И невино съ другомъ с' ягнѣ заиграва.

Дафнисъ.

Данась за прелести те, што нама рукомъ
Природа прекрасна даруе роскошномъ,
Ни срдце ни око мени чувства не'ма.

Меналкасъ.

Драгій Мелибее! приятности не'ма
Садъ ни нѣжно тиха зефира дуванѣ,
Нит' потока' быстры' ясно жуборенѣ.

Мелибей.

Да ли онай страшный врагъ пастырскогъ стада, —
О комъ мыслеѣ' одъ стра' я све стрешимъ свагда, —
Ние поклао овце и ягнядь невинну,
Какова несреѣа случи се Силвину?

Дафнисъ.

Ах! жалость е друга пала намъ на прси.

Мелибей.

Какво і' уздисанѣ! Зашто л' око сузи!
Кажи о Меналкасъ те скорби причину.

Меналкасъ.

Велимона (тужанъ!) душе половину
Ноѣ однесе вѣчна.

Мелибей.

Велимонъ умре?

Бози, каква туга! цвѣтъ живота сатре
Ах свирѣпа Парка . . . силномъ вѣтру равно
Што съ кореномъ чупа дрво іошть зелено,
Кое б' кадгодъ дика свему полю было,
Плодъ свой, и дну жаркомъ ладну сѣнку дало.

Дафнисъ.

Теците о сузе! низъ лице ми смутно :
Пролеѣе досадно, и сунце ми тамно.

На што годъ погледимъ, или куда ходимъ,
Нигдѣ облакшаня я садъ не находимъ,
Самы' трава сузе сливаю с' у росу,
Садъ и жалость чуемъ у славуя гласу.
Теците вы сузе! Съ вама с' утѣшавамъ,
И црны' Богиня' ударъ умекшавамъ.

Меналкасъ.

Видимъ видъ плачевный по люзима росним',
По горам' и струям' и лѣсима сѣнним',
Съ Велимономъ милымъ по коим' самъ ишао,
И свираюѣ' сладко сваѣ' данъ стадо пасао.

Мелибей.

Ни чистота н'рави, нити мудра кротость,
Ни пролеѣе жизни, у дружби искреность,
Отворено ердце за све што і' на ползу,
(Бо'ля рѣчь пресѣца! споменъ раѣа сузу!)
Неможе т' Богиньо гнѣва да утоли.

Меналкасъ.

Ах неѣе радости! сузе наше воли!

Дафнисъ.

Знацима се жалость ова предсказива,
Што ми сада вѣрна паметъ повторава.
Грлице гласима тужним' завияше,
И сумрачкомъ ноѣи наши пси лаяше.

Меналка съ.

Црну ову земљу, подь коіомъ намъ бѣдна
Твоя младость труне (ту утѣха една),
Свако љу я лѣто цвѣћемъ украшават',
И топлим' сузама тебе оплакиват'.

Мелибей.

Име љу т' изрѣзат' на свештеномъ расту,
На ораху, лици, кестену и бресту.
Кадь суетно садъ већь тебе очи траже,
Да именовъ твоимъ та дрва насъ тѣше.

(Ч. II. стр. 183.)

5.

Чувствованя

едногъ одъ бродара на броду Србске цркве, изливена на Видовъ
данъ у М. Шишатовцу, 27. Марта 1828.

(Ода Іерархіјска Ч. III. стр. 89.)

Sanabilibus aegrotamus malis, nosque, in rectum
genitos, natura, si sanari velimus, adjuvat.
Seneca.

Веће предуго лежишь о бродѣ ты
На едномъ мѣсту! Я ли сѣдећи заръ
У твоѣмъ углу, мысли, чувства,
Дуже у прсим' да држимъ іоште?

Заръ е довольно, я да се насытимъ,
Часть друга рода ако къ' гладна быт'?

И да л' е полезанъ народу

Напунѣнъ ковчегъ са сребромъ, златомъ,

Сакрытъ у землю! Мысли ми летите

Са срдца жаромъ. Диже се завѣса

Времена! Древне видимъ Србе;

Лазара буріомъ ах окружена.

Надъ нѣмъ црнъ облакъ, страшно сгустившій се,

Нѣгову храбру войску покрыва сву.

Предъ овимъ судба пропастъ спрема!

Нисеу ли сами навукли ову?

Спусти, Сатурне, завѣсу опеть ту!

Кои Србъ незна гибели узрокъ савъ?

Узе се скиптаръ Србма навѣкъ.

Служити садъ ако знаду мудро,

Они су среѣни. Древный и светый бродъ,

Чуваюћ' іошть у цѣлости Србскій родъ,

Пловећ' са сын'ма, разномъ среѣномъ

По мору свѣта, гле сада уѣ

У слабо мѣсто, страхомъ и надеждомъ

Све обузето. Вѣтра не'ма намъ ниодкудъ!

Еде намъ трулежъ бродъ изполя,

Страсти лаѣара' изнутра разне

Цѣпаю г' на части. Даю с' на преваре;
У ердцу врази, любе се лажљиво;
Собствене све корысти траже;
Съ те забораवляю цѣль пакъ обшту!

Ловаца морски' полкъ имъ дознавши ратъ
У себи вели: „Мой си, изиђешъ ли;
Унутра л' останешъ, самъ собомъ
Бытѣешъ изтреблѣнъ.“ Ты, кои незнашь

Грађанска рата, можешъ се сумнят' о
Томъ. Управитель, мудри' одъ Лазара,
Знаюћ' све изнутаръ и споля,
(Съ радостю предвидимъ я то) скоро к'

Казати: „Докле ћу я васъ трпити?
Почекавъ доста, законъ да б' нравственный
Увео ердца, душе ваше
Братскій у союзъ, я ћу ту штапомъ

Моћь нѣму дати. Гладны' изъ руку вамъ
Собствену я ћу избит' корысть.
Весла ћу у нѣи метнут', къ обштој
Цѣли да иду нагнат', и скоро

Поспѣшни вѣтри вѣтрилам' животъ ќе
Почети дават'. Морскій кадъ позна полкъ
Слогу, онъ неће смѣти мыслит'
Звѣрскомъ о грабежу. Зликовце ванъ.“

6.

Подизанъ Сіона.

28. Юлія 1836.

(Ч. III. Ода 10. стр. 114.)

O et praesidium et dulce decus meum!
Horatius.

Надеждо цркве, сладко прибѣжиште,
Светый Сіоне! Ако с' неподигнешь,
Животъ ѣе живымъ быти мучанъ,
Честъ ѣе с' обратит' у клетву мртвымъ
У роду! — Богъ ѣе послушат' насъ, и царъ
Послушат' насъ ѣе! Скоро ѣеши диѣи се
Сіоне! Видимъ стѣне крѣпке; —
Троя укрѣплѣна врата видимъ! —
Народномъ Сбору прва ѣе послужит', а
Синоду друга, треѣа пакъ кнѣизи той,
Коя за звоно цркви служи. —
Сіонъ дигнувши, остасмо навѣки! —

ХІІІ.

ОПЕТЬ ИЗЪ ХЕРДЕРА.

1. Р у ж а.

„Свако цвѣће око мене, видимъ, вене и умире; и опеть само мене свагда зову венуѣомъ, и скоро чезнуѣомъ ружомъ. Неблагодарни люди! нечинимъ ли вамъ я мой краткій животъ приятнымъ довольно? да, и после смрти мое даемъ вамъ споменике сладки' мириса', лѣкарства и масти пуне оживляваня и крѣплѣня. И опеть васъ непрестано чуемъ пѣвати и говорити: Ах, венуѣа и скоро чезнуѣа ружа.“

Тако се тужила царица одъ цвѣѣа на престолу своме, можда іошть при првомъ осѣѣаню свое нестаюѣе лѣпоте. Дѣвойка предъ нѣомъ стоеѣа, слушала е, па е говорила: нелюти се на насъ сладка мала, и неназивай неблаго-дарностию оно, што е сама выша любовь, желя нѣжне наклоности. Свако цвѣће око насъ мы видимо умирати, па то држимо за судьбину цвѣѣа; али тебе, царицу нѣиову, тебе саму желимо и држимо за достойну безсмртія. Кадъ мы насъ у жельи нашей преварене видимо: онда намъ допусти тужбу, съ коіомъ мы насъ саме у теби жалимо. Сву красоту, младость и радость нашего живота мы теби

уподоблявамо; и будући да ова, као и ты прецвѣтаваю, то мы пѣвамо и говоримо свагда: Ах, венућа и скоро чезнућа ружа!

(Лѣт. 1829. ч. 3.)

---

2. Свѣтлость и любовь.

У почетку было е све пусто и празно, само хладна бездна морска; заметци стварій лежали су дивѣ поизпрекрштани. Онда поду'ну пара живота одъ уста' превѣчнога и сакруши ланце одъ леда, и као разлежана голубица тихо подиже сагрѣваюћа крыла матерня.

У тамной дубини све се садъ покрене, пробияюћи се къ роѣаю. И онда се появи првенче, а то е благоприятна свѣтлость была.

Благодатна свѣтлость, сдружена съ любовью матерньою, коя се надъ водама ношаше; оне се винуше горе на небо и одткаше златну плавину; оне се спустише у дубину доле, и напунише ню животомъ; оне узнесоше землю горе, и ню као божіи жертвеникъ посуше са помлађуюћимъ се цвѣћемъ — найманый прашакъ оживотворише оне.

И када море и дубльине, и воздухъ и землю животомъ напунише, онда стадоше, и тихо савѣтуюћи се овако међу собомъ говорише: „Дай да човека створимо, образъ нашъ; подобіе онога, кои е небо и землю са свѣтlostю и любовью створио.“ Онда у'ђе животъ у прах; и одма

озари свѣтлость божеско лице човека, и любовь избра сердце нѣгово за свое тихо обиталиште,

Превѣчный отаць видѣ и рече, то е створенѣ добро; ерь све е испуњавала, све е пробияла нѣгова вѣчнодѣлаюѣа свѣтлость и нѣгова дивна кѣи животворна любовь.

* * *

Што ропташь ты, безпослennyй мудраче, и дивишь се свѣту као каквомъ смуту (хаосу)? Смутъ е уреѣенъ; уреди ты самъ себе! У дѣлаюѣемъ животу стои радость човека; само у свѣтлости и любви блаженство творца.

3. Авраамово дѣтннство.

Авраамъ е у одной пѣини одрастао; почемъ тиранъ Нимродъ нѣга живота лишити намыслио быаше. Али и у мрачной пѣини свѣтлость Божія у нѣму свѣтляше! Онъ размышляваше, и самъ себи говораше: „Тко е створитель мой?“

Кадъ му се шестнайста година навршила, онда е изишао изъ пѣине, и првый путъ небо и землю видѣвши дивно се и радовао! И сва створеня око себе пыташе: „Тко е створитель вашъ?“

Сунце се раѣаше; и онъ падаше лицемъ на землю говореѣи: „То е твораць; ерь е лице нѣгово прекрасно.“

Сунце се дизаше, сунце се спушташе, и залазаше на вечерь. И онда мѣсець из'иѣе, и Авраамъ самъ себи говораше: Ова заишавша свѣтлость Богъ неба небѣше;

можда е то она маня свѣтлостъ, коіой ово велико ято звѣзда' служи.

Али мѣсець и звѣзде за'ѣоше, и Авраамъ остаде самъ.

Онъ оде къ своему отцу, и запыта нѣга: „Тко е Богъ неба и землѣ?“ И Тарах показа нѣму свое идоле. „Я ѣу нѣи испитати,“ говораше онъ у себи, и када е самъ остао, понуди их са найлѣпшимъ еломъ. „Ако сте вы Богови живи, а вы узмите жертву вашу.“ Али Богови стояху ту, нити се покретаху.

„И ове,“ говораше дѣте, „може отаць мой за Богове држати? Добро! Можда ѣу га я обавѣстити.“ Онъ узме штапъ, поразбѣя све идоле, осимъ еднога, и овоме штапъ у руку метну, па оттрчи къ отцу, говореѣи: „Отче, твой првѣй Богъ сву е браѣу свою поубѣяо.“

Тарах нѣга срдито погледи говореѣи: „Ты се мени ругашь диете, како ѣе онъ то учинити, кадъ су нѣга мое руке начиниле?“ О нелюти се на мене отче, рече Авраамъ, и допусти да ухо твое чуе оно што су ти уста изрекла. Кадъ ты недаешь Богу твоме да може учинити оно, што самъ я дѣтиньомъ рукомъ моіомъ учинити могао, како бы онъ быо Богъ, кои е мене и тебе и небо и землю створио?“ И Тарах на ове дѣтинѣ рѣчи занѣми.

* * *

Али скоро ова стваръ до'ѣе предъ Нимрода тирана; онъ га преда се узме и рекне: „Моѣму Богу ты ѣешь се кланяти, диете, или ѣешь у жареной пеѣи скончати.“ Ёрѣ сви су мудраци пророковали, кадъ се Авраамъ родио, и кралю казали, да ѣе онъ идоле срушити и службу

кралѣву у кралѣвству упропастити. Зато е гонио кралъ нѣга.

„Тко е Богъ твой, о кралю,“ запыта неустрашимо дѣте.

„Огань е Богъ мой,“ одговори овай, „найяче существо.“

„Огань,“ одговори дѣте, „гаси вода, а воду лагко носи облакъ; облакъ разгони вѣтаръ, а вѣтру одолѣва човекъ. Дакле е човекъ найяче существо.“

„А я самъ найсилни између людій,“ рекне кралъ. „Кланяй се мени, иначе ће ти у жареной пећи край быти.“

Онда дѣте подигне скромне очи свое горе и рекне: „Я самъ видѣо ючерь гдѣ се сунце родило у ютру, а заишло на вечерь; заповѣди, о кралю, да се сунце данасъ вечеромъ роди, а сутра ютромъ зађе, па ћу се кланяти теби.“

И Авраамъ буде у жарену пећь баченъ.

Но сила огня младићу ништа недосади; анђео еданъ узео га е нѣжно у наручїе свое, и пламенъ е стресао съ нѣга као мирисъ крина. Изъ огня е младићъ много лѣпшій изишао, него што е быо, и скоро му се Богъ явио, и нѣга у Халдеу позвао, и узео га за приятеля свога.

И Авраамъ постаде основателъмъ правога богослуженїя единого Бога неба и землѣ по свему свѣту.

4. Соломонъ у младости.

Еданъ добрый краль рекне еданпуть своме любимцу :
„Ишти одъ мене што хоѣшь, и я ѣу ти дати.“

И младиѣ рекне у себи : „Шта ѣу да иштемъ, а да се некаемъ исканя мога ? Чести и уваженія веѣ имамъ; злато и сребро есу найневѣрнии дарови землѣ. И тако ѣе найболѣ быти, да кѣерь кралѣву иштемъ. Она мене любви, као што я ню любимъ, па съ нѣомъ ѣу добыти све друго. А преко свега добытѣу и срдце добротвора мога, ерѣ ѣе онѣ овимъ даромъ и мой отацъ постати.“

Любимацъ заиште, и нѣгова се молба испуни.

* * *

Кадъ се Богъ младиѣу Соломону првый путь у сну явио, рекао му е онда : „Ишти шта желишь да ти дамъ я, и я ѣу ти дати.“

И гле, младиѣ ние искао ни сребра ни злата, ни славе ни чести, ни дуга живота; онѣ е искао Божию ѣерку, премудрость небесну, и добыо е съ нѣомъ све што бы икада искати пожелио.

И овой е онѣ свое найлѣпше пѣсне посветио, и прославио е ню кодъ смрныхъ людѣй као едино блаженство на земљи. Докле е годъ онѣ ню любио, нѣгово е было срдце Божіе, и нѣгова любовь людска; и само нѣомъ живи онѣ и после смрти свое іошть съ ове стране гроба.

5. Соломонъ у своіой старости.

Соломонъ е у своимъ средовнимъ годинама сладострастностью, богатствомъ и честію толико заслѣпно, да е онъ на премудрость, ону невѣсту младости свое, забораivio, и срдце свое свима заблудама окренуо.

Едномъ кадъ е по своіой прекрасной башчи ходао, чуе онъ животинѣ гдѣ говоре (еръ онъ разумѣваше езыкъ животиня'), и приклони ухо свое, да чуе шта говоре оне:

„Погледай краля“, рече кринь: „онъ гордо пролази мимо мене, а я овако смиренъ цвѣтакъ много самъ великолѣпнїи одъ нѣга“.

И палмово дрво уткиваюћи гране свое говораше; „Ево га, гдѣ иде, ево га гнѣчителя землѣ свое, и опеть му пѣваю да е онъ палмово дрво. Гдѣ су нѣму плодови нѣгови, гдѣ су гране, коима люде опоравля?“

Онъ по'ѣе далѣ и чуе славуя гдѣ своіой милой любви пѣва: „Како се мы любимо, тако Соломонъ нелюби, тако нѣга ни една нѣгова наложница нелюби.“

А грлица овако своме миломъ другу гугуташе: „Ни една одъ нѣговыхъ хиляду жена' неѣе нѣга ожалити, као што бы я за тобомъ тужила, мой единый милый и драгій.“

Разлюѣенъ краль ускори кораке свое, и до'ѣе до гнѣзда родина, коя е свое родчиѣе подизала, па на своя крыла хватала, када их е летити учила, и овако нѣима говорила: „Тако што краль Соломонъ своему сыну Рехавеаму нечини, зато и неѣе одъ нѣгова сына ништа быти; странци ѣе владати онымъ што е онъ подизао.“ На ово

се уклони краль у свою найудалѣнію собу, савъ снужденъ и жалостанъ.

И када е тако дубоко замышлѣнъ сѣдио, премудрость, она невѣста младости нѣгове невиѣна стане предъ нѣга и такне се ока нѣгова. И онъ се спусти у дубокій санъ, и у сну видѣ жалостный образъ идуѣих дана'.

Онъ видѣ одговоромъ неразумнога сына свога царство свое поцѣпано; надъ десеть одпалых и одъ нѣга гнѣченых племена' владаше иностраннацъ. Онъ видѣ куѣе свое порушене, увеселительне башче свое одъ землѣтреса пропале, градъ опустошенъ, землю потрту, храмъ Божій у огню живомъ. Уплашенъ тргне се и скочи иза сна.

И гле, садъ стаяше виѣна другарица младости нѣгове са плачнима очима предъ нѣмъ, говореѣи: Ты си видио, шта ће се после овога догодити, и за све то ты си основъ ставио. Веѣ више нестои у твоіой снази оно, што е прошло, промѣнити, ерѣ ты неможешь рѣци заповѣдити, да се она къ своему извору окрене, па ни младости твоіой да се натрагъ врати. Душа е твоя клонула, срдце се изцрпило, и я, друга младости твое оставлѣна, веѣ немогу више твоя другарица быти у предѣлу живота земнога.

И съ тимъ бацивши пунъ сажалѣня погледъ еданъ на нѣга она изчезне, и Соломонъ, кои е младость свою ружама увѣнчао, напише у старости своіой кнѣигу едну о суети свію людски' стварій на земљи.

6. Смерть Мойсеева.

Кадъ е Мойсей, угодникъ Божій, на смрти быо, и часъ нѣговъ послѣдній веѣ дошао, скупи Богъ Анѣле свое око себе, и рече : „Време е, да я душу раба моего къ себи позовемъ; кои ће ми вѣстникъ быти?“

Найплемениѣи Анѣли, Михаилъ, Рафаиль, и Гавріиль, и сви други, кои предъ престоломъ Божиимъ стояху, молише се говореѣи : „Мы смо нѣгови, онъ е учитель нашъ быо, немой да мы душу тога човека иштемо.“

Али Саммаиль однадникъ изиѣе и рече : „Ево мене, па мене пошљи.“

Пунъ ярости и свирѣности с'иѣе онъ доле, пламенна мача у руци држеѣи, и радость веѣ налазеѣи у бо'ляма праведнога. Но кадъ се нѣму приближи, смотри онъ лице Мойсеево. Очи нѣгове нису потамниле быле, и снага нѣгова небѣше клонула. Онъ писаше послѣднѣ рѣчи пѣсне свое и име свето; лице е нѣгово трептило у сѣйности, ограѣено спокойствомъ и небесномъ ясностью.

Страх обузме овога врага людій. Мачъ нѣговъ паде му изъ руке, и онъ брже побѣже одандѣ. „Я немогу теби душу овога човека донети,“ говораше онъ Іехови, „еръ я на нѣму ништа нечисто ненаѣох.“

Онда Іехова самъ с'иѣе да душу раба своего прійми, и нѣгове вѣрне слуге, Михаилъ, Рафаиль и Гавріиль са свима анѣлима нѣговога лика с'иѣу съ нѣимъ. Они су спремили Мойсею самртну постелю, и стаяли су чело

главе и чело ногу нѣговых, и гласъ еданъ чуо се : „Небой се. Я ъу самъ собомъ тебе саранити.“

И онда се приправи Мойсей за смрть, и освети себе као што Серафимъ себе оевештава, и Богъ позва душу нѣгову : „Кѣри моя, сто двадесеть година' одредио самъ я теби, да у дому раба моего пребывашь. Конаць нѣговъ до'ђе, изиђи и неоклевай.“

И душа Мойсеева одговори : „О ты Господе свію свѣтова! Я знамъ да си ты Богъ свію духова и свію душа', и да у твоіой руци стое живи и мртви. Изъ твое руке пріймих я законъ огнѣный, и видѣх тебе у пламену и изиђох горе, и путемъ неба идох. Твоіомъ силомъ у'ђох я у кралѣве дворе, и скидох круну съ главе нѣгове, и чиних многа чудеса и знаменія у Египту. И я изведох народъ твой, и разцѣпих море на дванайсть струя', и претворих воду горку у воду сладку, и открых тайне твое роду людскому. Я самъ пребываю подъ престоломъ огнѣнымъ и имаю самъ сѣницу мою подъ стубомъ огнѣнымъ, и съ тобомъ самъ говорию лицемъ къ лицу као приятель са приятелѣмъ своимъ што говори. И садъ е веѣъ доста! Прійми ме, я идемъ къ теби.“

И Богъ милостивый полюби раба своего, и полюбцею прійми душу нѣгову. Мойсей умре на устима Божіимъ, и Богъ самъ нѣга сарани, и нико незна мѣста гроба нѣговога.

7. Престолъ велелѣшя.

Еданъ побожный сматратель задубио се быо яко у сматранѣ превѣчнога, и съ тимъ заборавио на послове званія свога, као нужно бремя смртнога на земљи.

Када е тако еданпуть у дубокомъ размышляню кодъ своего поноѣнога жижка сѣдио, онъ заспи, и у сну отворе му се двери неба; и онъ видѣ оно, што е веѣь давно видѣти желио, видѣ престолъ превѣчнога. Свудѣ наоколо пламеномъ окруженъ ношаше се овай на облацима седмеростручно-тамнима, изъ коих мунѣ сѣваху, и у коима громови пуцаху; а предъ нѣмъ и за нѣмъ была е ноѣь.

Онъ се пробуди одъ страха; али се іоштѣ научноше. Онъ е тежио образе престола видѣти, и опеть паде у свой сматраюѣій санѣ. Четыри живоносника носила су престолъ; са своимъ лицезаріемъ гледали су, а крылима своимъ трептили су на све четири стране свѣта, извршуюѣи заповѣсти Іехове. Огнѣный зной текао е у струяма съ нѣх, и одъ непрестанне покретнѣ тако су се занели, да нису знали, како се близу престола налазе, и какво е оно великолѣпие, кое они носе. И текъ што лигѣь човечіи светых кола' къ нѣму се приблизити хтяше, кадъ ал' на еданпуть нѣгово сновиѣенѣ исчезну, и онъ іоштѣ неспокойніи быаше него што е пре быо.

Онъ пожели окате Анѣле видѣти, и пророчскій санѣ обузме га по треѣій путь. Серафими стаяли су при пламенномъ престолу; али лица нѣхова беяху скрыта, и нѣхове ноге скрыте, и пѣсну нѣхову онъ разумѣти немогаше, докъ еданъ одъ нѣх къ нѣму недо'ѣе и са

сажалѣнѣмъ нерече : „И ты смртниче усеуѣуєшь се захтѣти видѣти оно, што мы видѣти неможемо? Нека ти виѣенѣ оно довольно буде, кое су престолоносци теби показали; ерѣ и ты си посреде нѣих.“ Онѣ рече, и оваѣ саняюѣѣй пробуди се одѣ сна.

У тай царѣ пролети еданѣ комарацѣ испредѣ жижка нѣговогѣ; залети се у пламенѣ, и паде са опрлѣнѣмъ удима доле. „Нисамѣ ли я лудѣ быо“ рекне онѣ самѣ себи, „да е мене Анѣсо учити морао ономе, чему ме е ево оваѣ опрлѣнѣй комарацѣ научио?“ — И одѣ тога часа онѣ се остави пресматраня Серафима, и буде оно, на што е човекѣ овдѣ доле створенѣ, оно што живує и ради исподѣ престола.

8. Ружа у бодляма.

Еданѣ побожанѣ человекѣ, кои е яко увреѣенѣ и уцвѣлѣнѣ посреде своих гонителя живио, ходаше еданпуть жалостанѣ по своѣой башчи, веѣь и о самоме промыслу скоро очаяваюѣи. Као прилеплѣнѣ задржи се онѣ кодѣ едногѣ ружичногѣ бокора, и духѣ руже проговори нѣму овако : „Ние ли ово избилѣ, кое я оживлявамѣ? една купа благодарности пуна сладостных мириса за Господа у име свакога цвѣѣа, нѣгова жертва тамяна. Па гдѣ ме видишь ты? У бодляма. Али оне небоду мене; оне чуваю мене, и сока ми даю. То исто чине и твоѣи неприятельи теби, па зарѣ духѣ твой ние што выше и тврѣе него

еданъ малотраюкій цвѣтакъ?“ Укрѣплѣнъ отиде човекъ одавдѣ; нѣгова душа постаде путиромъ благодарности за — неприятелѣ нѣгове.

9. Рана смръть.

Єдномъ рано у ютру изиђе дѣвойка єдна у башчу, да себи за вѣнацъ найлѣпшихъ ружа' набере. Оне све іоштѣ у пупольцима своима стаяху, неразвиєне или текъ у полу развиєне, ове мирисне купице росе ютренѣ. „Небу васъ я іоштѣ брати, рекіє дѣвойка. Найпре нека васъ сунце отвори, па ѣте вы лѣпше сияти ѣ яче мирисати.

Она до'ђе на подне, и видѣ найлѣпше руже, а оно ихъ црвъ сгризо, луча сунчана оборила, и оне поблѣдиле и све'нуле. Дѣвойка е плакала, што ние паметниа была, и друго ютро набере она себи вѣнацъ рано.

* * *

Наймилию свою дѣцу Богъ рано позива изъ овога живота, докле луча сунчана ние ихъ препла'нула, докле ихъ се црвъ такнуо ние. Рай дѣце єсть высокій степенъ великолѣпности: найправедній побожникъ неможе на нѣга стати; єръ в душа нѣгова окаяна была.

10. Рѣчи закона.

Кадъ в Богъ сишао на гору Синайску да законъ даде, онда Мойсей у светый облакъ дође предъ нѣга, и рече: „О преблагій, ты ѣешь законъ твой да дашь Израилю, да га савъ народъ разумѣ; но како? хоѣе ли и други народи и доидући родови гласа Божія чути?“

„Они су га веѣ чули,“ рече Свемогућій, „свакій пророкъ и свакій мудраць, да и само свако дѣте, гдѣ годъ на земљи живи, добыло е свой дѣо одтуда. Саме душе нѣихове ништа друго нису но одекъ гласа мога, гласа, коимъ су сви свѣтови напуниѣни.“

Богъ рече, и ма'не на Анѣла душа' да овај питаюѣга у царство внутренѣгъ створеня уведе. Овдѣ е видѣо Мойсей, како силомъ превѣчнога слова образъ човечества постаде; свако постаюѣе существо было е коренъ узрастлогъ дрвета каквога пунъ божеских мислій.

Колико годъ, говораше Анѣо, овдѣ душа' людски' има, толико има и толкованя гласа оногъ, кои е савъ свѣтъ створио. Многе душе много гласова постижу, а твоя душа (настави Анѣо Мойсею) нека цѣло дрво закона постигне заедно са жилама и стабломъ и гранама. Свака ѣе душа суѣена быти по ономе, што е было у нѣой, по звуку гласа, коимъ е она у животъ позвана.

И Анѣо нѣга узе за руку, и уведе у преддворишта райска. „Видишь“ рече му, „овдѣ се neroѣени питаю, и за животъ свой на земљи спремаю. Пошто се душа една послушномъ и вѣрномъ покаже, силази она у овај или онај родъ доле, на свою награду или казнь. Но пре

него свака одъ нѣх доле с'иће, проводи по Анђео нѣнъ, и показуе іой врата адова и врата райска. Ондѣ она види неправедне мучене, овдѣ праведнике утѣшене. Какво подѣйство дѣте сачува и тврдо задржи, по томе се доцнѣ у животу образуе. Кома се само пакао у памети представя, одъ онога бива робъ, а кои радости рая слутнѣомъ у себи осѣћа, тай ће дѣте Іехове быти, и на'ћи ће іоштъ на земљи утѣху рая. Кои ни едно одъ овога двога у себи недобые, онай подивя безъ чувства, и постае животиня полъска.

На то до'ђе и Анђео мудраца', и узевши Мойсея за руку одведе га у училиште неба. „Гледай овдѣ“ рече му, „душе скуплѣне, свака се у свакомъ тихомъ тренутку горе попинѣ, кадъ слово превѣчнога у себи чита. Како чувства ћуте, и тѣло човека спава, она се къ небу горе подиже, и удостојава се мысао превѣчнога са цѣломъ пажнѣомъ чути. Найвыши Анђели ћуте са своимъ славопѣнѣемъ, докъ се све душе нескупе, као што е писано:

Изъ землѣ е цвѣће поникнуло,

Пѣсне време веѣ е настануло,

Веѣ грлице гласъ се чуе на ливади нашой.

И онда Анђели пріймаю славоспѣве нѣхове, и одъ нѣх плету приятанъ вѣнацъ превѣчноме.“

Онда Мойсей никомъ паде говорећи :

Како люде Іехова любви!

Сви су светци око нѣга овдѣ;

При ногама нѣму сѣде

И одъ нѣга самогъ вѣчно слово уче.

11. Небесный пастырь.

У поноѣно глухо доба предъ ону пролетню славу, на коіой ѣе први сынови близанци людскога рода жертву благодарности творцу да принесу, видила е мати нѣихова чудноватый санъ у спаваню. Бѣле руже, кое е млаѣій сынъ нѣзинъ око жертвеника свога посадио, быяху преображене у пуніе кроваве руже, каковых она іошть нигда видила ние. Она хтяше узабрати ружу, али се ова распаде у нѣзинной руци. На жертвенику, на коме е иначе само мѣко приношено, лежало е садъ кроваво ягнѣ. Плачни гласи дизаше се унаоколо, и еданъ гласъ у нѣима быяше гласъ очаянїя, докъ се на послѣдку све у сладке звукове изгубило ние, у звукове, каковых она іошть никада чула ние.

И лѣпа една поляна пружила се испредъ нѣ; лѣпша е была него самый рай младости нѣне; и на нѣой посе овце еданъ савъ у бѣло обученый пастырь стаса и лика сына нѣзинога. Црвене руже окружаваху власи нѣгове, и у руци држаше онъ харфу, изъ кое они сладки звуци дохоѣяху. Онъ се къ нѣой любовно окрепе, хтяше іой ближе доѣи па изчезне. И съ нѣимъ изчезну и санъ.

Пробудивши се мати погледа и видѣ раѣаюѣу се зору дана кроваву, и са тежкимъ сердцемъ отиде на славу жертве.

Браѣа принесоше свое жертве, родители одоше куѣи. Али млаѣій више недоѣе на вече. Уплашена мати тражила е нѣга, но она само нѣгово разсуто жалостно стадо наѣе. Онъ самъ лежаше на жертвенику у крови; руже

су были нѣговомъ крвлю окрвавлѣне, и Каиново ечанѣ чуло се яко изъ обличнѣ едне пеѣине.

Она се онесвѣсти и паде на мртво тѣло сыновлѣ, и по другій путъ изиѣе іой сновнѣенѣ предъ очи. Сынѣ е нѣнѣ быо онай пастырѣ, кога е она тамо у новомъ раю видила, а црвене руже окружавале су власи нѣгове; любки гласи звонили су изъ нѣгове харѣе; овако онѣ нѣой припѣваше : „Погледай горе на небо къ звѣздама, моя плачна мати, погледай горе! Гледай она сѣйна кола ондѣ! Она воде къ другчнмъ полянама, у лѣпше раеве него што си ты у Едену видила; гдѣ крвава ружа невиности пуниѣ цвѣта, и сви уздысаи у сладке се гласе промеѣу.

Сновнѣенѣ изчезну; оснажена устала е Ева са мртвога тѣла сына свога. И како е она нѣга у ютру сузомъ своіомъ оросила и са ружама жертвеника нѣговога увѣнчала, саранише га отацъ и мати при жертвенку Божіемъ, предъ лицемъ лѣпше зоре. Па често у поноѣно време они сѣдише при гробу нѣговоме, и гледаше горе на небо къ высокнмъ звѣздозрачнмъ колима, и тамо тражише пастыра свога.

XIV.

ИЗЪ КРУММАХЕРА.

1. Ружа.

Штета, рекне дѣте отцу своему, да ружа кадъ пре-
цвѣта, недоноси и плода, и тако естеству у лѣто бла-
годари на лѣпомъ времену свога цвѣтаня у пролѣѣ. Ты
си ню назвао цвѣтомъ невиности и радости, — онда бы
она была и образъ благодарности.

На то одговори отаць : Неприноси ли она къ укра-
шенію пролѣѣ савъ свой ликъ? И за росу и зраку свѣт-
лости, коя озгорь на ню се спушта, жертвуетъ она воздуху
свое пѣжне и благе мирисе и за пролѣѣ створена она
заедно съ нѣмъ умирае. —

Сладко дѣте, пѣжна невидима благодарность есте
найлѣпша; и како е могуѣе, да невиность неблагодарна
буде.

(Лѣт. 1829. 3.)

2. Руже земне.

Ева, мати смртна потомства, ходала е еданъ данъ усамлѣна и тужна по обезсвећеной пѣиви грѣшне землѣ. На еданпуть смотри она изъ далека еданъ ружичный чбунъ, пупъ разцвѣтанных ружа', кое су сѣйность свою подобно зори по зеленомъ лишѣу преливале.

О! съ узхиштѣнѣмъ повикне она, варамъ ли се я, или и овдѣ видимъ райскій любимый цвѣтъ? Веѣъ осѣѣамъ я нѣгове райске мирисе изъ далека. Поздравъ прійми, ты красный образу невинности и радости! Е ли, ты ми являшь, да ѣе и меѣу триѣмъ земнымъ нама райске радости цвѣтати? Веѣъ ме къ узхиштению подиже самый сгледѣ и чистѣ мирисѣ цвѣта твога.

Докъ е она тако говорила, и пуне руже радостно сматрала, диже се слабый вѣтриѣ и уздрма чбунъ и шиблѣ. На гле, разстави се лишѣе разцвѣтанных ружа', и паде на землю. Онда узда'ну Ева и рече: Ах, заръ сте и вы смртна дѣца? — Разумѣмъ я васѣ, вы образи земных радостѣй. Нѣнѣ погледѣ почивао е на увеломъ ружичномъ лишѣу са тужнымъ ѣутанѣмъ. —

Опетъ се дигне она и рекне: Дакле ми будите, докле васѣ пуполякъ затвора, любезни образи невинности.

Съ тима рѣчма се она надвири на нѣи. И садъ смотри она бодлѣ, па се поплаши. О, викне она, заръ и вы обрану требате? Заръ и вы у себи носите покрай веселости совѣсть — и есу ли ове бодлѣ — ваша стыдна

румень? — — Опетъ пріймите поздравъ мой, вы лѣпа дѣцо пролѣћа као образъ небесне зоре на трновитой земљи.

(Лѣт. 1829. Ч. 3.)

3. Ружа и кринь.

Малвина е стаяла са отцемъ своимъ кодъ крина еднога, кои е подъ ружичнымъ чбуномъ еднымъ цвѣтао. Са обсъняваюћомъ бѣлоћомъ, подобно зраки свѣтлости, дизао е красанъ овай цвѣтъ свою отворену мирисаву чашицу. Надъ нѣмъ е висила сасвимъ разцвѣтана снажна ружа, бацивши румену сѣйность на нѣжно сребрно лишће крина, па се и мирисъ одъ обадва цвѣта уедно сливаше.

О, каква е то красна свеза! викне Малвина, и сагне смѣшећи се свою главу доле надъ цвѣће.

То е свеза невиности и любви, одговори отаць. — Тако су стаяли они ћутаюћи предъ цвѣћемъ.

На то уђе Оскаръ у башчу, Малвининъ потаеный любовникъ. Онда се просу румень преливъ по лицу Малвининомъ, као сѣйность руже по крину.

Онда отаць ню погледи, и рекне : Е ли Малвина, цвѣће има говоръ и лице? —

За невиность и любовь! дода на то Оскаръ.

(Лѣт. 1829. Ч. 3.)

4. Любичица.

Мала Милица ишла е са своимъ отцемъ и матеромъ своіомъ едно пролѣтнѣ ютро по полю, па онда запыта: зашто люди любичицу тако радо имаю? У многимъ лѣпымъ пѣсмама се пѣва, и како цвѣта, свакій е тражи, и радуе се, кадъ ю нађе. — Тако е говорила Милица матери своіой.

Видишь, одговори мати, то е првый даръ пролѣћа после ладне зиме. Люди се добромъ и красномъ найвећма радую, кадъ су се дуго тога лишавали.

И пріймаю съ већомъ благодарностью, рекне отаць, што пролеће овај цвѣтакъ тако скоро и рано дае. Тко скоро добро учини, показуе, да онъ то радо чини, и умножава благодарность. А ова светиню радости дае.

Не зову ли любичицу, запыта Милица, и цвѣтомъ учтивости?

То име заиста заслужуе, одговори мати. Зашто расте сакривена у низкомъ шушию; и опетъ цвѣта и мирише тако лѣпо, као ма какавъ другій цвѣтъ.

И уважава се, рекне отаць, и тражи се, као и другій, и свакій се радуе, кадъ га нађе.

Заиста е лѣпо, рекне Милица, да природа овај смерный, красный цвѣтакъ тако рано дае.

Она съ тимъ, одговори мати смѣшећи се, хоће дѣци да покаже, да красно и добро зарана у њима цвѣтати мора, да кадгодъ радостне плодове донесе.

И съ тимь, рекне отаць, што пролеће свой првый красный даръ съ такомь учтивостю раздае, дае намъ очекивати, да ће намъ іюштъ много високога и славнога дати. Ёрь само ондѣ, гдѣ учтивость и понизность обитава, може оно, што е благородно и високо сазрѣти.

Садъ на'ће Милица на путу подь триѣмь одну са свимъ разцвѣтану любичицу. Али пуна росна капля слила се у плавой чашници цвѣтка и своіомь тежиномь савила га къ земљи.

Онда стане дѣвойка гледећи на цвѣтъ и рекне: Тежка капля ће любичицу са свимъ пригнѣчити и къ земљи привући.

Не тако, Милице, одговори мати, свѣтла капля сия се у красной чашници, као бисеръ. Скоро ће сунце каплѣицу ту угрѣяти и горе одвући, и онда ће се и любичица красніе цвѣтаюћи и слаће миришући дигнути.

Та она, рекне отаць, расте и међу триѣмь. Али іой триѣ нешкоди; оно іюштъ брани нѣжный цвѣтакъ одъ хладна воздуха ноѣногъ и бурныхъ вѣтрова. Ёрь она е питомица небесне любви.

Онда погледи Милица на цвѣтъ и рекне: Дакле ни я небу любичицу пре узабрати, докъ се одъ росне капи неукрѣши, и горе неподигне.

Како простота и любовь одговори на то мати, лако у небесна вѣруе!

Зашто е и она сама небесна, — рекне отаць.

(Лѣт. 1829. Ч. 3.)

XV.

ИЗЪ ГЕСНЕРА.

Идилле.

1. Дафни.

Не о слободномъ юнаку крвлю упрсканомъ, нит' о
пустомъ ратномъ полю Муза моя пѣсеме пѣва; тихо и
плаховито одъ метежа она бѣжи, лаку свирку у руци
носеѣи.

За брчкавымъ жуборомъ студены' потока' и за тамномъ
сѣнкомъ свещены' шума' она тежи, те по обалама ситомъ
обрастлима мути, или она по цвѣѣу хода у сведени' хо-
дници' одъ высоки' зелены' дрва', и почива на мегкой
травици, те мысли и пѣсеме изводи, за те, за те само
изводи, Дафно прекрасна! Єрь в душа твоя, пуна неви-
ности, пуна добродѣтели, тако ведра, као найлѣпше
што в ютро пролѣтнѣ. Тако навѣкъ весела шала и радо-
стно осмѣхиванѣ око твои' малы' устница', око твои' ру-
мены' образа' трепти, и тиха радость непрестано изъ
очию твои' гледи. Да, любезна Дафно! одкако ты драгимъ
мене зовешь, одъ тогъ доба ми се будуѣность ясна и
сѣйна показуе, и са свакимъ даномъ радость и веселѣ иде.

О! кадь бы се ове веселе пѣсеме теби омилиле, коє
често Муза моя изъ пастырски' уста' слуша. И често се

она у густе лугове увлачи, те ту Нимфе дрва', козонога шумскогъ Бога, и у пеѣинама Нимфе ситомъ увѣичане слуша; често она посѣштава маховиномъ обрастле колебе, око коих землѣдѣлаць тихе сѣнке сади, и доноси амо приповѣдке о великодушю и добродѣтели, и о невиности, коя ти е увѣкъ весела. И често е Богъ любви у зеленимъ заклонима одъ плетены' витина' затиче; доста пута' и у врбама на мали' потоци'. Онда слухти онъ на нѣну пѣсму, и летеѣу косу нѣну увѣичава, када она о любви и веселой шали пѣва.

То бы, Дафно! то бы само нѣсме мое паградило, то нека ми слава буде, да я покрай тебе будемь, и да мило око твоє нѣсме мое смѣшеѣисе одобри. Онога, кои нема среѣе ове, нека разпалює мысао, да га поздни унуци за пѣванѣ нѣгово славе; они нека цвѣѣе му просипаю, и зелену сѣнку на потрулу траву.

(Лѣт. 1825. 3.)

2. Идасъ и Миконъ.

Здравъ ми буди, Миконе, пѣвче умилный! Кады я тебе видимь, игра мени срдце одъ радости. Одкако си ми на камену кодъ студенца пролѣтню пѣсму пѣвао; одъ оногъ доба нисамъ те видио.

Миконъ. Буди ми здравъ Идасе, ты свирче умилный! Дай да потражимо какво хладовито мѣсто, и у сѣнку да се посадимо.

Идасъ. Да на овай брежулякъ уз'иѣемо, гдѣ великій растъ Палемонъ стои! надалеко онъ око себе сѣнку свою баца, и лаѣани вѣтрови тамо навѣкъ несташую. Меѣу тимъ могу козе мое по стрменитой стѣни пужати се и са шибля брстити. Гледай како огромный растъ витке гране наоколо пружа и хладовиту сѣнку простире: хайде, да се овдѣ поредъ овы' дивьи' ружичны' чбунова' посадимо, тихи вѣтрови некъ се съ нашими власима играю. Миконе, ово ми е свето мѣсто! О Палемоне! растъ овай остае светый споменникъ твое добротѣ! Палемонъ имаѣаше мало стадо, онъ жертвова Пану многе овце; О Панае, моляше онъ, дай, некъ се плоди стадо мое, па ѣу га моѣи съ убогимъ сусѣдомъ моимъ дѣлити. И Панъ за годину дана' учини му стадо съ половиномъ веѣе; а Палемонъ даде убогомъ своемъ сусѣду половину одъ цѣлога стада. Онда принесѣ онъ на овоме чоту жертву Пану, и посади растъ еданъ овако говорѣѣи: О, Панае! Навѣкъ нека ми данъ овай светъ буде, када ми се желя моя испунила; благослови растъ овай, кога садимъ, онъ нека ми светый споменникъ буде; па ѣу ти онда сваке годинѣ жертве у нѣговой сѣнки приносити. Миконе, хоѣешь да ти одпѣвамъ пѣсму ону, кою я свагда подъ овымъ растомъ пѣвамъ.

Миконъ. Ако ты мени ту пѣсму одпѣвашъ, я ѣу теби ову свиралу деветогласну поклонити; я самъ самъ трску дуго избираю, и на брегу резаю, и мирисавымъ лепио воскомъ.

Садъ Идасъ пѣваше:

Вы, кое се нада мною савияте витке гранѣ, съ

вашомъ сѣнкомъ просипате вы свету превелику радость на ме! Вѣтрови, кадъ вы мене разлађуете, чини ми се, као да божество какво невидимо покрай мене прохуи! Вы козе и овце, поштедите, некидайте младый бршлянъ са бѣлога стабла, некъ се пужа и зелене вѣще плете наоколо око бѣлога стабла! О високо дрво, никакавъ громъ, нити вихоръ вѣтаръ некъ те неповреди! Божія е воля, да ты споменникъ добросердачности будешь. Высокъ е вршакъ нѣговъ; нѣга види издалека пастыръ, и указуе сыну своме свѣтуюћи га; нѣга види пѣжна майка, и казуе Палемонову повѣсть слухтеѣемъ дѣтету на крылу. О пастыри, садите по добросердачности по гдѣкой такавъ споменникъ, да се мы нѣгда пуни свете превелике радости по тавныма луговима шетати можемо!

Тако пѣваше Идасъ. Онъ е веѣь дуго ѣутао быо; а Миконъ юшть сѣѣаше слухтеѣи! Ах! Идасъ, мене узхиштава; роснато ютро, и пролѣѣе мене узхиштава; али юшть веѣма добросердачнога дѣла.

Тако говораше Миконъ, и даде му свиралу девето-гласну.

(Лѣт. 1826. 3.)

3. Миртилъ и Дафна.

Мирт. Тако си ми рано уранила сестро моя! Юшть се ни сунце ние изза брда помолило. Текъ ако е ластва свою пѣсму започела, и ако е раный пѣтао ютро по-здравио, а ты си ми веѣь изишла у росу. Какво мы-

слишь данасъ веселъ да справишь, кадь си тако рано уранила, те корпицу свою цвѣтемъ пунишь.

Дафи. Добро си ми дошао милый брата мой! Одкудъ ты тако садъ на овомъ росномъ ютру? Шта ты тамо радишь у тихомъ сумраку? Я самъ овдѣ любичицу и ѳурѳицъ и ружицу купила, па ѳу садъ докъ іоштъ отацъ нашъ и майка наша спаваю, по ньовой постельи да посемь, и они ѳе се у любкимъ мирисима пробудити, и мило ѳе имъ быти, када виде, да су цвѣтемъ обасути.

Мирт. О мила сестро! животъ мой ми ние тако мио као што си ми ты мила. А я самъ, — ты знашь сестро! синоѳъ према вечерной црвени, кадь нашъ отацъ къ чоту нашемъ погледа, гдѣ онъ често почива: ала бы лѳно было (тако говораше онъ) кадь бы ондѣ една сѣница стаяла, коя бы насъ у сѣнку свою пріймала; я то чуемъ и учинимъ се к'о да нисамъ чуо; али рано я уранимъ, и іоштъ пре, него што се сунце роди, тамо одемъ и направимъ сѣнипу, и око' нѣ яко увежемъ трепеѳуѳе лѣсково шиблѣ. О сестро моя! Погледай онамо, посао ми е готовъ; ѳути, ништа неказуй, докле онъ самъ несмотри; данъ овай некъ намъ данъ пунъ радости буде!

Дафи. О брата мой! како ѳе се онъ приятно удивити, кадь сѣницу издалека угледа! Я садъ идемъ тамо, па ѳу се лагано къ ньовой постельи привуѳи и цвѣтемъ ѳу их обасути.

Мирт. Кадь се они у любкимъ мирисима пробуде, онда ѳе они смѣшеѳи се едно на друго погледати и казати: То е Дафна учинила; камо е, оно добро дѣте? Она се за радость нашу пре, него се мы пробудисмо, постарала.

Дафна. О брате! Кады онъ са прозора сѣницу угледа, шта є оно, ил' се мени тако чини? (такo ђе рећи онъ) тамо стои сѣница една на брегу! То є цѣло сынъ мой начинио. Живъ и здравъ и срећанъ быо! Нѣга ни одпочиванъ ноћно не задржава, да се за радость старости наше побрине! Онда, брате, онда намъ є цѣо данъ пунъ радости и веселя. Ёръ ко у ютру што добро почне, томе иде све унапредакъ, и на свакомъ чбуну расте му радость.

(Лѣт. 1827. Ч. 1.)

4. Палемонъ.

Како любко сја црвень ютрена крозъ лѣску и дивю на прозору ружу! Како весело пѣва ластва на слемену изподъ крова мога, и мала шева у високомъ зраку. Све є оживило, и свака се травка помладила у роси. И я, и я самъ се чисто помладио; палица моя нека мене старца на прагъ колебе мое води, тамо ђу се я према излазеѣмъ сунцу да посадимъ и по зеленымъ нѣвама погледимъ. О како є све красно око мене! Што годъ чуемъ све су гласови радости и благодарности. Птице у воздуху и пастыри у полю пѣваю пѣсеме радости и веселя, и стада са травобогаты' чотова и изъ долине, кою вода просѣца, муканѣмъ радость свою изявлюю. Докле ђу я, докле јошть, о Богови! благость вашу очима гледати. Деветдесетый є ово путъ, да я премѣну годишньи' времена' гледимъ, и кады патрагъ помислимъ, одсадъ чакъ до првогъ часа живота мога; онда ми се пространый умил-

ный изгледъ показує, кои ми се на краю непревидимо у
 чистомъ зраку губи; о, како ми се онда срдце заиграва!
 о Богови, ние ли узхитъ, кога езикъ мой ни уполакъ
 изявити ние кадаръ, нису ли мое сузе радости преслаба
 благодарность? О! теците вы сузе, теците низъ лице!
 Кадъ се натрагъ обазремъ чини ми се као да самъ едно
 дуго пролеће живио; а мои мутни часи быяху кратке не-
 погоде; оне развеселяваю ныве и оживляваю траве.
 Нигда нису пагубне болештине наше стадо мориле; нигда
 ние несрећный случай воће наше кварно; и кодъ колебе
 ове нигда ние дуго траюћа каква несрећа почивала. Пунъ
 високе радости погледао самъ я у будућность, када су
 се дѣца моя смѣшећи се на руци ми играла, или кадъ
 є рука моя брблявогъ дѣтета бадаюћій ногоступъ упра-
 вляла. Са сузама радости погледао самъ я у будућность,
 кадъ самъ гледао, гдѣ ове младе воћнице узрашкую; я
 љу нѣи да одъ непогоде хранимъ, я љу нѣи да негуемъ,
 небы л' оне узрастле, говорио самъ я, Богови ќе благо-
 словити трудъ мой, оне ќе узраст'ти и прекрасне пло-
 дове носити, и изъ нѣих ќе дрва постати, коя ќе слабу
 старость мою у усладителну сѣнку пріймити. Тако самъ
 я говорио, и нѣи къ прсима моима притискавао, и сада
 су пуне благослова високо узрастле и пріймаю мою сѣду
 старость у усладителну сѣнку. Тако су ми ябуке и крушке
 и высоки ораси, кое самъ я као младо момче око колебе
 посадио, високо узрастли; на далеко они око себе старе
 тране пружаю и мало обиталиште у усладителну сѣнку
 пріймаю. Оно, оно є была найтежа туга моя, о Мирто!
 кадъ си ты на стрепећима моима прсима у наручю моме

изда'нула! Дванайстий е ово веѣхъ путь, да пролеѣе гробъ твой цвѣтемъ краси; али иде данъ, онай радостный данъ! у кои ће се кости мое къ твоима спустити; може быти, може быти, да ће ми се изза идуѣе ноѣи указати! О съ радостю я гледамъ, како се сѣда моя брада, као снѣгъ бѣла, по прсима моима таласа. Играй се да, съ бѣломъ косомъ по моима прсима, ты малый зефиру! кои око мене трептишь. Достойна е она, као златне власи веселогъ младиѣа, и као смеѣе кудре по плеѣима узрастле дѣвойке. О! данъ овай, некъ ми данъ радости буде! Я ѣу дѣцу мою око' себе да сазовемъ сву до малаго брблявога унука, и жертву ѣу боговима да принесемъ; овдѣ предъ колебомъ моіомъ некъ жертвенникъ буде, я ѣу да ѣелаву главу мою увѣнчамъ и слабачка рука моя нека лиру узме, на ѣемо онда мы, я и дѣца моя славоспѣвъ да пѣвамо, онда ѣу я цвѣѣе по трпези моіой да проспемъ и у весели' разговори' приложено месо да едемъ.

Тако е говорио Палемонъ, и дркѣуѣи на палицу свою ослонивши се горе се подигне и сазове дѣцу око' себе, те онъ Боговима славу слави веселу.

(Лѣт. 1825. 3.)

---

5. Миртилъ.

Тихо вече и сѣйна мѣсечина примаме Миртила, да освѣтлѣну бару посѣти; тихій, мѣсечиномъ обасяный предѣлъ, и пѣсма славуева овдѣ га у благомъ усхиту задрже. Али се садъ онъ врати у свою зелену одъ лоза' виновы' сведену сѣницу, коя предъ усамлѣномъ нѣго-

вомъ колебомъ быяше, и тамо на'ђе старога отца свога, гдѣ лежи и любко на мѣсечини спава; сѣду е свою главу на руку едну наслонио быо. Ту се заустави онъ и съ прекрштенымъ руками стане предъ нѣга. Дуго стаяше онъ ту, погледъ нѣговъ почиваше на старцу, нит' га сметаше съ нѣга, само кадкадъ крозъ сѣно виново лишѣ къ небу горе погледѣ, и сузе радости текеше сыну изъ очію.

О ты, (такъ говораше онъ) ты, кога я после богова найвеѣма поштуемъ, како любко спавашъ ты овдѣ отче! Како е осмѣшлѣивъ побожнога санъ! За цѣло изиѣе дркѣуѣа нога твоя изъ колебе, да съ тихомъ молитвомъ вече ово славишь, и заръ молеѣи се задремао си. Ты си се и за мене молио отче! О да среѣанъ ти самъ я! Богови слушаю твою молитву! Или зашто почива колеба наша тако безопасно подъ савиенымъ гранама; зашто е благословъ на стаду нашемъ и на плодовы' нѣвѣ наше? Често, кадъ ты, гледеѣи, како се я о покою клонуте старости твое, истина слабо, бринемъ, сузе радости проливашъ; кадъ по томъ очи къ небу подигнешъ и радостно мене благословишь, о! шта чувствуемъ я онда, отче! О! онда ми се надимаю прси, и сузе ми потокомъ изъ очію теку; кадъ е тебе рука моя данасъ изъ колебе извела, да се жаркога насладишь сунца, кадъ ты весело стадо око себе уемотри, и іошть къ томе плодовите воѣке, пакъ и плодоносный предѣлъ око себе; овако си ты тада говорно: „Власи мое у радостима су осѣдиле, благословена ми на вѣкъ вы поля, будите! Неѣе дуго тавнеѣій погледъ мой по вама мутити; скоро ѣу я васъ

съ блаженнымъ промѣнити поляма.“ О! отче, найбільій приятелю мой! Дакле скоро да те изгубимъ! жалостный помышляю! Ах! онда, — онда ъу олтаръ еданъ покрай гроба твога подигнути, и онда, кадь ми годъ блаженный данъ до'ђе, у кои нуждницима добро учинити узмогу, онда ъу, отче! мѣко и цвѣће по гробу твоме сипати.

Садъ е уѣутио, и са сузнымъ окомъ на старца е гледао. Како смѣшеѣи се лежи онъ овдѣ и спава! (говораще онъ ецаюѣи) валяда му е кое одъ побожны' нѣговы' дѣла' у сну предъ очи изишло. Како мѣсечина нѣгову ѣславу освѣтлява главу, и сѣинобѣлу браду. О да те хладниіи вечерниіи вѣтрови и влажна роса неповреде! Садъ га полюби у чело, да бы га тихо пробудио, и одведе га у колебу, да бы слаѣе на меким' кожама спавао.

(Лѣт. 1826. 3.)

---

6. Титиръ и Меналкасъ.

На чоту едномъ лежаше стараць Меналкасъ према блажиіой лучи сунчаной и тамо крозь есенній предѣлъ гледаше, любко дивеѣи се, кадь е Титиръ, наймлаѣій сынъ нѣговъ, дуго веѣь покрай нѣга стаяо: Любкимъ узхитомъ испунѣнъ уздысаше стараць, а сынъ гледаше дуго съ тихомъ радостю на отца. Отче, проговори онъ садъ умилнимъ рѣчма; како сладакъ мора твой узхитъ быти? Давно веѣь гледамъ я како погледъ твой крозь есенній предѣлъ мути, и слушамаъ уздысанъ твоє. Отче! испуни ми едну молбу.

Меналкасъ. Изкажи молбу твою, любимый мой! и посади се покрай мене, да те у чело твое полюбимъ: и Титиръ се посади покрай нѣга, и стараць нѣжно полюби чело сыновлѣ. Отче! (такo продужи младиѣ), мени е приповѣдао мой найстарѣи братъ; зашто често, кадъ мы у сѣнки кодъ стада сѣдимо и онда намъ сузе изъ очю теку, сузе радости. Онъ ми е приповѣдао, да е тебе сва околина ова наибольшимъ пѣвачемъ назива^(ла)ю, и да си ты по гдѣкою козу у надпѣваню задобио. О! кадъ бы ты покушати хтѣо, мени одну пѣсму одпѣвати, садъ, кадъ те всеный предѣлъ къ радости потрза. Испуни, отче, испуни ми молбу ову!

Любко смѣшеѣи се одговори садъ Меналкасъ: я ѣу покушати, еда ли ме юшть Музе любе, кое су ми тако често пѣванѣмъ обкладу добыти помогле; я ѣу ти пѣсму одну одпѣвати.

Садъ протрчи погледъ нѣговъ юшть еданпуть по предѣлу и онъ овако поведе:

Послушайте ме, Музе! послушайте, кадъ васъ тако яко зовемъ. У пролеѣе дана' мой' при жубореѣимъ потоцима и тихима луговима никада ме нисте оставиле, да послушале нисте. Допустите, да ми ова пѣсма за рукомъ изиѣе, допустите мени, сѣдоме старцу!

Какавъ любкѣи узхитъ радости тече ми садъ изъ тебе всеный предѣле! како се краси издишуѣа година! Око' бара' жуте се сарбаси и врбе, жуте се и ябуке и крушке по шарени' чотови' и зеленой ливади, а измеѣъ нѣи' огняна се црвень трешньова простире! Шаренъ е есеный лугъ, ка'но нѣва у пролеѣе цвѣтемъ испунѣна

свакоякимъ, црвенкаста смѣса слива се съ брда у долину и по нъой се непрестано зелене еле и борови виде. Веѣь шушти опало лишѣе подь ходаюѣимъ ногама, невесело муте стада по увелой безцвѣтной травы; веѣь намъ до'ѣе црвенкастый цвѣтъ осенній, усамлѣнный вѣстникъ зиме. Садь наступа покой зиме, о! воѣеке, кое намъ благо свое, зрѣле плодове и разладительне сѣнке пастыру и стаду давасте, о! тако некъ нико къ покою гроба не оде, докле ние сладке плодове носио и оживляваюѣе сѣнке надь нуждницима прострео. Зашто, сыне! благословъ почива кодь колебе добросердачнога и кодь житнице нѣгове? О сыне! поштенъ човекъ, и кои се на богове осланя, никада неходи по преварливой бари. Кадь добросердечанъ жертве приноси, онда се дымъ жертве високо къ Олимпу пенѣь, и богови благослове изливаюѣи слушаю благодарность и молбу нѣгову. Нѣму сова негласа страшну несреѣу и жалостно крачуѣий гавранъ ноѣный. Онъ живи безопасно и спокойно подь своимъ мирнымъ кровомъ, благонаклонни куѣевни богови гледи добросердачнога послове и слушаю умилный говоръ нѣговъ и нѣга благосиляю. Истина, да и мутни дани у пролеѣе и грмеѣи облаци у благословено лѣто долазе: Али, сыне, немой да се противишь, кадь Зевсъ у твоих дана' шаку и мутне часе умѣша! Незаборавай на науке мое, сыне! Я ѣу пре тебе у гробъ отиѣи! Поштедите вы, вихори! поштедите осенній украсъ, пустите, некъ тишии вѣтри играюѣи се венуѣе лишѣе полако дрвима подкраѣую, пакъ ѣе ме шареный предѣлъ іошть често радостю узхитити моѣи. Може быти кадь се ты красна есени, опеть вратишь, да те я веѣь више неѣу видити. Одъ

кога ќе онда дрвета увело лишће на мой спокойный гробъ спадати?

Тако пѣваше старацъ, а Титиръ притисне плачући отчину руку къ своимъ образима.

(Лѣт. 1826. 3.)

7. Дафнисъ и Хлоя.

Рано у ютру изиђе Дафнисъ изъ колебе и на'ђе Хлою, млађу сестру свою, гдѣ се спрема, да одъ цвѣћа вѣнце плете. Сяше роса по свему цвѣћу, и къ роси надаху сузе нѣне.

Дафн. Мила Хлою! на што ти вѣнци? Ты плачешь, ах!

Хлоя. Та и самъ плачешь любезный мой! Али, ах! како мы да неплачемо? видѣ ли ты како жалостиво наша майка мимо насъ про'ђе, како намъ руке стиште и узда'ну, и свое сузно око сакрива?

Дафн. Видио самъ я то. Ах! нашъ отацъ! Онъ мора већма болестанъ бити него што е синоћъ быо.

Хл. Ах, брате мой, брате мой! Ако онъ умре! — — Ах! како насъ онъ радо има, како насъ онъ любви, како насъ онъ милуе, кадъ мы оно чинимо, што е нѣму по вољи и што е Боговима мило.

Дафн. Ах, мила и любезна сестро! Како е све жалостно! Залуду се моя мала овца око мене умилява; скоро, ах! скоро ми на умъ непада да е наранимъ. Залуду

ми голубъ мой на рамена моя долеѣе, и люби ме око устана моих и око браде мое; ништа, ништа ме неможе да развесели. Ах, мой отаць! Кадъ бы онъ умро, и я бы самъ онда умро.

Хл. Ах, нашъ отаць! Знашь ли ты іоштъ? Садъ е петъ дана', када онъ насъ двое на свомъ крылу држаше, и плакаше. —

Дафн. Ах, Хлоіо, како онъ насъ на землю спусти, како поблѣди! Немогу васъ выше држати, мила дѣчице! Мени е мучно, врло мучно! и онда онъ оде посрѣхуѣи къ своме кревету. Одъ оно доба е болестанъ.

Хл. Ах, све веѣма болестанъ! Гледай, брате! шта самъ наумила. Рапо изиѣемъ я изъ колебе, да свѣжа цвѣѣа наберемъ, и ове вѣнце оплетемъ; па онда идемъ я къ кипу Панову; зашто све говори отаць нашъ и майка наша : Благи су Богови и радо слушаю побожне молитве. Я ѣу да идемъ и да му ове вѣнце жертвуемъ; и гле овдѣ у кавезу, наймиліе што имамъ, птичицу мою, и ню ѣу му жертвовати.

Дафн. Ах, любезна моя сестро! Идемъ и я съ тобомъ; причекай, само два тренуѣа ока причекай : я ѣу да донесемъ котарчицу мою, пуну найлѣпши' плодова, и мое голубове, и те ѣу му на жертву принети.

Онъ отрчи, и таки се врати; и они отиду кипу Панову, кои стаяше не далеко исподъ буквій на вдноме чоту. Садъ клекоше они предъ нѣимъ и овако се Богу помолише.

Дафн. Пане, ты благій хранителю наши' нѣива', послушай, послушай нашу молитву! Мы смо дѣца болестногъ Меналке; послушай, о! послушай нашу молитву!

Хл. Послушай, о! послушай нашу молитву, добрый Панае! Приими нашу малу жертву као што дѣца дати могу; ове вѣнце я преда те меѣемъ; кадь бы дохитити могла, око главе и око рамена' бы твои' я нѣи обавила. Спаси, о! спаси благий Панае, отца нашегъ и поклони га опеть нама, сиротой дѣци.

Дафн. Ове плодове приносимъ я теби найслаѣе што имамъ; приими, ах приими их съ благостю! найболю бы ти козу жертвовао, да она ние яча одъ мене дѣтета. Али докъ одрастемъ, по двѣ ѣу ти сваке године жертвовати, што си намъ ты отца нашегъ поклонио. Изцѣли и подигни намъ нашегъ доброгъ отца!

Хл. Птичицу ѣу ову я теби жертвовати, благий Панае; она ми е осимъ свега наймилія, што имамъ. Видишь, она долеѣе на мою руку, да е наранимъ, али ѣу е теби да жертвуемъ, добрый Панае!

Дафн. И овогъ голуба ѣу теби удавити. Видишь, онъ бы се играо, и умилявао; али ѣу га теби да жертвуемъ, да ты нама отца поклонишь. Послушай, о! послушай молбу нашу!

Садъ хтѣдоше дѣца да даве малим' уздрктаным' рукама; ал' умилный гласъ повикне: радо слушаю Богови молитве невинности; недавите радости ваше, дѣчице; отаць вамъ е оздравио!

И онъ оздрави. Умилѣни побожностю дѣчиномъ, іошть тай истый данъ сви отиду, да Пану жертвую, и Меналкасъ съ пунымъ благословомъ доживи свое унуке.

(Лѣтоп. 1827. 1.)

8. М и л о н ъ.

О ты, коя си ми милия нег' роснато ютро, ты са великими чарными очима; красно се тамна твоя коса изподъ цвѣтногъ вѣнца таласа, и съ вѣтровы игра. Милина е, кадь се румене устне твое за смѣянѣ отворе; юшть е веѣа милина, кадь се оне за пѣванѣ отворе. Я самъ тебе слушао Хлоію! тебе самъ я слушао! Кадь си ты оно ютро кодъ студенца пѣвала, на кои она два раста сѣнку свою бацаю; срдито, што птице неѣуташе; срдито, што е изворъ жуборио, слушао самъ я тебе. Садь е деветнайета жетва, кою самъ я очима моима видио; и я самъ лѣпъ и прноманяеть у лицу; доста самъ я пута' примѣтио, да су пастыри престаяли пѣвати, и слухтили, кадь бы се мое пѣванѣ по долини разносило, и узъ твое пѣванѣ небы ни една свирала болѣ свирала одъ мое. О красна Хлоію! люби мене! Погледай, каква е милина на овоме брегу у моіой стѣни живити. Гледай, како пузеѣій бршлянъ зелену мрежу сладостно око стѣне плете, и како на вршакъ нѣнѣ триякъ сѣнку свою баца. Пеѣина е моя страна и у мене су дуварови съ мекимъ кожицама застрти; предъ улазомъ самъ я тикве посѣяо, оне се високо горе пужаю и сумрачный кровъ праве. Гледай, како се любко изворъ изъ стѣне мое пѣнуши, и быстро преко локваня тамо крозь високу траву и цвѣѣе протиче! Подъ берегомъ се онъ слива и мало езеро прави, кое е ситомъ и врбама увѣнчано, гдѣ Нимѣе често према тихой мѣсечини узъ свиралу мою играю, кадь скакуѣуѣи Фауни са своимъ кроталима звекеѣу. Гледай, како се лѣска на брегу

своди, и зелене заклоне прави, и како купина (ягоднякъ, оструга) съ црнымъ своимъ плодомъ око мене пузи, и како дивя ружа црвене ягоде носи, и како ябуке пуне плода стое, а пузеѣа лоза око нѣи' се вие. О Хлоіо! све е то мое! А ко више жели? Али ах! ако ты мене не-узлюбишь, онда ће густа маглуштина цѣо ми предѣлъ обузети. О Хлоіо! люби мене! Овдѣ ћемо се мы онда у мегку траву посадити, докѣ међу тимъ козе по стѣни се пу-жаю, и овце и говеда око насъ по високой травы газе; онда ћемо мы преко далеко отегнуте поляне да погле-димо, тамо у море сѣино, гдѣ Тритони скакуѣу, и гдѣ се Фебусъ са кола' свои' силази, и онда ћемо да пѣвамо, да се дальне стѣне разлежу, да се Нимфе уставе и слу-шаю, и козоноги шумски богови.

Тако е пѣвао Милонъ, пастыръ на стѣни, кадѣ е Хлоя нѣга у шипрагу слушала; смѣшеѣи се изиѣе она изъ ши-прага и ухвати пастыра за руку. Милоне! ты пастыру на стѣни! (такo говораше она). Я те веѣма любимъ негъ што овце детелину любе, и веѣма, нег' што птице пѣ-ванѣ любе: води мене у твою пеѣину; слаѣій ми е твой полюбаци одѣ меда, тако любко непушти ми ни потокъ.

(Лѣтоп. 1826. 3.)

9. Дафна и Хлоя.

Дафна. Гле, веѣ се диже мѣсецъ изза те чарне горе; веѣ сѣя онъ крозъ пайгорнѣ дрвлѣ. Овдѣ ми е нѣкако милина, айде да іоштѣ овдѣ останемо, а међу тимъ ће братъ мой стадо на миру куѣи одвести.

Хлоя. Мио е предѣлъ овай, мила е ладовина вечерня: айде да заостанемо овдѣ.

Дафна. Гле, овдѣ край стѣне, то е башча младога Алексиса. Ходи, да преко плота погледамо. У свой земљи е ово најприятнїя башча; ни една ние тако лѣпо уреѣена, ни една се тако добро неради.

Хлоя. Добро, айдемо.

Дафна. Ни еданъ пастырѣ неумѣ тако младице подранити као онъ. Ёл'?

Хлоя. Ёсть, ёсть!

Дафна. Гледай, како се све здраво развїя, и диже, што годъ на земљи расти, и узъ тачке пужа. Тамо вода са стѣне жубори, гле, како одъ нѣ читавъ поточиѣъ крозъ сѣнке у башчи тече. Гле, на стѣни, одкудъ изворъ пада, одъ орлова нокта (Geisblatt) начинио сѣницу; одтуда се мора савъ колїкїй краснїй овай предѣлъ видити.

Хлоя. Дѣвойко, ты хвалишь са жаромъ. Све е приятно. Приятнїя е башча смеѣга Алексиса него све башче у овой земљи; лѣпше нѣгово цвѣѣе, него све друго цвѣѣе; тако приятно не жубори ни еданъ изворъ као овай; ни една вода ние тако ладна; ни една вода тако сладка.

Дафна. Е, ты се смѣешь, Хлоїо!

Хлоя. Ё да. Ево я откинух ову ружу; кажи ми, ние ли нѣнѣ мирисъ слаѣїй, него евію други' ружа'? Приятанъ као да е самъ Аморъ ню подранио.

Дафна. Ах, немой се подсмѣвати.

Хлоя. Но, али — Неустежи уздисанѣ, што ти груди надима.

Дафна. Ах! ты си злоѣа, айде да идемо.

Хлоя. Тако на єданпутѣ? Мени се овдѣ лѣно допада, башѣ лѣно. Али слушай — Я чуемѣ гдѣ нѣшто шушти. Овдѣ у зови насѣ нико невиди. Ха! башѣ онѣ самѣ. Лагано, шапѣи ми, та ние ли онѣ лѣпшій него сви пастыри.

Дафна. Ах, я идемѣ.

Хлоя. Я те непуштамѣ. Гле, онѣ се диви, онѣ уздише, цѣло му каква дѣвойка на срѣцу лежи. Та твоя рука дркѣе. Небой се, та нема овдѣ курыка.

Дафна. Пусти ме, ах пусти ме!

Хлоя. Бути! Слушай —

У сѣнки зовины' грана' сакрыле се дѣвойке. А меѣу тимѣ Алексисѣ, пезнаюѣи да га ко слуша, умилнымѣ гласомѣ ову пѣсму поведе :

Ты блѣдый тихій мѣсецу, буди свѣдокѣ уздисаня мога, и вы, вы тихе сѣнке, колико сте вы пута' именовѣ Дафне, Дафне — са мномѣ уздисале! Вы цвѣтиѣи, кои око мене мирисѣ просипате, роса блиста на ваши' листиѣи', као суза любви што блиста на образима моима. О кадѣ бы я смѣо, кадѣ бы я нѣой казати смѣо, да я ню любимѣ, веѣма него што пчела пролеѣе любви! Отпре наѣемѣ я ню на бунару; тяжкій судѣ съ водомѣ она е напунила была. Пусти мене, да ти я то тяжело за тебе суда бреме у твою колебу однесемѣ. Тако самѣ я едва изговарао; како си ты добарѣ, тако е рекла она. Дркѣуѣи узмемѣ судѣ, на затменѣ и уздишуѣи очи кѣ земљи оборивши, и поредѣ Дафне ишавши, неусудих се казати нѣой,

да я ню любимъ, веѣма, негъ што пчела пролеѣе люби. Како си жалостно клонула покрай мене, ты мала Нарциссо; ово подне си іошть у веселомъ цвѣту была, а садъ увела! Ах тако, тако ѣу я младый пастыръ увенути, ако Дафна любовь мою одбаци, онда ѣете вы, вы цвѣтови, вы свакояке воѣке, отире радость моя, моя найслаѣа брига, онда ѣете вы безъ пеге свеколике повенути; еръ за мене никаква радость веѣ цвѣтати неѣе. Дивя коровина ѣе васъ онда угушити; и обрастли тріяци ѣе са нездравымъ ладомъ васъ покривати. Вы воѣке, кое сте найслаѣе плодове носиле, моіомъ рукомъ овдѣ посаѣене, безъ лишѣа и плода ѣе ваша сува стабла жалостно изъ дивячине се видити, и ту, ту ѣу я мой остальй животъ уздишуѣи провести. Онда ми ты, кадъ мой пенео овдѣ почивао буде, онда ми ты у загрлю любезнога супруга сваку найслаѣу среѣу до сытости уживай! Но не, зашт' да ме мучите вы образи очаянїя црногъ? Іошть цвѣта надежда моя. Та она се любовно насмѣе, кадъ я затежуѣи се мимо нѣ проѣемъ. Недавно самъ я на чотиѣу свирао у мою караблю, кадъ е она ливадомъ оближнѣомъ прошла; она се зауставила. Текъ што самъ е спазио, таки ми се уздркташе устне, и сви прети мои; и ако самъ и свирао я зло, опеть е она стаяла и слушала. О! кадъ едномъ я ню као невѣсту мою у ваше сѣнке доведемъ, онда о цвѣтови, нека бое ваше веѣма пламте, онда намъ найприятнїе мирисе просипайте. Онда спустите вы воѣке, спустите ваше ладовите гране пуне сладкога воѣа къ нѣой!

Тако е пѣвао Алексисъ. Дафна е уздисала, и рука нѣна дрктала е у руци другарице нѣне. Ал' Хлоя повикне:

Алексисе, она люби тебе! Ево е овдѣ подѣ зовомъ, ходи полюби сузе са образа' нѣны', кое одѣ любви пролива. Пунѣ стыда онѣ тамо приступи; ал' нѣгове силне радости немогу изказати, кадѣ е Дафна пуна стыда на Хлоине груди наслонѣна изустила, да она нѣга люби.

(Лѣтоп. 1829. 3.)

10. Миконѣ.

Изѣ Милета доѣсмо мы, Милонѣ и я, да Аполлону жертву нашу принесемо. Веѣ смо изѣ далека угледали мы главицу ону, на коіой храмѣ на сѣйни' стубови' изнадѣ лаврова луга високо у плавомѣ зраку стои, и изза нѣга е изгледѣ у море непрегледный оку трептио. Подне е было, и песакѣ е палио табане наше, а сунце темена; управо е надѣ нама тако стаяло, да су витице на челу свое сѣнке преко свега лица бацале. Гуштерѣ дакѣуѣи увлачио се у папрацѣ на путу, и попакѣ и скакавацѣ зрикали су изподѣ сѣнке одѣ лишѣа у клонулой триви. Исподѣ свакогѣ погоступа узлетао е врео прах, и палио е очи, и падао е на испечене устне. Тако смо ишли мы уморни: Него смо почели кракатиѣ корачати; зашто смо на путу предѣ нама начесто стоеѣа висока дрва угледали; тамна е сѣнка изподѣ нѣи' была као ноѣ. Мрави су насѣ подишли одѣ милине, кадѣ смо ту у прелобку ладовину ушли. Преумилно мѣсто, кое е на еданпутѣ сваку сладость на насѣ излило! Дрва су окружавала велику лею, гдѣ се найчистиѣ и найладниѣ изворѣ изливао. Свудѣ уна-

около спуштале су се гране къ нѣму, пуне зрѣлы' ябука' и крушака' и измеѣ' стабала дрвны' вѣло се плодоносно шиблѣ, црне и црвене ягоде (ежевика), и грашацъ. А изворъ е шуштио изподъ надгробногъ споменника едногъ, око когъ су се козій листъ, и виткій чмоль, и пузеѣій бршлянъ савияли. О Бози! тако самъ повикао я, како е приятно ово опоравляюѣе мѣсто! Светъ и благословенъ быо онай, кои е ове сѣнке тако благотворно насадио; можда пепео нѣговъ овдѣ почива. Овдѣ, рече Милонъ, овдѣ съ лица гробнога споменника изподъ грана' козѣга листа видимъ я урезане черте; можда ѣе намъ оне казати, ко е тай, кои се тако за опоравлянѣ путника старао. И садъ подигао е онъ гране са своимъ штапомъ, и читао е:

Овдѣ почива прах Микона! У добротворности савъ е животъ нѣговъ протекао. Дуго после смрти свое хотѣо е онъ юштѣ добра чинити, па е навео тай изворъ овамо, и посадио дрва ова.

Благословенъ быо прах твой, о честитый, тако самъ говорио я; благословени твои, кое си послѣ себе оставио! На то нѣко изподъ дрва' доѣе; то е была красна жена, витка стаса, и благородна вида. Судъ воденый носила на руци, и тако е на изворъ дошла. Благословени ми были вы у сѣнкама овима, тако говораше она, са умильномъ любезностью; вы сте странни можда; можда васъ е и дугій путь на припеки сунца уморио. Кажите, ако къ опоравляню вашемъ юштѣ што служити може, него што овдѣ налазите?

Благословена была, тако су одговорили они, ты добротворна жено. Мы никаквогъ другогъ опоравляня не-

требамо; сладко насъ е изворъ овай, сладко плодови ови, и сѣнке ове оживотвориле. Мы смо преиспунѣни страхопочитаня за честитого овога, коега пепео овдѣ почива, што се тако за потребе путника старао. Ты си изъ овогъ предѣла, ты си познавала овога човека; кажи намъ, докъ насъ света сѣнка ова разлаѣуе, кажи намъ, ко е онъ быо?

Садъ жена воденый судъ свой на подножіе споменника гробнога метне, наслони се на нѣга, съ приятнымъ осмѣхиванѣмъ говореѣи:

Миконъ, тако се звао онъ, кои е Богове поштовао, и коега е найслаѣе задовольство было, другима добра чинити. У свему предѣлу овомъ нема ни едногъ настыра, кои небы съ приятельствомъ и благодарностью споменъ нѣговъ поштовао; нема ни едногъ, кои небы повѣсти нѣгове честности, и добротѣ нѣгове са сузама радости преповѣдао. Я сама, я нѣму благодарити имамъ, што самъ найсреѣнїя жена; — овдѣ се заблесташе сузе у очима нѣнымъ — жена сына нѣговогъ. — Мой е отацъ умро быо; у жалостной сиротинѣи оставио е онъ послѣ себе честну жену и мене. У домаѣой тишини, нашимъ посломъ и побожномъ добротворностью ранаѣи се, живили смо мы, и добродѣтель и побожность было е наше едино богатство. Двѣ козе давале су намъ млѣко свое, и малый воѣнякъ воѣе свов. Нисмо дуго мы ни у овой тишини живили; и мати моя умре и остави мене неутѣшно дѣте свое. Али Миконъ мене у свою куѣу прїйми, и преда ми домаѣе послове, и быо ми е више отацъ него господаръ. Нѣговъ сынъ наиболѣй и найлѣншїй пастыръ у цѣломъ предѣлу, видно е искрену посленость, и мое брижльиво старанѣ,

како да достойна среће мое будемь; онъ е видно то и любно е мене, и казао ми е, да онъ мене люби. Шта самъ я у срдцу моме чувствовала, то сама себи писамъ признати хотѣла. О Дамоне, Дамоне! забораи любовь твою! Я сирота дѣвойка доволно самъ среѣна, кадъ самъ само служавка у дому твоем. Тако самъ я молила нѣга, али онъ любовь свою ние забораио. Едно ютро самъ я у трему спрема ласе, да вуну одъ стада у посао узмемь; онда уѣе Миконъ и посади се покрай мене, према сунцу ютрепѣмь; дуго е онъ мене са любезнымъ осмѣхиванѣмъ гледао. Дѣте, тако говораше онъ садъ, твоя побожность, твоя посленость, твое све владанѣ мени се одвеѣ допадаю; ты си найболѣ дѣте, и я самъ радъ, ако Богови у помоћи буду, радъ самъ я тебе среѣномъ видити! Могу ли я, мой предобрыи господару, мугу ли я среѣниа быти, него кадъ самъ твои' благодарности текле су изъ очію мои'. Дѣте, говораше онъ, я желимъ споменъ отца твоега и матере твое чествовати; я желимъ у старости моіой сына могъ и тебе среѣнима видити. Онъ тебе люби; може ли тебе, кажи мени, може ли тебе любовь нѣгова среѣномъ учинити? Садъ ми клоне посао изъ мое руке, уздрктана, руменю обливена стаяла самъ я предъ нѣимъ. Онъ мене узме за руку: и, може ли тебе, тако говораше онъ, може ли тебе твоя любовь среѣномъ учинити? Я паднемъ предъ нѣга, одъ радости онѣмимъ, и притиснемъ руку нѣгову на мое сузама обливено лице; и одъ онога дана самъ я найсреѣниа жена постала. Садъ обрише она очи свое; то е быо тай човекъ, кои овдѣ почива, тако

настави она; али како е онъ изворъ овай овамо навео, и ове сѣнке посадио, то бысте вы іошть знати желили, и я ѣу вамъ приповѣдити.

Кадъ е веѣъ близу предъ смръть нѣгову было, често е ишао онъ и сѣдао овдѣ на путь, поздравляо е любезно путника, и сиромаха и уморнога е опоравляо. Како бы было кадъ бы я хладовиту сѣнку одъ плодоносны' дрва' овдѣ посадио, и хладный изворъ у ту сѣнку навео? Далекo не'ма извора ни сѣнке. Тако бы оживотворио я, кадъ ме давно веѣъ nebude, уморнога, и онога, кои се на припеки сунца жеѣю мори. Тако е говорио онъ, и изпреко ныва' наведе онъ найладни изворъ, и насади плодоносна дрва наоколо, коя раніе и поздніе зру. Посао е свршенъ быо; а онъ тадъ отиде къ храму Аполлонову и жертву принесе молеѣи: Дай, да узрасте, што самъ насадио, тако ѣе свакій побожанъ, кои издалека къ твоему храму долази, у хладовитой сѣнки опоравити се моѣи.

Богъ е молбу нѣгову милостиво услышао. Друго ютро пробуди се онъ рано, и погледи са прозора свога на путь. И садъ види онъ, гдѣ е саѣенице посадио, ту су высоко узрастла дрва стаяла. Богови, тако повикне онъ, шта я видимъ. Дѣцо кажите ми, вара ли мене какавъ санъ? Я видимъ, што самъ синоѣ посадио, да су садъ веѣъ дрва высоко узрастла. Светымъ удивлѣнѣмъ испунѣни, отидемо мы садъ у сѣнку; са свимъ узрастла дрва су ту стаяла, и надалеко свое яке гране пружала; бремя зрѣлога плода савияло е нѣих доле къ цвѣтовитой травѣ. О чуда, тако повиче стараць, дакле я овако старъ, да у овимъ сѣнкама іошть шетамъ? И мы благо-

даримо и жертву принесемо Богу, кои е тако милостиво іоштъ више и преко желѣ нѣгове учинио. Али ах! Онъ се ние дуго у овима сѣнкама шетао: онъ умре, и мы нѣга овдѣ погребемо; да онай, кои у овима сѣнкама отпочива, благодарно пепео нѣговъ благосиля.

Тако е приповѣдала она. Тронуті благосиляли смо мы прах честитога. Сладко насъ е изворъ, сладко сѣнка опоравила, али іоштъ веѣма то, што си намъ съ любезностью преповѣдала; да си намъ благословена! Тако смо говорили мы, и отидемо нуни побожнога чувства храму Аполлонову.

(Голуб. 1839. 1.)

---

11. Еритія.

Мирсонъ и Ликасъ.

Мирсонъ. Айде овдѣ да идемо по потоку, вода ће намъ ноге разладити; надъ нама ће се врбе и витко ясенъ савияти съ ладомъ.

Ликасъ. Зашто не? на овой запари свакій угрѣянъ тражи лада.

Мирсонъ. Айде да идемо дондѣ, гдѣ потокъ доле пада; милина е тамо и ладовина, рекао бы пливашь на мѣсечини по води.

Ликасъ. Послушай де, я веѣь чуемъ падаюће воде хуку. Чисто бы рекао, да свако створенъ у ови' ладови' радости себи тражи. Каква зука, какво превртанъ гла-

сова, какво цвркутанѣ, каква ли весела изшарана врева овдѣ у ладу трепти! А ова мала плиска као да намъ хоће путъ да покаже; гле како весело предъ нама съ камена на каменъ скакуѣе. А гле опетъ овдѣ, како свѣтла зрака сунчана у ово шуплѣ врбино стабло пада, око кога се павитина и бршлянъ вию. Па гле, младо яре у нѣму спава! како е оно лукаво себи ово приятно планиште изабрало.

Мирсонъ. Ты све видишь; само ти непада у очи, да смо мы ондѣ, гдѣ треба да будемо.

Ликасъ. А гле! О Пане! О Богови! какво е то приятно мѣсто.

Мирсонъ. Као сребрна завѣса, кою тихій вѣтаръ нѣия, тако падаюћій потокъ покрива пећину, коя се изза нѣга своди; вѣнацъ одъ шибля обколява нѣга. Айде да изза водопада (скоковца) у пећину у'ѣемо.

Ликасъ. Ух! мени е туга одъ приятне ладовине. Како се потокъ предъ нама съ брчкомъ слива! Свака падаюћа капъ сѣ се, као ватра, у сунчаной зраки.

Мирсонъ. Айде да се овдѣ на ово повеѣе, маховиномъ покривено каменъ посадимо; ноге ће наше непоквашене стаяти на ономе, што изъ воде вири, а међу тимъ ће насъ водопадъ у пећини заградити.

Ликасъ. Оваково милине пуно мѣсто нисамъ у момъ вѣку видио.

Мирсонъ. Да, пуно е милине мѣсто ово, па е јоштъ и Пану свето. Око подне бѣже одъ нѣга пастыри: кажу да Панъ често у то доба ту одпочива. Има и пѣсма една о овомъ извору, ако хоћешъ, я ћу ти е пѣвати.

Ликасъ. Овдѣ намъ е згодно сѣдити; овдѣ на узглавлю одѣ маховине наслонитѣу се амо на стѣну, и слушатѣу съ радостю и веселѣмъ пѣсму твою.

Лѣпа, о кѣри Ериданова! лѣпша си одѣ свию Діянины' пратилица' ты, о Еритія, была! Лѣпота е нѣна само у цвѣту была, іоштѣ као у палакъ дѣте, ал' она веѣь танка и висока быяше; дѣтиня безазленость смѣшила се іоштѣ у прекрасномъ лицу, и умилята стыдлѣвность у яспоме плавомъ оку; нѣне младе прси, само малко извышене, обѣѣаваше текѣ одсадѣ правый узрастѣ. На прижеги сунца гонила е она са другарицама своима срну у гори; па онако уморна и дакѣуѣи одѣ жеѣи отрчи на еданѣ изворѣ. Она разлади руку, и умие свое красно лице; после захити еданѣ напитакѣ ладне воде, и еркне га съ малим' устнама. Овако у послу, нагла се надѣ потокѣ, и немислеѣи на опасность какову; ал' е Панѣ ню изѣ оближнѣгѣ шибля сматрао, и одмах се любовь у прсима нѣговим' запламти. Крадомѣ се онѣ къ нѣой привуче, да она и неосѣти, докъ найближа трава на леѣима нѣним' незашушти, и нѣга изда. Сва престравлѣна скочи, и избѣгне изѣ нѣговы' снажны', одѣ желѣ уздрктаны' мншица'; веѣь е осѣтила была топлину нѣгову на своіой слабини; еданѣ листакѣ ружице испунио бы оно, што е измеѣу нѣ и руке нѣгове іоштѣ остало. Хитро прескочи она преко потока, та лака е ка'по срна была, па одѣ стра' іоштѣ бржа постаде; тако е бѣжала она, а онѣ се за нѣомъ пустио; тако е она преко утрина' летила, као што брзый вѣтарѣ по врхови' траве стриже. Ал' на еданпуть устави се одѣ ужаса. Накрай краичка едне стѣне

стане, задркѣ се, натрагъ тргне, сва поблѣди, и у дубоку долину погледи; па е онда страховита вика стане: О Дияно! О заштитнице чистоте, избави, о избави ме, да ме небы нечиста обухватила рука! Избави, о избави, Дияно, заштитнице чистоте! Али Богъ устопце веѣь за ньомъ быяше — веѣь осѣти дисанѣ нѣгово — а садъ и нѣгову грлеѣу руку. Али Богиня, любви противна, услыши нѣну страховиту молитву, и вода каплѣ съ нѣговы' руку, кое су е загрлиле быле, и съ прсию на ню насло-нѣны'; она се разтопи у загрлю нѣговомъ, и постаде изворъ — топи се као пролѣтнѣй снѣгъ па синѣмъ камену — топи се, каплѣ съ нѣговы' руку' — тече низъ колѣно нѣгово — тече крозъ траву — пада са стрмене стѣне, и веѣь тече тамо у долини. И тако постаде Ери-тѣя, чистѣй изворъ овай.

(Даница 1827.)

---

12. Н о ѣ ѣ.

Тиха ноѣи! Како сладостно покривашъ ты мене овдѣ! овдѣ на омаховлѣномъ камену. Я самъ ѣоштъ Феба видио, како се изза пресѣька оны' гора' губио; онъ се послѣднѣй путъ осмѣхнуо амо крозъ лагану маглу, коя е, као златна танчица, дальне винове планине, шуме и ливаде съ блистанѣмъ обасипала; сва природа у благомъ одсияваню румени, коя е на пругастим' облацима пламтила, славила е разстанакъ нѣговъ; птице су му послѣдню

пѣсму одпѣвале, па другъ съ другомъ своя безбѣдна гнѣзда потражиле; пастыръ подужима сѣнкама праѣенъ, своіой колеби тежеѣи, свирао е свою вечерню пѣсму, кадь самъ я сладко овдѣ заспао.

Ты ли си, о Филомело, умилятомъ твоіомъ пѣсомъ, ил' е вребаюѣій какавъ шумскій Богъ мене пробудио, или Нимфа каква, коя плаховито крозъ шипрагъ шушти?

О! како е све красно у преумилной красоти! како снокойно око' мене предѣлъ почива! Какавъ узхитъ радости! Каква мила несвѣстица крозъ мое біюѣе сердце тече!

Плаховито пролеѣе погледъ мой крозъ тамну шуму, уставля се на свѣтлим' прошарицама, кое мѣсець крозъ густе сводове дркѣуѣи' листова, овдѣ на маховито стабло, тамо на клатиѣу траву, или на уздрктапе гране у црну тамнину просипа; често устравлѣнъ натрагъ полети, кадь се одъ преварльивы' стасина' кривы' стабала, ил' шуштеѣи' грана' у тами, или црны' сѣнкій поплаши; или онъ овудъ на таласи' плови, кои као свѣѣе скакуѣу на црномъ потоку, кои са жуборомъ покрай мене пада. Ёрѣ Луна путуе изнадъ свѣтлы' врхова дрва', а српе е са нѣжнима ножицама, или змаеви са лепршны крилы и танкимъ свиткимъ стасомъ вуку.

Како сладостно миришите вы око мене, вы цвѣтови! и ты любичице, коя се само у тихой ноѣи развианъ, и лѣковите мирисе разсинашь! Како благоприятно миришите вы овдѣ у тами! Невидими, и безъ шареногъ накита блистаюѣих боя', издае васъ ова милина, коіомъ садъ дишемъ. Вы люлюшкате у мегкомъ крылу успаване Зефире, кои цѣлый дугій данъ у сладостной игри око

васъ пробавляю и уморе се; и кадь се они пробуде, онда око' себе на'ју накуплѣну росу у чистым' чанцима одъ листова.

А какавъ умилный крекетъ, какво мукло пѣванѣ разноси се одунда одъ слатинне ливаде? Мале зелене жабице сѣде на листови', и пѣваю свою спаваћу пѣсму, у кою се деблѣй гласъ оных мѣша, кое у оближньої води на леѣи пловеѣи' нанѣва сѣде, или у сити почиваю, ил' зелену главу изнадъ баре подижу, и на мѣсець пѣваю; тако су веселе поредъ муклогъ пѣваня, као славуй поредъ чувствительне пѣсме. Тако се смѣши и пѣва худый пѣсмопѣваць на свога мецената, одушевлѣнъ толико, колико годъ нѣгова глупа глава подноси; кадь онъ у сладкой надежди сребрну сѣйность чинія', и подугачко винско стакло свога закрылника духомъ гледи, и поредъ глупога пѣваня онъ себе за нимало манѣгъ недржи одъ — и — поредъ божеске пѣсме.

Тамо изза ливаде оне чбуновитый чотъ сладостно подиже се, гдѣ изподъ витки' растова свѣтлость мѣсеца и тамне прошаране сѣнке скакућу; тамо скоро тече струѣйй потокъ, я чуемъ, да чуемъ я нѣговъ жуборъ; онъ на маховито каменѣ пада, и пѣнушеѣи се у долину хити, и са скакућуѣи таласы цвѣѣе на обали любви.

Оно е мѣсто, гдѣ самъ я нѣгда на травобогатой обали према мѣсечини найлѣпшу дѣвойку нашао; она се пружила была по цвѣћу, у танкой хальини, тако танкой, као найтаньи облаци, у кое се мѣсець често завия пробияюѣи свѣтлостю крозь нѣи; свирка една почивала е на сладостномъ крылу и нѣжномъ рамену, а међу тимъ не-

сташна рука е гласе изъ яснозвучны' жица' мамила; гласе, кои су у веѣй узхитъ доводили, него сва Филомелина чаюѣа пѣсма.

Она е пѣвала, цѣо предѣлъ славио е пѣсму ону, славуѣ е занѣмио слушаюѣи, Аморъ е у узхиту радости на лукъ се наслонио, и слухти у шипрагу. Я самъ Богъ любви, Богъ найвеселіегъ узхита, говорио е онъ у себи; али овоме узхиту, овой сладости, тако ми Стикса! подобно е само мало найблаженіих минута', кое самъ я уживао, одкако самъ годъ Аморомъ постао.

Луна е заповѣдила змаєвима своима нелепршати съ крылы; внимаюѣи насланя се она изза едне стране сребрны' кола', па уздише пречиста она богиня!

Веѣ е престала была дѣвойка пѣвати; веѣ е одзвѣвъ у оближнѣим' и дальным' стѣнама послѣднѣй гласъ трипуть съ узхитомъ отпѣвао; іоштъ е славуѣ занѣмио на густолистной грани сѣдио. Онда я приступимъ дѣвойци. Небесна дѣвойко, Богиньо, заплетао самъ езыкомъ! па уздрктанъ стиснемъ іой руку уздишуѣи. Дѣвойка узверена погледи у землю, сва порумени одъ стыда, и на смѣши се; безъ снаге клонемъ я поредъ нѣ; муцанѣ и уздрктане устне показивале су ту нѣой неизказанѣй узхитъ мой.

Моя задрктана лѣвака забавляла се на слабо застртоте крылу, са нѣжнима ручицама нѣним' издайнички играюѣи се, меѣу тимъ друга рука око' бѣлога са смеѣим' витицама обасутога врата се вѣйла.

Рука моя клону на дишуѣе оне груди; онда узда'ну дѣвойка, я самъ осѣтио то, онда обори клонуле очи свое

доле, и са уздрктанымъ противлѣнѣмъ руку мою са надимаюћи' се прсію узе; лудо оставимъ я прси, и готову побѣду.

О дѣвойко, дѣвойко! Шта я чувствуемъ! Чисто се боимъ, да ты ниси мене лаковѣрца за вѣчитогъ роба оковала!

Но, Бози! Шта я видимъ! тамо на тамной ливади! Пламени одунда се вию, са скакућући пламени хоће да се ухвате, садъ у округъ играю, садъ опеть лете, брзо као мунѣ, тамо преко шума, и чотова.

Вы сте то Богови! Побожный ратаръ дркѣе предъ вама, а безбожный наученикъ обезсвећава васъ, и васъ зацалѣнимъ парама назива. Благи богови сте вы, кои благотворно ноѣю излазите; вы забунѣногъ любовника къ забранѣно очекиваюћой дѣвойци доводите; или вы обоима путь освѣтлявате, кадъ тайностный шипрагъ полазе; или вребаюће издайнике заводите, и оставляете их у бари да чекаю.

Али куда се дѣнуете, вы бѣжећа божества! Изъ мой' очію исчезнуете, и я у свемъ тамномъ предѣлу никакове свѣтлости више невидимъ: само ондѣ виси, као жижакъ малый, еданъ црвиѣ у трави; сумрачно е, као гасећій се жижакъ на Музею мргоднога наученика, кои е на найдужой књижурини заспао, кадъ е међу тимъ жена нѣгова и безъ разговора већ легла, и на пустой супружной постельи спава. Музо! ты мени то казати знашь, зашто црви свѣтлость у стражиѣмъ трупѣ имаю, и одкудъ е она постала. Зевеъ е миловао еданпутъ као што е често чинио, едну лѣпу смртну дѣвойку, а Юнона му е устопце ишла са стародревномъ ревнивостію, ништа незнаюћи за

кротку наравъ данашњи' госпођа', кое се безъ ярости осмѣхую, и свою слађу овету учине, кадъ се господаръ покрай свое куће богинѣ провуче, и кодъ млађе служавке дивій пламенъ свой разлади. Са жестокимъ гнѣвомъ и оштровиднымъ окомъ, за свакимъ нѣговымъ коракомъ ешла. На еданпутъ према мѣсечини у заклонномъ шушню нађе га она, како на преима и набору хальине лѣпе едне младе смртнице, као бумбаръ безстыдно несташуе. Съ узкипѣломъ яростю дуго егледала она са облака едногъ ово чудновато позоріе. Други бумбари само бумбаре любе; чудна стваръ, да се крылатый црвѣ на дѣвойку запламти; тако е она са ердитомъ поругомъ говорила, кадъ наеданпутъ одъ Зевса Зевсѣ постаде, и устравѣну дѣвойку рукама обгрли. Што е онъ пре быо, садъ ѣнешъ ты быти ердито говораше Юнона; и на еданпутъ за овету супружне срамоте, одъ дѣвойке постане пузеѣй црвѣ; изъ загрля ожалошѣеногъ Јовиша измили онъ узъ едно размрсканѣ стабло крина, и да бы навѣкъ споменъ срамоте остао, Юнона сагна изъ вечернѣ звѣзде едну зраку у нѣговъ трупъ, коя на савъ родъ тій црвѣй безъ престанка прелази.

Садъ на небу звѣздама обасутомъ пливаю мали облаци амо: пьшовъ е окраякъ сѣино сребро. На сребрномъ површю мали богови любви несташую; они пуштаю да роса доле капа, те да ружу, коя ѣе сутра на младима преима да цвѣта, и чокоѣе опоравля; ерѣ ах! колико пута' обое лукавымъ боговима помаже.

Но садъ преблеђую облаци! Зашто се сакривашь, Луно, у чешѣу танчицу? Вальда ты чиста неможешь

лажкомыслене игре богова на облацима да поднесешъ?
Ил' е Сатиръ какавъ теби, о Ендимионе викао?

Освѣтли путь мой, мила богиња! Я ъу да изиђемъ
изъ луга, и чотъ онай полазимъ, гдѣ младе лозе на кри-
вудаюћий потокъ сѣнке бацаю, и гдѣ на нѣгови' далеко-
изгледни' леђи' сѣница една стои, гдѣ се пужаюће лозе
у високомъ съ гроздовы накићеномъ своду грле; гдѣ самъ
често у хладовитой сѣнки на зеленый дуваръ насланяю
се, и поредъ ружицама увѣчаногъ кондира съ приятельи
пѣсеме пѣвао, кое су Хагедорнъ и Глаймъ радостно и съ
боговима любви извияли.

Тамо се помолила она высокосведена сѣница! Сла-
достна страва мѣша се у таму, коя подъ сводомъ нѣнымъ
почива; Баха е сѣница у свое закрылѣ примила.

Много пута' се чую овдѣ у тихой поћи са устра-
влѣнымъ дивлѣнѣмъ пѣсеме напиянке, и звска пуногъ сре-
брногъ кондира. Залуталый путникъ чуето, тамо погледа,
али нѣгово тражеће око ништа неуматра; удивлѣнъ се
задркѣ, натрагъ тргне, и пуњъ страхопочитаня туда
пролази.

Тебе я поздравлямъ, тамна сѣнице! Како се високо
савияю лозе съ гроздовы нанизане! Како миловидно
крећу се листови на мѣсечени!

Шта тако умилно зум по твоме лишћу, и скакуће са
грозда на гроздъ? То су зефири, и — вѣруйте Музи!
и зачелци (атоми) идући' приятеля', услужни зефири носе
их на лѣковити' крыли', они несташую са бозима любви,
и купе се на леђа гроздова, и шале се и играю, мотаю
се у лавиринту мирисава грожђа, уморени већъ скупаляю

се онда на пльосный виновый листъ, или се купаю у роси у шупльикастим' нѣдрима ружиним', ил' спаваю на карамфилу, и смѣю се, кадъ се пробуде и виде, да е млада дѣвойка нѣи заедно съ цвѣтомъ узабрала, и у нѣдра своя посадила.

Вы приятельи! Кои садъ далеко у мртвоме сну лежите, ах! да сте вы овдѣ! Да се мени изъ далека свѣтлость жижка изъ сѣнице засвѣтлила. Да самъ я издалека пѣванѣ ваше чуо! Како бы я похитио вама у наручѣ, и напоенѣ радости гласъ мой у пѣсму кола умѣшао.

Но како ми е садъ! шта я чуемъ? Весела шала, и грохотный смѣх пеню се узѣ брежулякѣ. Можда е Лией са свомѣ веселомѣ пратнѣомѣ своіомѣ?

Али не, о радости! Васѣ видимъ я браѣо! Вы се на брежулякѣ пенѣте. Тамо! дай да се са виновымѣ лишѣемѣ увѣнчавамо! дай да у сѣници уокругѣ сѣднемо! Тко ѣе повести веселу пѣсму напиянку? Некѣ се одзивѣ у оближнѣ лугове разноси, и стѣне некѣ стѣнама пѣваю.

Фаунѣ, кои садъ у пеѣинама спава, чуе и буди се. Зачуѣенѣ прислушкуе ту пѣсму, горе скаче, за нѣомѣ пѣва и отвора мѣшину.

Кадъ Фебѣ изза горе оне на златни' коли' горе се узвезе, іоштѣ ѣе насѣ застати. Ах! (повикатѣ онда) тако весео нигда быо писамѣ, одкако самѣ Фебомѣ постао! Онда ѣе облаке скушити, и цѣлый жалостный данѣ кишу спуштати.

(Лѣтоп. 1829. 1.)

ТИШОГРАФСКЕ ПОГРЪШКЕ.

На страни	у врсти	печатано	поправљено.
29	16	спутивши	спутивши
43	4	поля	мора
49	5	Конѣмь	Копѣмь
52	12	Томь	Тимь
52	15	нѣнъ	му
64	14	богове	богове
104	22	подобанъ	подобанъ,
104	22	може, ...	може
114	17	текъ	некъ
114	17	прешнѣ	претнѣ
116	16	Ѣли	Є ли
+123	28	понукнуло	поникнуло
141	15	Сцициона	Сципiona
141	36	временах	времена'
150	23	хладовити, ...	хладовити'
153	16	Ламни	Ламии
155	15	Размѣтомь	Размѣромь
160	19	Треко	Преко
174	14	носимь	носишь
181	16	Алгиру	Алгиду
185	25	избавля	избавля :
193	6	наслѣдству	наслѣдству,
196	23	моя	моя.
198	23	моар'	мора'
240	18	Куприана	Куприана
254	12	сильный	сильных
294	8	називао	називала

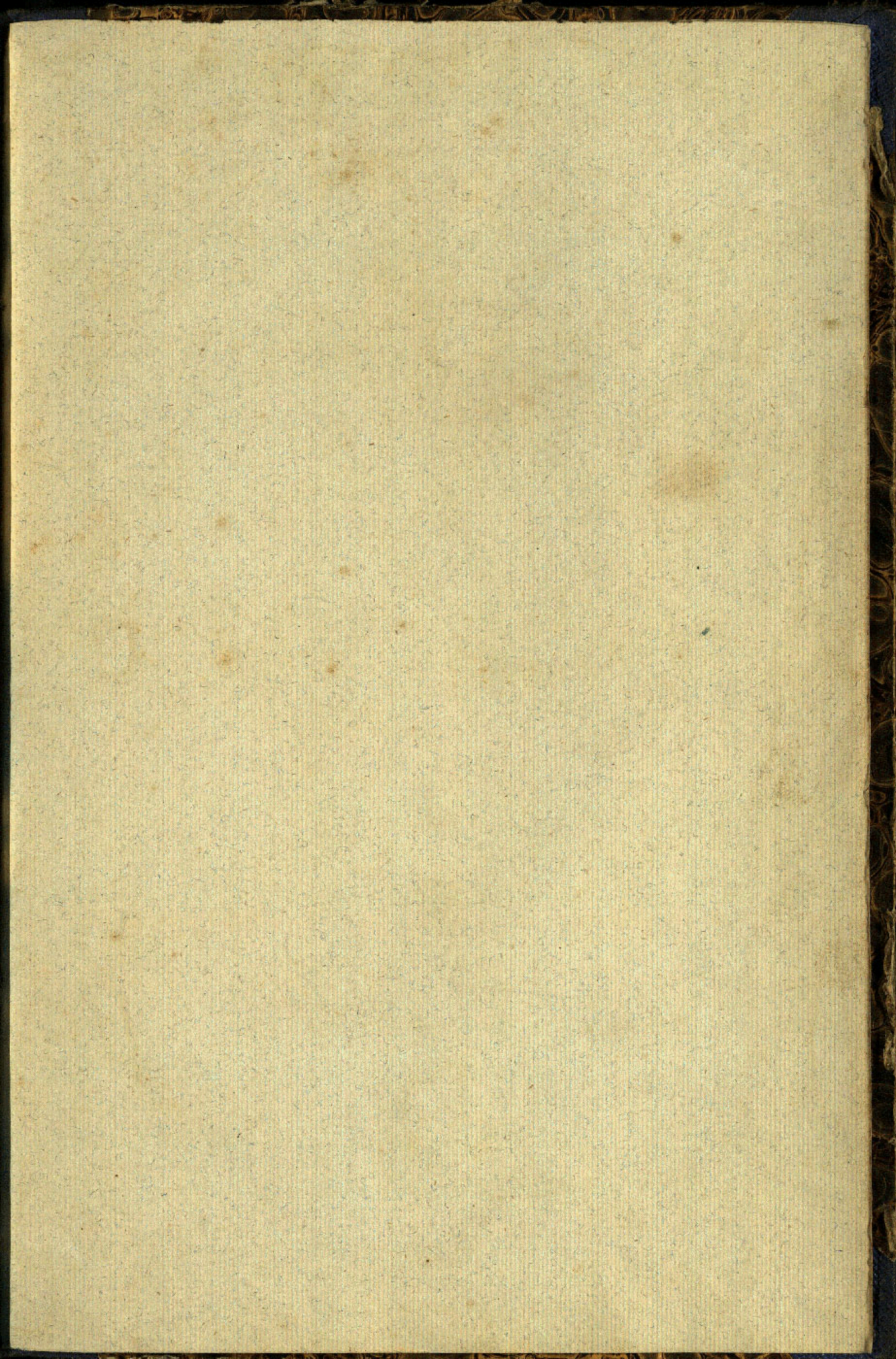
На страни 181. одъ врсте 9-е до 18-е да се замѣни
о вако :

Народъ тай,
Кой храбрость води Трое одъ сналѣне,
Буряма Туска мора ломлѣнѣ,
Светинѣ, дѣцу, и старце зрѣле

У Хузонске градове донесе;
Онъ расту тврдомъ подобно, када му
Гране са лишѣемъ тавнымъ скрешу
У плодоносномъ Алгиду, самогъ

Одъ твожѣ снагу и срдце добия крозь
Ране и крозь смртъ.

181	22
182	23
183	24
184	25
185	26
186	27
187	28
188	29
189	30
190	31
191	32
192	33
193	34
194	35
195	36
196	37
197	38
198	39
199	40
200	41
201	42
202	43
203	44
204	45
205	46
206	47
207	48
208	49
209	50
210	51
211	52
212	53
213	54
214	55
215	56
216	57
217	58
218	59
219	60
220	61
221	62
222	63
223	64
224	65
225	66
226	67
227	68
228	69
229	70
230	71
231	72
232	73
233	74
234	75
235	76
236	77
237	78
238	79
239	80
240	81
241	82
242	83
243	84
244	85
245	86
246	87
247	88
248	89
249	90
250	91
251	92
252	93
253	94
254	95
255	96
256	97
257	98
258	99
259	100

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

P₁₉ Ср III 229/2.1